

ISSN 2218-2926

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ

**ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В.Н. КАРАЗИНА**

КОГНИЦИЯ, КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС

Направление “Филология”

№ 7

Международный электронный сборник научных трудов

Основан в 2010 г.

**Харьков
2013**

Статьи данного выпуска содержат результаты исследований украинских и российских лингвистов, анализирующих методологические принципы анализа речи с точки зрения энергетической теории; концептуальные и когнитивные проблемы современной англистики, украинистики, русистики; дискурсивную практику на материале политического, компьютерного и иных типов дискурса.

Для лингвистов, преподавателей, аспирантов и магистрантов.

Утверждено решением Ученого совета
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина
(протокол № 9 от 28 октября 2013 г.)

Редакторы:

И.С. Шевченко, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
В.И. Карасик, докт. филол. наук (Волгоградский государственный педагогический университет, Россия)

Редакционная коллегия:

Д. Александрова, доктор философии (университет Климента Охридского, г. София, Болгария)
А.Д. Белова, докт. филол. наук (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина)
Л.Р. Безуглая, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
Д. Вандервекен, доктор философии (университет Квебека, г. Труа-Ривьер, Канада)
С.А.Жаботинская, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)
Е.А. Карпиловская, докт. филол. наук (Институт украинского языка Национальной академии наук Украины, Украина)
Г. Коллер, доктор философии (университет имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия)
Г.Н. Манаенко, докт. филол. наук (Ставропольский государственный педагогический институт, Россия)
А.П. Мартынюк, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
Ф.Д. Матито, доктор философии (университет Ла Риоха, г. Мадрид, Испания)
Л.М. Минкин, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина)
С.А. Моисеева, докт. филол. наук (Белгородский государственный университет, Россия)
Е.И. Морозова, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
В.Г. Пасынок, докт. пед. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
А.Н. Приходько, докт. филол. наук (Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Украина)
В.А. Самохина, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
Е.А. Селиванова, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)
Г.Г. Слышкин, докт. филол. наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия)
Л.В. Солощук, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
М. Фриман, доктор философии, почетный профессор (Вэлли Колледж, г. Лос-Анжелес); со-директор (Мэрифилд институт когниции и гуманитарных наук, г. Хит, США)
Н. Чабан, доктор философии (университет Кентербери, г. Крайстчерч, Новая Зеландия)
В.Е. Чернявская, докт. филол. наук (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Россия)

Ответственный секретарь:

Е.В. Бондаренко, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Адрес редакционной коллегии:

Украина, 61022, г. Харьков, пл. Свободы, 4
Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина
Факультет иностранных языков
Тел.: (057) 707-51-44
irina.shevchenko7@gmail.com

Интернет-страница журнала: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>

Текст дается в авторской редакции.

Статьи прошли внутреннее и внешнее рецензирование.

Выпускается ежегодно.

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені В.Н. КАРАЗІНА

КОГНІЦІЯ, КОМУНІКАЦІЯ, ДИСКУРС

Напрямок “Філологія”

№ 7

Міжнародний електронний збірник наукових праць

Започаткований у 2010 р.

Харків
2013

Статті даного випуску містять результати досліджень українських і російських лінгвістів, що аналізують методологічні принципи аналізу мови з точки зору енергетичної теорії; концептуальні і когнітивні проблеми сучасної англістики, україністики, русистики; дискурсивну практику на матеріалі політичного, комп'ютерного та інших типів дискурсу.

Для лінгвістів, викладачів, аспірантів та магістрантів.

Затверджено рішенням Вченої ради
Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна
(протокол № 9 від 28 жовтня 2013 р.)

Редактори:

І.С. Шевченко, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
В.І. Карасик, докт. філол. наук (Волгоградський державний педагогічний університет, Росія)

Редакційна колегія:

Д. Александрова, доктор філософії (університет Климента Охридського, м. Софія, Болгарія)
А.Д. Белова, докт. філол. наук (Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна)
Л.Р. Безугла, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
Д. Вандервекен, доктор філософії (університет Квебека, м. Труа-Рив'єр, Канада)
С.А. Жаботинська, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)
Є.А. Карпіловська, докт. філол. наук (Інститут української мови Національної академії наук України, Україна)
Г. Коллер, доктор філософії (університет імені Фрідріха Александра, м. Ерланген-Нюрнберг, Німеччина)
Г.М. Манаєнко, докт. філол. наук (Ставропольський державний педагогічний інститут, Росія)
А.П. Мартинюк, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
Ф.Д. Матіто, доктор філософії (університет Ла Риоха, м. Мадрид, Іспанія)
Л.М. Мінкін, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
С.А. Моїсєєва, докт. філол. наук (Белгородський державний університет, Росія)
О.І. Морозова, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
В.Г. Пасинок, докт. пед. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
А.М. Приходько, докт. філол. наук (Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара, Україна)
В.О. Самохіна, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
О.О. Селіванова, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)
Г.Г. Слишкін, докт. філол. наук (Російська академія народного господарства і державної служби при Президенті Російської Федерації, м. Москва, Росія)
Л.В. Солощук, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
М. Фрімман, доктор філософії, почесний професор (Веллі коледж, м. Лос-Анжелес); співдиректор (Меріфілд інститут когніції та гуманітарних наук, м. Хіт, США)
Н. Чабан, доктор філософії (університет Кентербері, м. Крайстчерч, Нова Зеландія)
В.Є. Чернявська, докт. філол. наук (Санкт-Петербурзький державний політехнічний університет (Росія)

Відповідальний секретар:

Є.В. Бондаренко, доктор філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61022, м. Харків, майдан Свободи, 4
Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна
Факультет іноземних мов
Тел.: (057) 707-51-44
ishev7@gmail.com

Інтернет-сторінка журналу: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>

Текст подано в авторській редакції.

Статті пройшли внутрішнє та зовнішнє рецензування.

Видається щорічно.

ISSN 2218-2926

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF UKRAINE

V.N. KARAZIN KHARKIV NATIONAL UNIVERSITY

COGNITION, COMMUNICATION, DISCOURSE

Series “Philology”

7

International on-line journal

<http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>

Published since 2010

Kharkov
2013

The articles in this issue include the results of studies of the Ukrainian and Russian linguists who focus on the methodological principles of the analysis of speech in terms of energy theory, conceptual and cognitive problems of modern English, Ukrainian, Russian Studies; discursive practice on the material of computer, political and other types of discourse.

For linguists, teachers, graduate students and undergraduates.

Editors:

Irina Shevchenko, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine, irina.shevchenko7@gmail.com)

Vladimir Karasik, Doctor, Professor (Volgograd State Pedagogical University, Russia, vladimir_karasik@mail.ru)

Editorial Board:

Donka Alexandrova, Doctor, Professor (University St.Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria)

A.D. Belova, Doctor, Professor (Kyiv National Taras Shevchenko University, Ukraine)

L.R Bezugla, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Natalia Chaban, PhD, Associate Professor (University of Canterbury, Christchurch, New Zealand)

V.E. Chernyavskaya, Doctor, Professor (St. Petersburg State Research Polytechnical University, Russia)

Margaret H. Freeman, PhD, Co-director of Myrfield Institute for Cognition and the Arts, Health; Professor Emeritus (Valley College, Los Angeles, USA)

Alina Israeli, PhD, Associate Professor, Department of World Languages and Cultures, (American University, Washington, D.C., USA)

Y.A. Karpilovska, Doctor, Professor (Ukrainian Language Institute, National Academy of Sciences, Kyiv, Ukraine)

Gerhardt Koller, PhD, Professor (Friedrich Alexander University, Erlangen-Nuremberg, Germany)

G.N. Manaenko, Doctor, Professor (Stavropol State Pedagogic Institute, Russia)

A.P. Martyniuk, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Dominguez Matito, F., PhD, Professor Titular (University of La Rioja, Spain)

L.M. Minkin, Doctor, Professor (Kharkiv National Pedagogical University, Ukraine)

S.A. Moiseyeva, Doctor, Professor (Belgorod State Research University, Russia)

E.I. Morozova, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

V.G. Pasynok, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

A.M. Prikhodko, Doctor, Professor (Dnepropetrovsk National University, Ukraine)

O.O. Selivanova, Doctor, Professor (Bogdan Khmelnytsky Cherkassy National University, Ukraine)

V.A. Samokhina, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

G.G. Slyshkin, Doctor, Professor (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia)

L.V. Soloschuk, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Daniel Vanderveken, PhD, Full Professor (University of Quebec at Trois-Rivières, Canada)

S.A. Zhabotinska, Doctor, Professor (Bogdan Khmelnytsky Cherkassy National University, Ukraine)

Executive Secretary:

Y.V. Bondarenko, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Editorial Address:

Ukraine, 61022, Kharkov, Svobody square, 4
(V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Faculty of Foreign Languages

Tel.: (057) 707-51-44

Internet-page: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>

All articles are peer reviewed

Published annually

Recommended by the Academic Council of V.N. Karazin Kharkiv National University
(Minutes № 6 of 28 May 2010)

© 2013 V.N. Karazin Kharkiv National University, Cover design: Vadim Shevchenko

ЗМІСТ

Е.В. Бондаренко ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОБЪЕКТИВАЦИИ ПОНЯТИЯ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ДИСКУРСЕ (VII–XXI ст.)	8
Л.Г. Викулова, И.В. Макарова ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА: КНИЖНЫЙ КАТАЛОГ.....	23
А.А. Калита ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РЕЧИ: ЕЕ СУЩНОСТЬ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	33
А.В. Колмогорова КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СУБЪЕКТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ С ПОЗИЦИЙ РАСПРЕДЕЛЁННОЙ МОДЕЛИ ЯЗЫКА И КОГНИЦИИ	54
А.П. Мартынюк, А.Ю. Поникарева КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ АНАЛИЗА СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО СИНТАКСИСА АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	68
Д.М. Павкин КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА АНГЛИЙСКИХ И УКРАИНСКИХ ЗАГАДОК: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	81
N.V. Tatsenko NEOLOGICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT ILLNESS (AS A RESULT OF INFORMATION TECHNOLOGY IMPACT) IN ENGLISH-SPEAKING COMPUTER DISCOURSE	100
И.Е. Фролова РЕГУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАТЕГИИ КОНФРОНТАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ИНСТРУМЕНТАРИЙ И ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА.....	111
Редакторы	131
Рекомендации по оформлению статей.....	134

УДК 811.111'42

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОБЪЕКТИВАЦИИ ПОНЯТИЯ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ДИСКУРСЕ (VII–XXI ст.)

Е.В. Бондаренко (Харьков, Украина)

Е.В. Бондаренко Эволюционные тенденции объективации понятия времени в английском языке и дискурсе (VII–XXI ст.). Рассматриваются когнитивно-семантические характеристики лексических средств объективации понятия времени как дуального научного и вненаучного явления в английском языке и в различных типах дискурса Великобритании VII–XXI вв. Дуальность понятия времени обусловлена двумя диффузными типами мировосприятия – научным и вненаучным, которые воплощаются в ‘холодной’ и ‘теплой’ картинах мира. Воплощение понятия времени в системе языка и дискурсе описывается с помощью модели времени. Модель времени в системе английского языка описывается как матрица доменов, которая служит когнитивным основанием лексико-семантического поля времени. Модель времени в дискурсе представляется как матрица доменов, служащая для описания отношений между граничным доменом ВРЕМЯ и другими доменами.

Ключевые слова: дуальность понятия времени, матрица доменов, модель времени, ‘холодная’ / ‘теплая’ картина мира.

Є.В. Бондаренко Еволюційні тенденції втілення поняття часу в англійській мові та дискурсі (VII–XXI ст.). Розглядаються когнитивно-семантичні характеристики лексичних засобів втілення поняття часу як наукового та позанаукового явища в системі англійської мови і в різних типах дискурсу Великої Британії VII–XXI ст. Дуальність поняття часу зумовлена двома дифузними типами світопізнання – науковим і позанауковим, що мають формами втілення ‘холодну’ й ‘теплу’ картини світу. Утілення поняття часу в мові й дискурсі описується за допомогою моделі часу. Модель часу в системі англійської мови постає як матриця доменів, що слугує когнитивним підґрунтям лексично-семантичного поля часу. Модель часу у дискурсі постає як матриця доменів, що слугує для позначення відносин між граничним доменом ВРЕМЯ та іншими доменами.

Ключові слова: дуальність поняття часу, матриця доменів, модель часу, ‘холодна’ / ‘тепла’ картина світу.

Y.V. Bondarenko Evolutionary tendencies of implementing the notion of time in the English language and discourse. This article addresses the issue of cognitive and semantic characteristics of the lexical means of verbalizing the notion of time as a scientific and non-scientific phenomenon in the system of the English language and in different types of discourse in the 7th- 21st centuries. Duality of the notion of time is conditioned by two diffuse types of world perception, the scientific and non-scientific ones, which are manifest in the ‘cold’ and ‘warm’ world images respectively. Projection of the notion of time into the language and discourse is described with the help of the time model. The time model in the system of the English language is considered as a domain matrix which serves as a cognitive underpinning for the lexical/semantic field of time. The time model in discourse is presented as a domain matrix to describe the relationships of the basic TIME domain with other domains.

Key words: ‘cold’ / ‘warm’ world image, domain matrix, duality of the notion of time, time model.

Издавна и до наших дней понятие времени неизменно остается одним из самых актуальных объектов анализа в философских и лингвистических, а в XVIII–XX вв. – и в естественных науках.

В последнее десятилетие время изучается как универсальное когнитивное явление, объективированное в языке и дискурсе [Любинская, Лепилин 2002], и как национально-культурное явление [Evans 2004; Nuñez 1999].

Однако вопрос о дуальности понятия времени как явления, которому можно найти объяснение в лингвокогнитивистике, до сих пор не ставился. Рассмотрение этого вопроса требует привлечения диахронического ракурса исследования когнитивных трансформаций времени в системе языка и в разных речевых средах (типах дискурса, которые объективируют разные типы познания мира). Такое исследование соответствует новому интегративному направлению – исторической концептологии.

Целью работы является выявление структуры, особенностей вербализации и тенденций эволюции лингвокогнитивной модели времени, объективированной в системе английского языка, научном и вненаучном дискурсе.

Актуальность проблематики исследования обусловлена ориентацией филологической науки на определение взаимосвязи между когницией человека и средой ее овеществления в языке и речи; ключевой ролью времени как одного из неотъемлемых факторов формирования познавательных механизмов человека; отсутствием методики исследований развития когнитивных процессов, происходящих в языке и речи, в рамках историчной когнитивистики.

Объектом исследования являются лексические средства вербализации понятия времени в системе английского языка, а также в научном и вненаучном англоязычном дискурсе VII–XXI вв. **Предметом** работы являются когнитивно-семантические характеристики средств лексикализации понятия времени в английском языке и их эволюция в британском научном, мифо-эпическом и поэтическом дискурсах VII–XXI вв.

Материалом служили лексические языковые средства вербализации времени – существительное современного английского языка *time*, его синонимы и исторические эквиваленты: древне- и среднеанглийские *cierr*, *tid*, *tima*, *tyme* (*time*) и их синонимы – всего 40 000 употреблений, полученных из британских мифо-эпических (начиная с кельтских, взятых как точка отсчета) и философских текстов о времени, а также из лирических стихотворных произведений кельтских и британских поэтов VII–XX вв. объемом 90 тыс. страниц.

В нашей работе избран логический подход к концепту, который определяется как элементарная оперативная содержательная единица всей картины мира (далее – КМ), отраженная в человеческой психике [Краткий словарь... 1996; Croft, Cruse 2004; Lakoff 1994; Langacker 2000]. Концепты образуют концептуальные системы [Краткий словарь... 1996: 94-95], одной

из которых является концептуальная картина мира (ККМ): сложное когнитивное образование в сознании человека, которое, с одной стороны, представляет в виде структурированного знания глобальный динамический образ мира и результаты внешнего и внутреннего рефлексивного опыта человека и, с другой, может быть реализована в вербальных формах.

Картины мира различаются по уровню сознания (мировосприятия) и форме (среде) их реализации. Согласно теории А.С. Есенина-Вольпина [1999] и К. Поппера [1983], рефлексия окружающего мира имеет место в рамках разных не строго разграниченных уровней сознания: дотеоретического (наивного), теоретического (научного и философского) и внетеоретического (религиозно-мифологического и художественного). Каждой самостоятельной сфере сознания – мифологии, религии, философии, науке, искусству – присущ специфический способ мировосприятия. Результатом его приложения являются соответствующие КМ – научная и вненаучная, к последней относим мифо-эпическую и художественную КМ. Формой (средой) реализации определенной КМ является язык или дискурс.

В нашем исследовании мы исходим из того, что когниция, результатом которой являются разные КМ, может рассматриваться в терминах диффузных бинарных оппозиций “объективное” :: “субъективное”, “личностное” :: “неличностное”, “рассудочное” :: “чувственное”, “рациональное” :: “эмоциональное”, “логическое” :: “эстетическое”. Эти бинарные оппозиции диффузны. Диффузность в духе современной философии науки является подтверждением тезиса о недопустимости жесткого противопоставления субъекта и объекта, научной и вненаучной КМ [Августин Блаженный 2000; Бердяев 1989; Бубер 1995; Гачев 1991; Делез, Гваттари 1998; Мамардашвили 1991; Смирнов 1997; Флоренский 2003; Ясперс 1991], которые включают как правые, так и левые члены оппозиции; лишь относительный перевес левых членов оппозиции в КМ обуславливает ее научность, правых – ее вненаучность. Первый тип КМ называется ‘холодной’ (ХКМ), а второй – ‘теплой’ (ТКМ) (термины А.Ю. Цофнаса). Вместе с тем, следует принимать во внимание, что, хотя средой их объективации является, соответственно, научный и поэтический дискурсы [Померанц 1983; Цофнас 1999], ни одна из них не является “чистой” реализацией научной или вненаучной КМ.

Свойства ХКМ, представлены набором концептуальных признаков КМ: ОБЪЕКТИВНОСТЬ, РАССУДОЧНОСТЬ, МАТЕРИАЛЬНОСТЬ, РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, ЛОГИЧНОСТЬ, ЗАКОНОМЕРНОСТЬ, СТЕРЕОТИПНОСТЬ. Под набором концептуальных признаков КМ понимается система категориальных концептов, являющихся критериальными для выбора, освоения и вербализации явлений окружающей действительности. Так, в научной КМ признак ОБЪЕКТИВНОСТЬ допускает, что при выборе феномена для когнитивной обработки сознанием факт, введенный маркером *It seems, I feel* и др., не будет приниматься во внимание.

ТКМ представлена набором таких концептуальных признаков: ДУХОВНОСТЬ, ЧУВСТВЕННОСТЬ, СУБЪЕКТИВНОСТЬ, ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ, ЭСТЕТИЧНОСТЬ, СЛУЧАЙНОСТЬ и УНИКАЛЬНОСТЬ. Например, время в ХКМ реализуется в рамках научного представления о минуте: *It takes me ten minutes to walk to work* [LDCE: 1048]; а в ТКМ – в рамках наивного и эмоционально насыщенного: *I went camping for a week and enjoyed every minute of it* [LDCE: 1048].

Противоположные по свойствам, ХКМ и ТКМ диффузны, т.к. четких границ между ними нет. Так, *hour* может представляться как одновременно ‘холодный’, астрономический и ‘теплый’ промежуток времени: *The heat of God's great furnace ate up sin, / Which whispered up in smoke or fell in ash: / So that each hour a new hour could begin* [Wain [44]: 558]. Час здесь, с одной стороны, является астрономически измеряемым интервалом времени, ориентиром (*each hour* – ХКМ), с другой, – новой эпохой (*a new hour* – ТКМ), когда люди избавятся от греха. Объективации времени в научном и поэтическом типах дискурса, однако, наиболее отдалены одна от другой по своей сути: в ХКМ время параметрично, количественно измеримо в определенных интервалах: *For a typical rate of working of these machines, panels need to be fed approximately every 50 seconds* [BNC: CAN 1344], а в ТКМ является скорее качественным феноменом, который эмоционально или эстетически воспринимается человеком: *O aching time! O moments big as years!* [Keats: 221].

Инструментом исследования дуальности времени, реализованной в английском языке и дискурсе, избрана **модель времени** [Арутюнова 1997; Иоанесян 2010; Репина 2010; Уитроу 1964; Яковлева 1994; Dunne 2001; Evans 2004; Nuñez 1999], под которой понимаются разные способы его толкования.

В нашем исследовании **модель** – это когнитивная структура, представляющая понятие времени в языке и дискурсе. В модели время описывается в виде базового домена (матрицы доменов) или концепта. Модель выявляет соотношение компонентов научной и вненаучной картин мира в понятии времени, характерном для конкретной эпохи и доминирующего типа мировосприятия.

ВРЕМЯ как концепт, реализованный в языке и речи, моделируется в виде **матрицы доменов** [Clausner, Croft 1999: 7; Langacker 2008: 48]., которая определяется как **набор доменов, сконцентрированный вокруг определенного концепта и тем самым объясняющий его содержание**.

Необходимо заметить, однако, что сконцентрированная модель не позволяет визуально отразить принадлежность тех или иных ее составляющих к ХКМ или ТКМ, поэтому в работе применяется иная форма построения матрицы, фоном для которой всегда остаются перекрывающиеся друг друга (диффузные) сферы ‘холодной’ и ‘теплой’ картин мира.

В **языке** матрица доменов концепта ВРЕМЯ служит когнитивным основанием значений полисемантической лексемы *time*, ее исторических

эквивалентов и синонимов. Каждое из значений реализует концепт ВРЕМЯ, который профилируется в рамках определенного домена матрицы. Под профилированием понимается когнитивная операция формирования значения знака на фоне всего объема информации, активированной этим знаком [Langacker 2000]. Домены в матрице могут находиться в иерархической зависимости один от другого и демонстрировать “грануляцию” знания, благодаря возможности выделения субдоменов, парцелл, субпарцелл и пр. [Жаботинская 2009; Clausner, Croft 1999]. К ‘холодной’ картине мира относятся такие домены, как ТОЧНОЕ (АСТРОНОМИЧЕСКОЕ) ВРЕМЯ, БЫТИЕ ВСЕЛЕННОЙ, ТОЧНАЯ ДЛИТЕЛЬНОСТЬ и др., а к ‘теплой’ – РЕСУРС, ЕМОЦИЯ, ЖИЗНЬ (ЧЕЛОВЕКА) и др.

Вербализация этих доменов в узусе и их номенклатура эволюционировали на протяжении истории развития английского языка. Каждый из периодов характеризуется индивидуальными закономерностями и тенденциями.

В древнеанглийский период превалируют две: первая – варьирование средств реализации домена ВРЕМЯ, то есть наличие эквонимов *tid*, *first*, *fierst*, *tima*, *hwil*, *þrag*, которые позднее исчезают из вокабуляра или подвергаются семантическим трансформациям (как *hwil* ('while') или *tid* ('tide')). Вторая тенденция – супплетивность номинаций интервалов времени: *æfentid* ('evening time'), *monaðfýlen* ('time of full moon'), *earfoðþrag* ('sorrowful time'), *gebyrðtid* ('time of birth'). Эти номинации также исчезают в процессе эволюции английского словаря.

Язык среднеанглийского периода характеризуется сокращением набора лексических единиц, обозначающих время. Это обусловило возникновение процессов семантической конвергенции (слияния значений, которые в древнеанглийский период имели другие лексемы) с одновременной диверсификацией семантики (увеличением количества значений) лексемы *tyme* (*time*). Последняя играет абсолютно самостоятельную роль и актуализирует в языке большое разнообразие доменов, от ‘холодного’ ТОЧНОЕ ВРЕМЯ до ‘теплого’ ВРЕМЯ ЖИЗНИ (рис. 1).

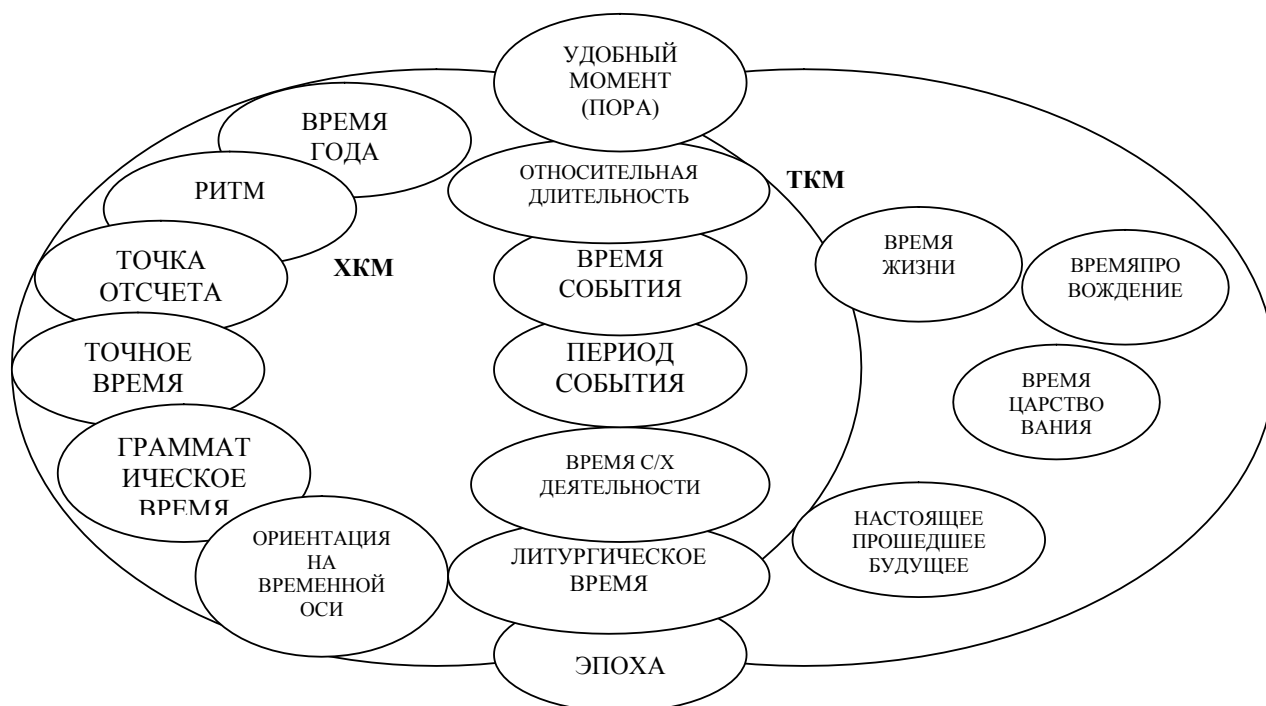

Рис. 1. Распределение доменов в матрице, активированной лексемой *time* среднеанглийского языка, между ХКМ и ТКМ

В современном английском языке в матрице доменов, которая является когнитивным основанием значений полисеманта *time*, имеются 'холодные' домены: ТОЧНАЯ ДЛИТЕЛЬНОСТЬ, БЫТИЕ ВСЕЛЕННОЙ, ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ, ТОЧНОЕ (АСТРОНОМИЧЕСКОЕ) ВРЕМЯ, ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ и РИТМ, субдомены домена ЗАНЯТИЕ: СПОРТИВНОЕ ВРЕМЯ, РОБОЧЕЕ ВРЕМЯ (ЗАРПЛАТА), СРОК ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ, СРОК ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ, ВРЕМЯ ЗАКРЫТИЯ (ПАБА). Промежуточное положение между ХКМ и ТКМ занимают домены МОДУСЫ ВРЕМЕНИ (НАСТОЯЩЕЕ, ПРОШЛОЕ и БУДУЩЕЕ), ВРЕМЯ СОБЫТИЯ, ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ДЛИТЕЛЬНОСТЬ, ПОРА и ЭПОХА. 'Теплые' домены – РОЖДЕНИЕ, ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ (ЧЕЛОВЕКА), ПЕРСОНА, РЕСУРС и ЭМОЦИЯ (рис. 2).

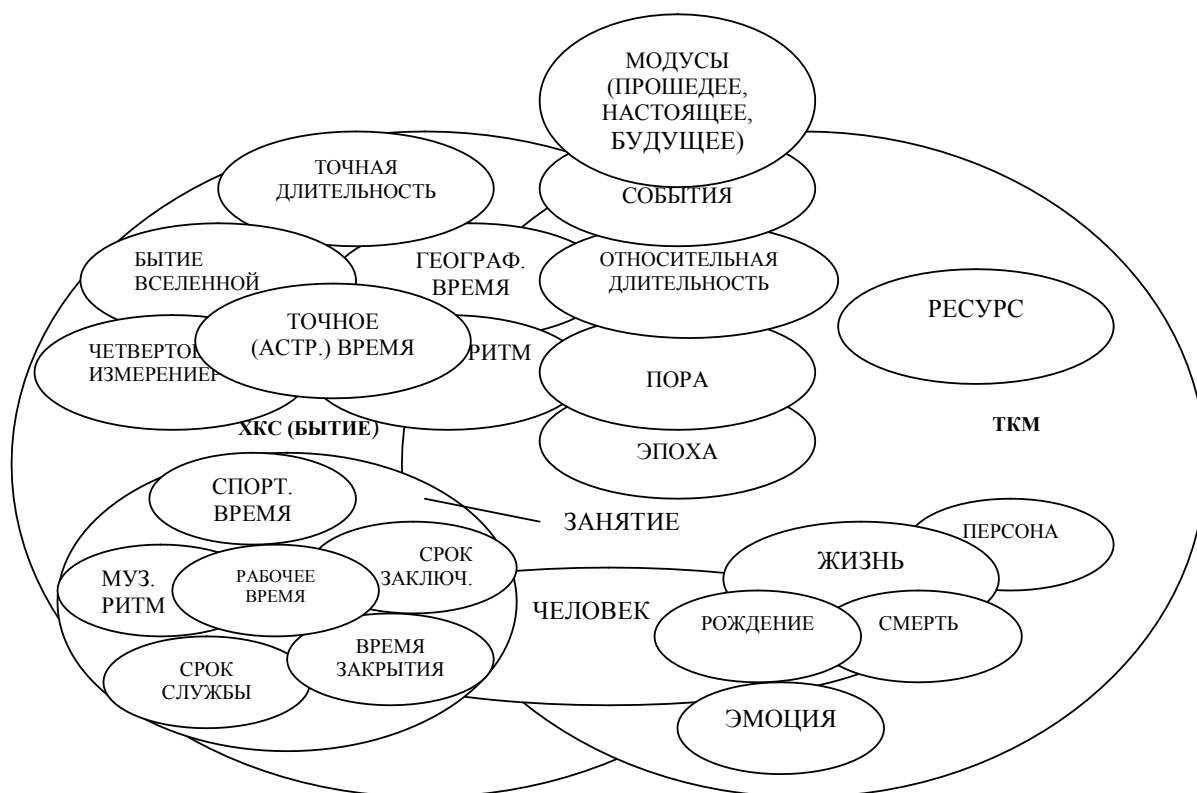

Рис. 2. Распределение доменов в матрице, активированной лексемой *time* современного английского языка, между ХКМ и ТКМ

В *дискурсе* матрица доменов концепта ВРЕМЯ представляется как набор доменов, реализующий в дискурсе концептуальные связи домена ВРЕМЯ с другими доменами. Полная концептуальная матрица концепта ВРЕМЯ состоит из доменов КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ, МЕРА / ЧАСТЬ ВРЕМЕНИ, МЕСТО СУЩЕСТВОВАНИЯ ВРЕМЕНИ, МЕТАФОРИЧЕСКИЙ КОРНЕЛЯТ, РЕЗУЛЬТАТ ДЕЙСТВИЯ / ВЛИЯНИЯ ВРЕМЕНИ, ТО, НА ЧТО ДЕЙСТВУЕТ / ВЛИЯЕТ ВРЕМЯ, ПРИЧИНА СУЩЕСТВОВАНИЯ ВРЕМЕНИ, РАЗНОВИДНОСТИ ВРЕМЕНИ, ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ ВРЕМЕНИ, СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВРЕМЕНИ и АНТЕЦЕДЕНТ ВРЕМЕНИ, которые имеют переменные наполнители-концепты (концепты, которые профилируются в их переделах). В зависимости от того, к какой КМ относится большинство наполнителей домена, определяется принадлежность этого домена к ХКМ или ТКМ (рис. 3):

Рис. 3. Распределение доменов матрицы концепта ВРЕМЯ между ХКМ и ТКМ

Схема на рис. 3 строится на основе допущения, что концепт или большинство концептов, профилирующихся в пределах домена (или наполняющих домен), определяют принадлежность домена ХКМ или ТКМ. Таким образом, расположение доменов относительно ХКМ или ТКМ вариативно. Например, домен НАЧАЛО / КОНЕЦ ВРЕМЕНИ может быть базой 'холодного' концепта БОЛЬШОЙ ВЗРЫВ, домен ТО, НА ЧТО ДЕЙСТВУЕТ ВРЕМЯ – 'холодного' концепта ПРИРОДА, домен ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ ВРЕМЕНИ – 'холодного' концепта ЧАСЫ, поэтому домены принадлежат ХКМ. Вместе с тем, домен МЕСТО СУЩЕСТВОВАНИЯ ВРЕМЕНИ может быть базой 'теплого' концепта, например, такого как РАЗУМ ЧЕЛОВЕКА, домен ПРИЧИНА СУЩЕСТВОВАНИЯ ВРЕМЕНИ – 'теплого' концепта БОГ. Домен МЕТАФОРИЧЕСКИЙ КОРРЕЛЯТ является ингерентно 'теплым', независимо от его наполнения, так как вторичная метафорическая номинация является неотъемлемой чертой ассоциативного мышления, присущего исключительно человеку. Поэтому домены, наполненные ингерентно 'теплыми' концептами, принадлежат ТКМ. В связи с тем, что в схеме на рис. 3 большинство доменов принадлежат ТКМ, ВРЕМЯ также тяготеет к 'теплой' картине мира. Таким образом, вариативность наполнения доменов обуславливает вариативность принадлежности домена ВРЕМЯ, профилирующего концепт ВРЕМЯ, ХКМ или ТКМ.

Рассмотрим конкретный пример объективации концепта ВРЕМЯ в философском дискурсе: *Absolute, true, and mathematical time, in and of itself and of its own nature, without reference to anything external, flows uniformly and by another name is called duration. Relative, apparent, and common time is any sensible and external measure (precise or imprecise) of duration by means of motion; such a measure – for example, an hour, a day, a month, a year – is commonly used instead of true time* [SEP].

Здесь так называемое математическое время является измерением Вселенной (домен РАЗНОВИДНОСТИ ВРЕМЕНИ заполняется ‘холодным’ концептом ИЗМЕРЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ), оно течет независимо от внешних или посторонних факторов. Такое время называется ДЛИТЕЛЬНОСТЬ (*by another name is called duration*), ‘холодный’ концепт, заполняющий домен РАЗНОВИДНОСТИ ВРЕМЕНИ. Концепт ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ, заполняющий домен РАЗНОВИДНОСТИ ВРЕМЕНИ, является промежуточным между ХКМ и ТКМ.

Так, концепты домена РАЗНОВИДНОСТИ ВРЕМЕНИ распределяются между ХКМ и ТКМ следующим образом (табл. 1.):

Таблица 1

**Распределение концептов-наполнителей домена
РАЗНОВИДНОСТИ ВРЕМЕНИ в модели,
объективированной в английском натурфилософском дискурсе (XVII в.)**

Домен	Наполнитель-компонент ХКМ	Наполнитель-компонент ТКМ
РАЗНОВИДНОСТИ ВРЕМЕНИ	ИЗМЕРЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ, ДЛИТЕЛЬНОСТЬ	ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ

Графически позицию этого домена относительно ХКМ и ТКМ можно изобразить так (рис. 4):

Рис. 4. Расположение домена РАЗНОВИДНОСТИ ВРЕМЕНИ в модели времени, реализованной в британском натурфилософском дискурсе (XVII в.)

В связи с тем, что один из концептов принадлежит ХКМ, а другой – ТКМ, положение домена является промежуточным между ХКМ и ТКМ.

Предлагаемый метод матричного моделирования позволяет сравнивать характер концепта ВРЕМЯ, объективированного, например, в британском философском дискурсе разных эпох. Так, в британском философском дискурсе (VII–XIII вв.) он ‘холодный’ (рис. 5), а в дискурсе британской аналитической философии XX в. (рис. 6) – ‘теплый’.

Рис. 5. Модель времени, реализованная в британском философском дискурсе (VII–XIII вв.)

Рис. 6. Модель времени, реализованная в дискурсе британской аналитической философии XX в.

Модели времени, реализованные в современном **философском и естественнонаучном** дискурсах, демонстрируют две особенности:

Во-первых, они являются продуктом накопления свойств более ранних теоретических и внетеоретических моделей времени:

A truer image of the world, I think, is obtained by picturing things as entering into the stream of time from an eternal world outside, than from a view which regards time as the devouring tyrant of all that is [Russell]. Первый фрагмент

(*picturing things as entering into the stream of time from an eternal world outside*) иллюстрирует новый теоретический (научный) взгляд на время как независимое от внешнего влияния явление, тогда как второй (*the devouring tyrant of all that is*) – мифологический или поэтический, где время ассоциируется с тираном, пожирающим все сущее.

Во-вторых, тенденцией в их формировании является переход концептов из домена МЕТАФОРИЧЕСКИЙ КОРРЕЛЯТ в другие, чаще всего – в домен РАЗНОВИДНОСТИ ВРЕМЕНИ, то есть трансформация образов в научные термины или понятия: *The amalgamation of the universe's irreversible processes produces the cosmic arrow of time, the master arrow. Usually this arrow is what is meant when one speaks simply of "time's arrow"* [IEP]. В примере показано, как концепт СТРЕЛА, метафорический коррелят концепта ВРЕМЯ в мифо-эпическом или поэтическом дискурсе, превращаются в научное понятие "*time's arrow*", которое вербализует в научном дискурсе концепт СТРЕЛА, профилированный в пределах домена РАЗНОВИДНОСТИ ВРЕМЕНИ.

В процессе эволюции модель времени, объективированная в британском поэтическом дискурсе VII–XX вв., выявляет такие свойства:

Историческими **константами** рассматриваемой модели времени являются наполнители домена КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ, СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВРЕМЕНИ, ПРИЧИНА СУЩЕСТВОВАНИЯ ВРЕМЕНИ, ТО, НА ЧТО ДЕЙСТВУЕТ/ВЛИЯЕТ ВРЕМЯ, РАЗНОВИДНОСТИ ВРЕМЕНИ, МЕТАФОРИЧЕСКИЙ КОРРЕЛЯТ.

Вербализацию исторической константы ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ домена МЕТАФОРИЧЕСКИЙ КОРРЕЛЯТ в процессе развития поэтического дискурса с IX по XX вв. можно проиллюстрировать в таких примерах, где время течет: *Time had now flown; afloat was the ship, / boat under bluff* [Beowulf] (IX–X вв.), быстро продвигается: *For your tyme draweth fast; and ye wyll saued be...* [Everyman: 17] (XIV–XV вв.), бежит: *That how the time was fled, they quite forgate, / Till gentle Alma seeing it so late...* [Spenser: 1070] (XVI вв.), катится: *...The flood of time is rolling on* [Shelley: 135] (XVIII–XIX вв.) и летит: *And time and the world are ever in flight...* [Yeats 1984: 47] (XX вв.).

Историческая **вариативность** поэтической модели времени состоит: во-первых, в историческом перемещении концептов из одного домена в другой (напр., из домена РАЗНОВИДНОСТИ ВРЕМЕНИ концепт АТРИБУТ РЕАЛЬНОСТИ переходит в домен МЕТАФОРИЧЕСКИЙ КОРРЕЛЯТ) (см. пример): *every day he saw in time and space / Th' angel of God...* [Chaucer: 343] – *Then Time froze / To immobility and changed to Space* [Sitwell [44]: 219]; во-вторых, в изменении соотношения 'холодных' и 'теплых' компонентов: *It is the logic of our times, / No subject for immortal verse – / That we who lived by honest dreams / Defend the bad against the worse* [Day-Lewis [44]: 353], где объективируется концепт ЛОГИЧНОСТЬ ХКМ в описании эпохи и, в-третьих, в трансформациях когнитивной метафоры времени (трансформация спецификации, когда у времени есть лицо, достаточно

распространенная ассоциация с циферблатом (*clock face*), в которое можно плюнуть): *I spit into the face of Time...* [Yeats 1984: 37].

В пределах одной эпохи взаимоотношения моделей времени, реализованных в мифо-эпическом, философском и естественно-научном дискурсах, с одной стороны, и поэтическом дискурсе, с другой, демонстрирует нелинейную зависимость (отставание или опережение). Так, например, толкования происхождения времени И. Ньютоном и Дж. Мильтоном в XVII в. противоположны (в научной модели оно – самостоятельное естественное явление, более близкое к современному пониманию, чем поэтическое): *Absolute, true, and mathematical time, in and of itself and of its own nature, without reference to anything external, flows uniformly and by another name is called duration* [SEP], а у Мильтона время принадлежит Богу: *The Father in his purpose hath decreed – / He in whose hand all times and seasons row!* [Milton: 19].

Реализованные в современном философском, естественно-научном и поэтическом дискурсе, модели времени сближаются благодаря взаимному обмену концептами: *...And your great name flow on with broadening time / For ever* [Tennyson 1997: 24]. Время ассоциируется со вселенной, которая, согласно научным данным, сейчас находится в процессе так называемого «разбегания».

Анализ дуальной реализации времени в английском языке и дискурсе **перспективно** продолжить в плане рассмотрения соотношения внутреннего (собственного) времени персонажей и внешнего времени сюжета с точки зрения принадлежности их составляющих ХКМ или ТКМ. Предложенная методика исследования также может быть использована для изучения когнитивной структуры таких базовых доменов, как ПРОСТРАНСТВО, КАЧЕСТВО, КОЛИЧЕСТВО и ЧИСЛО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Блаженный. О Граде Божиим / Августин Блаженный. – Мн. : Харвест, М.: АСТ, 2000. – 1296 с. – (Классическая философская мысль).
2. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык и время ; отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М. : Индрик, 1997. – С. 51–61.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы; Смысл творчества / Н.А. Бердяев. – М. : Правда, 1989. – 607 с.
4. Бубер М. Проблема человека / Мартин Бубер // Два образа веры ; пер. Н. Кушнир. – К. : Ника-Центр; К. : Вист-С, 1995. – 96 с.
5. Гачев Г.Д. Книга удивлений или Естествознание глазами гуманиста. Образы в науке / Г.Д. Гачев. – М. : Педагогика, 1991. – 371 с.
6. Делез Ж. Что такое философия? / Жиль Делез, Феликс Гваттари [Электронный ресурс] / пер. с франц. С.Н. Зенкина. – Москва : Изд-во «АЛТЕИЯ» – Санкт-Петербург, 1998. – Режим доступа : <http://lib.rus.ec/b/12658>

7. Есенин-Вольпин А.С. Философия. Логика. Поэзия. Защита прав человека: Избранное / А.С. Есенин-Вольпин ; сост. А.Ю. Даниэль и др. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1999. – 450 с.
8. Жаботинская С.А. Концепт / домен: матричная и сетевая модели / С.А. Жаботинская // Культура народов Причерноморья – 2009. – № 168. – Т. 1. – С. 254–259.
9. Иоанесян Е.Р. Множественность языковых моделей времени / Е.Р. Иоанесян // В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл. – Сб. статей в честь 70-летия В.А. Виноградова / Отв. ред. В.З. Демьянков, В.Я. Пархомовский. – М. : Языки славянских культур, 2010. – С. 60–66.
10. Краткий словарь когнитивных терминов; [сост. Е.С. Кубрякова, Д.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина]. – М., 1996. – 245 с.
11. Любинская Л.Н. Философские проблемы времени в контексте междисциплинарных исследований / Л.Н. Любинская, С.В. Лепилин. – М. : Прогресс – Традиция, 2002. – 260 с.
12. Мамардашвили М.К. Человек в зеркале наук / М.К. Мамардашвили. – Л., 1991. – 220 с.
13. Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л.П. Репиной. – М. : Кругъ, 2010. – 960 с.
14. Померанц Г.С. Выход из трансa / Г. Померанц. – М. : Юрист, 1995. – 575 с.
15. Поппер К. Логика и рост научного знания: избр. работы / Карл Поппер; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1983. – 605 с.
16. Смирнов И.П. Дискурс философской антропологии [Электронный ресурс] / И.П. Смирнов // Дискурс. – 1997. – № 3–4. – Режим доступа к журн. : virtualcoglab.cs.msu.su
17. Уитроу Дж. Естественная философия времени / Дж. Уитроу ; общ. ред. М.Э. Омеляновского. – М. : Прогресс, 1964. – 431 с.
18. Флоренский П. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи / Петр Флоренский. – М. : АСТ, 2003. – 635 с.
19. Цофнас А.Ю. Теория систем и теория познания / А.Ю. Цофнас. – Одесса : АстроПринт, 1999. – 308 с.
20. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия) / Е.С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.
21. Ясперс К. Смысл и назначение истории; перев. с нем. / Карл Ясперс. – М. : Политиздат, 1991. – 527 с.
22. Clausner T. Domains and Image Schemas / T. Clausner, W. Croft // Cognitive linguistics. – 1999. – Vol. 10–1. – P. 1–31.
23. Croft W. Cognitive Linguistics / W. Croft, D.A. Cruse. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 356 p.
24. Dunne J.W. An experiment with time / J.W. Dunne. – Charlottesville, VA : Hampton Roads Pub., 2001. – 161 p.

25. Evans V. *The Structure of Time: Language, Meaning and Temporal Cognition* / Vyvyan Evans / Ed. John Benjamins, 2004. – 286 p.
26. Fillmore Ch. J. *Starting where the dictionaries stop: The challenge of corpus lexicography* / Charles J. Fillmore // *Computational Approaches to the Lexicon*, ed. by B.T.S. Atkins and A. Zampolli. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – P. 349–393.
27. Lakoff G. *What is a conceptual system?* / George Lakoff // *The Nature and ontogenesis of meaning* / edited by Willis F. Overton, David S. Palermo. – Hillsdale, N.J. : L. Erlbaum Associates, 1994. – P. 41–90.
28. Langacker R.W. *Grammar and Conceptualization* / R.W. Langacker. – Berlin; New York; Mouton de Gruyter, 2000. – 430 p.
29. Langacker R.W. *Cognitive grammar. A basic introduction* / R.W. Langacker. – New York : Oxford University Press, 2008. – 562 p.
30. Nuñez R. *Could the Future Taste Purple? Reclaiming Mind, Body and Cognition* / R. Nuñez // *Journal of Consciousness Studies*. – 1999. – No. 11–12. – P. 41–60.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

31. Beowulf. [Электронный ресурс] // Electronic Text Center, University of Virginia Library. – 27 p. – Режим доступа : <http://etext.lib.virginia.edu/toc/modeng/public/AnoBeow.html>.
32. British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://corpus.byu.edu/bnc/>; <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
33. Chaucer G. *The Canterbury Tales and other poems* [Электронный ресурс] / Edited for popular perusal by D.Laing Purves. / G. Chaucer // Project Gutenberg, 2000. – 572 p. – Режим доступа : <http://www.gutenberg.org/files/16376/16376-8.txt>.
34. Everyman [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://etext.virginia.edu/mideng/browse.html>
35. Keats J. *Selected Poems* / John Keats // Penguin Popular Poetry. – 1996. – 247 p.
36. [LDCE] *Longman Dictionary of Contemporary English*. – Longman, 2003. – 1949 p.
37. Milton J. *Paradise Regained*. [Электронный ресурс] / J. Milton. – 33 p. – Режим доступа : etext93/rgain10.txt
38. Russell B.A.W. *Our Knowledge of an External World* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.archive.org/stream/ourknowledgeofth005200mbp/ourknowledgeofth005200mbp_djvu.txt
39. Shelley P.B. *The Complete Poetical Works of Percy Bysshe Shelley* [Электронный ресурс] / P.B. Shelley // Project Gutenberg, 2003. – 932 p. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/etext/4800>
40. Spenser E. *The Faerie Queene* [Электронный ресурс] / E. Spenser. – 1865 p. – Режим доступа : etext07/queene.15.txt

41. [SEP] Stanford Encyclopaedia of Philosophy [Электронный ресурс] / Robert Rynasiewicz Newton's Views on Space, Time, and Motion. – Режим доступа : <http://plato.stanford.edu/entries/newton-stm/#5.1>
42. Tennyson A. The Princess [Электронный ресурс] / A. Tennyson, Baron // Project Gutenberg, 1997. – 61 p. – Режим доступа : <http://www.getnberg.org/etext/791>
43. [IEP] Time: The Internet Encyclopaedia of Philosophy [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.iep.utm.edu/time.htm>
44. The New Poetry; ed. by Hulse M., Kennedy D., Morley D. Bloodaxe Books, 1998. – 352 p.
45. The Works of W.B. Yeats. Wordsworth Poetry Library : Wordsworth Editions Ltd., 1984. – 325 p.

Евгения Валериевна Бондаренко – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: ybond7@gmail.com

УДК 81'42

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА: КНИЖНЫЙ КАТАЛОГ

Л.Г. Викулова, И.В. Макарова (Москва, Россия)

Л.Г. Викулова, И.В. Макарова. Издательская деятельность как дискурсивная практика: книжный каталог. В статье рассматриваются три аспекта издательского дискурса – институциональный, интенциональный и аттрактивный. Анализируется книготорговый каталог как жанр издательского дискурса. На примере электронного каталога французского издательства CLE International показываются такие особенности дискурсивного жанра, как повышенная оперативность, информационная привлекательность, ансамблевость и поликодовость.

Ключевые слова: издательский дискурс, электронный книготорговый каталог, ансамблевость, поликодовость, аттрактивность.

Л.Г. Вікулова, І.В. Макарова. Видавнича діяльність як дискурсивна практика: книжковий каталог. У статті розглядаються три аспекти видавничого дискурсу – інституційний, інтенціональний і аттрактивний. Аналізується книготорговий каталог як жанр видавничого дискурсу. На прикладі електронного каталога французького видавництва CLE International показуються такі особливості дискурсивного жанру, як підвищена оперативність, інформаційна привабливість, ансамблевість і полікодовість.

Ключові слова: видавничий дискурс, електронний книготорговий каталог, ансамблевість, полікодовість, аттрактивність.

L.G. Vikulova, I.V. Makarova. Publishing as a discursive practice: a book catalogue. The paper offers an account of three aspects involved in the publishing discourse, viz institutional, intentional and attractive aspects. The work analyses a book-selling catalogue as a publishing discourse genre and reveals such features of discourse as high operational efficiency, informational appeal, congruence and polycoded character, taking the CLE International publishing house e-catalogue for illustrative purposes.

Keywords: publishing discourse; book-selling e-catalogue; congruence; poly-coded character; attractiveness.

Актуальность. Изучение лингвистикой явлений, связанных с передачей информации в современном обществе, выдвигает в качестве одной из актуальных задач исследование языка в его связи с кодами других семиотических систем, в частности, невербальных средств, сопровождающих письменную речь. Известный отечественный лингвист А.А. Реформатский [1933] впервые поставил вопрос о необходимости изучения взаимодействия внешнего (полиграфического) и внутреннего (языкового) оформления текста. Вместе с тем, издательская деятельность как дискурсивная практика относительно недавно стала **предметом исследования** в отечественной и зарубежной лингвистике. На издательский дискурс было обращено

пристальное внимание лингвистов в конце XX – начале XXI вв. [Genette 1987; Lane 1992; Викулова 2012]. Был поставлен вопрос о семиотически осложненном тексте как особом лингвовизуальном феномене [Анисимова 2013: 15]. Кроме того, обозначился комплекс проблем книговедения, связанных с культурой распространения книги в обществе, включающий в себя организацию книжной торговли, сохранение и использование книг в библиотеках, развитие системы библиографической информации, собственно культуру чтения как одной из фундаментальных человеческих практик (*формирование читательских интересов, приобретение книг, сам процесс чтения и усвоения через него культурного наследия*)» [Васильев, Самарин, 2004, с. 13; курсив наш. – Л.В., И.М.].

Издательский дискурс раскрывается в рамках такого социального института, как издательство – одной из важных форм регулирования общественной жизни [Louichon 2004]. Известный библиофил М.В. Рац отмечает: «Издатель, редактор, дизайнер, книгопродавец, библиограф, библиотекарь <...> – в конечном счете, все они связаны общим делом – обеспечивают, каждый по-своему, эффективное функционирование книги в системе общения» [Книга в системе общения 2005: 291–292]. На схеме 1 показано, что формированием читательской аудитории, изданием и приобретением книг занимается особая социальная группа по отношению к речи – издатели и книготорговцы, (медиаторы между автором и читателем), для которых книжная продукция и печатная речь становятся товаром. В этой связи актуально замечание Ю.В. Рождественского о том, что издательство как социальная структура ведет «к видоизменению социальных предпочтений (стремление к новизне) и делает речевой труд частью результатов труда, выносимых на рынок как товар» [Рождественский 1999: 368].

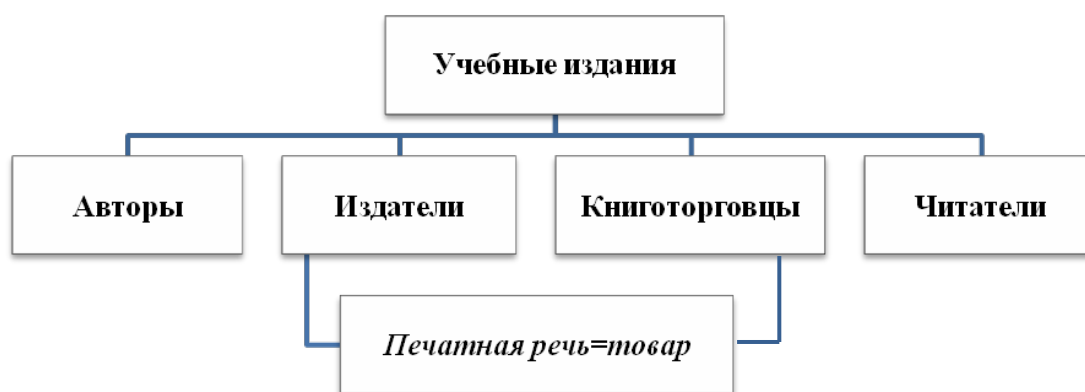

Схема 1

Издательский дискурс представляет универсальный способ информационного общения, не столько в технологическом, сколько в социокультурном плане и имеет, на наш взгляд, три аспекта: институциональный, интенциональный и аттрактивный.

Схема 2

Институциональный аспект предполагает опору на социальную среду, в том числе профессиональную, формируя социальную идентичность общества. **Интенциональный аспект** формирует когнитивную идентичность социума. **Аттрактивный аспект** обусловлен тем, что издательский дискурс отвечает естественным информационным запросам «общества потребления» и обладает такими характеристиками, как общедоступность и креативность.

Мы рассматриваем **издательский дискурс** как одну из форм письменной профессиональной коммуникации, которая представлена особыми жанрами, оказывающими влияние на судьбу книги, материализованного хранителя основ социального опыта. Издательский дискурс – продукт институционально обусловленной коммуникации, детерминированной социальными условиями, чья вербальная доминанта отражается в совокупности текстов, для которых характерно жанровое и прагмалингвистическое своеобразие.

Особую роль в издательской практике играют дискурсивные жанры, для которых важен признак целенаправленности, выражающий «прагматическую ориентацию», некую «установку, исходящую от говорящего» [Кубрякова 2004: 512]. Отметим, что понятие *жанра* в лингвистике рассматривается как способ актуализации конкретного текста, когда *жанр* в собственно лингвистическом понимании является «инструментом описания текстов по определенным параметрам для получения более полного представления о типовых формах коммуникативной деятельности, границах ее варьирования и вхождения в дискурсивные пространства» [Семенюк, Бабенко 2009, с. 714, 718].

Объектом исследования является малоизученный жанр издательской практики – **книготорговый издательский каталог** (далее – каталог), который активно используется специалистами в рамках маркетинговой коммуникации. Издательский каталог – библиографическое издание с описаниями выпущенных издательством книг и других изданий, экземплярами которых оно располагает на своем складе и в своем магазине, или библиографическое пособие такого же рода внутри другого издания [Мильчин 1998: 136]. Данный жанр характеризует внеположенность по отношению к позиции автора, поскольку в нем (в каталоге) сосредоточено рефлексивное и организационно-деятельностное начало – «артикулированная позиция» издателя (по М. Рацу), направленная на повышение культуры чтения как одной из фундаментальных

человеческих практик. Издательские каталоги могут быть предназначены [Перельмутер 2007: 130]:

- а) для розничной книжной торговли;
- б) для обычного покупателя;
- в) для торговли и покупателей (универсальные).

Известно, что каталоги выпускаются на бумажных и электронных носителях с **информационно-рекламной целью**, обеспечивая успешность продвижения книжной продукции на читательском рынке. Немецкий издатель И. Перельмутер отмечает, что каталог в большей степени ориентирован на информацию (преобладает изложение содержания книг), при этом «рекламная функция сознательно камуфлируется его создателями» [Там же: 136]. Именно по информации, представляемой в каталоге, профессионал-книготорговец составляет представление о месте издательства на книжном рынке.

Материалом анализа служит каталог французского специализированного издательства CLE International, основанного в 1973 году. Данное издательство уже 40 лет выпускает литературу по тематике FLE – *Français Langue Etrangère* (Французский язык как иностранный). В каталоге традиционно представлены учебники, учебно-методические пособия, словари, теоретические работы по филологии, лингводидактике и др., предназначенные для разных возрастных категорий (*destinés à tous les types d'âges*) и издаваемые на различных видах носителей (*sur tous les supports: livres, cédéroms, vidéos*) [<http://www.cle-inter.com/who.html>]. Посредством книготорговых каталогов издательство традиционно информирует о своих новинках потенциальных читателей – обучающихся, педагогов, родителей, библиотекарей и книготорговцев. Помимо информирования читателя каталог выполняет вторичную функцию – рекламу предлагаемого издания.

Издательство изначально выпускало только **печатные каталоги** с фиксированной периодичностью (1 раз в год). Но быстро модернизирующиеся электронные технологии побудили параллельно выпускать новый вариант – **электронный каталог**, чтобы обеспечить **повышенную оперативность** информирования потенциальных покупателей за счет круглосуточного доступа к **маркетинговым новостям**. Такая политика выведения жанра в сетевую коммуникацию была обусловлена необходимостью поддержания конкурентоспособности на информационном рынке в борьбе за потенциального покупателя книжной продукции. Если в печатных каталогах, в среднем, представлено около 80 информационно-рекламных текстов, которые сопровождаются фотографиями, комментариями и другой информацией, то в электронном гипертекстовом каталоге число таких текстов значительно возрастает. В рамках данной статьи мы ограничиваем нашу задачу анализом репрезентативных приемов подачи информации о предлагаемых изданиях в рамках электронного каталога и способов придания особых параметров медиатизации контента в параметрах информационного коммуникативного пространства.

Электронный каталог представляет собой «паралингвистически активный текст» [Анисимова 2013: 7].

Схема 3

Как связный знаковый комплекс нелинейного характера, он имеет ряд важных характеристик, отличаясь содержательным, оптическим и графическим своеобразием по сравнению с конкурентами. Повышенная оперативность осуществляется за счет круглосуточного доступа. Информация доступна в любое время благодаря специальным Интернет-приложениям для телефонов, смартфонов, планшетных компьютеров, а также на страницах каталога в социальных сетях Facebook и Twitter. Информационная привлекательность, соответственно, – за счет доступа к новинкам. Дружественный интерфейс (подсказки, надписи, справки) стимулирует поисковую деятельность. Фактически каталог не только сообщает сведения о книжной продукции издательства, но и формирует умения и навыки по систематизации информации. При этом издательство использует определенные стратегии, которые создают имидж издательства в целом и способствуют коммуникации с потенциальным читателем и представителями книготоргового сектора. Поликодовость является онтологической сущностью издательского каталога, где семиотические коды сочетаются по принципу вербально-визуального единства. Обеспечение наглядности в каталоге направлено на чувственное восприятие предлагаемых объектов (изданий) и реализуется на принципиально новом, более высоком уровне, когда можно «говорить не только о наглядности, но и о полисенсорности» ресурса [Козловских 2008: с. 89]. Гипермедиатехнологии, используемые в таком каталоге, позволяют его создателям встраивать иллюстрации, анимацию, видеоролики, озвучивать информацию. Вместе с тем, структура каталога представляет собой ансамбль текстов, которые соединены в одно тематическое целое. Издательский каталог, как единица текстосферы, представляет совокупность текстов, которые в лингвистике рассматриваются в качестве актуальных целостных динамичных образований, имеющих сверткостовую природу [Лошаков 2008].

Издательство применяет ряд стратегий, которые способствуют созданию имиджа издательства в целом. Рассмотрим некоторые из них.

Стратегия адресации. На сайте издательства в электронном каталоге наблюдаем апеллирование к конкретным социальным и возрастным группам,

для которых данная информация предназначена. В специальной рубрике обозначена **читательская аудитория** – обучаемые, педагоги, уточняется **возраст** адресата (*enfants, adolescents, grands adolescents, adultes*) и **степень в изучении французского языка** как иностранного (*avancé, intermédiaire, faux débutants*), а также его **социальный статус** (*enseignants*).

Стратегия информирования. В отличие от классической рекламы, направленной на конкретный продукт, каталог предоставляет подробную информацию об издательстве. Элементы **внутренней структуры электронного каталога** образуют множество модулей, где экстралингвистические факторы (адресат, интенция издательства и др.) определяют выбор языковых и паралингвистических средств. В заголовочной части представлены институциональные характеристики издания: **логотип издательства** и **баннер сайта**, который отражает **самоназвание издательства**.

Рис. 1

Издатели отмечают, что книжный рынок настолько насыщен, что закон бренда действует и здесь, когда читатель хочет получить не просто книгу определенного содержания, но и книгу определенного издательства. Данное издательство неслучайно имеет определение **International**, что вносит положительный оттенок в характеристику издательства, объединяющего единомышленников (преподающих / изучающих французский язык как иностранный) по всему миру. На его сайте обозначен перечень представительств по регионам и странам. Например:

Liste des distributeurs en RUSSIE, FÉDÉRATION DE

Pays :

Société	Pays	Coordonnées
RELOD	RUSSIE, FÉDÉRATION DE	Pushkarev Per, 15/17 107045 Moscou RUSSIE, FÉDÉRATION DE Tel : 7 495 924 67 17 Tel : 7 495 924 46 83 Fax : 7 495 632 92 16 Email : sales@relod.ru Site internet : www.relod.ru

Рис. 2

Идея институциональности выражена в рубрике, где дается контактная информация для направления заказов: должности специалистов, указание их

имен и фамилий, служебной электронной почты, адреса, страны, где они представляют издательство.

Оптимизация коммуникативного потенциала электронного каталога.

Современный издатель с помощью каталога акцентирует внимание на особенностях издания, которое передает специфичное знание, требующее представления новой, более высокой целостности учебного издания. Издатель предполагает, что возможна объективная причина неадекватного понимания текста учебника в силу разности «фонового» тезауруса, т.е. не только понятийного опыта (знаний) о предмете коммуникации, но и сведения о самом отправителе, его целях [Мисонжников 2001: 335].

В этой связи используется **метадискурсивная стратегия**, когда ставится цель управления вниманием адресата. Метадискурсивная стратегия состоит в использовании метатекстовых единиц (в нашем случае – аннотации изданий, дополнительные пометы), облегчающих знакомство с книгой. А.Р. Габидуллина [2009: 133–134] отмечает, что обозначенная стратегия реализуется с помощью таких тактик, как:

- 1) использование паралингвистических средств;
- 2) использование приемов фасцинации;
- 3) использование аппарата издания, облегчающего пользование книгой.

В нашем случае, стратегичность создателей каталога заключается в презентации учебных изданий, новых в методическом отношении и создании условий для знакомства с методическими особенностями учебника, в частности, возможность навигации по книге. Предполагаем, что метадискурсивная стратегия основывается на категории авторитетности адресанта как источника информации и, как следствие, – доверии адресата (получателя информации) к издательству.

Аннотация конкретного издания с элементами оценочного комментария отражает методическую направленность книги, характеристику читательской группы, на которую рассчитана книга, включаются отдельные страницы издания. Аннотация отражают методическую направленность издания, характеристику читательской группы, на которую рассчитана книга. Например:

*La collection. Com propose aux étudiants et aux professeurs des cahiers complémentaires pour **approfondir les compétences** dans les domaines encore plus spécifiques que ceux étudiés dans le cadre d'une méthode généralement électique et généraliste. Les premiers titres proposés portent sur la **Banque/ Finance, le Secrétariat, et la Santé/ Médecine** [www.cle-inter.com].*

Данный текст включает указание на адресата (студенты и преподаватели), цель (углубить знания в специальных сферах), прикладные сферы изучения языка (банковское дело, финансы, секретариат, здоровье).

Фактически аннотация – коммуникативно ориентированная установка, своего рода краткая проспективная информация о предлагаемом издании. **Автор** издания всегда указывается в стандартной рубрике вне зависимости от количества, будь то один или несколько авторов. Демонстрационный

компонент направлен на визуализацию представляемого издания с целью знакомства с ними и возможного приобретения.

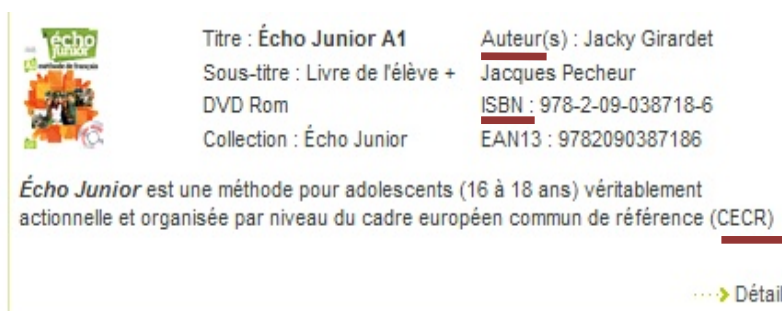

Рис. 3

Каталог предоставляет возможность прочесть существенные фрагменты печатной продукции до ее покупки, а отдельные экземпляры можно просмотреть в полном объеме.

Информация о наличии изданной работы в книжной торговле выражается определением *disponible*, означающим, что издание есть в продаже, или пометой *épuisé* (нет в продаже). Пометы – **цифровой код** книги, по которому ее можно заказать в издательстве, а также ориентировочная **цена** – адресованы прежде всего книжной торговле.

Помета **CECR** указывает на то, что издательство придерживается требований, принятых Европейским языковым стандартом (*Cadre européen commun de référence pour les langues*). Например, издательство представляет в каталоге таблицу, которая содержит данные о соответствии учебных изданий уровням для сдачи экзаменов DELF по французскому языку Европейского языкового стандарта в соответствии с уровнями A1, A2, B1 и т.д.:

Panorama 1 – Delf A1/ Delf A2

Grammaire progressive (Débutant) – Delf A1/ Delf A2

Collection expliquée (Intermédiaire) – Delf B1 [www.cle-inter.com].

Ссылка на европейский стандарт рассматривается нами как маркер качества издания.

Таким образом, электронный книгоиздательский каталог выступает значимым жанром в открытом издательском коммуникативном пространстве, имея два измерения – коммуникативное и коммерческое. Представляя собой одно из самых распространенных и значимых достижений современных информационных технологий, именно электронный каталог предоставляет возможности технических и программных средств организации хранения и поиска текстовой и мультимедийной информации.

Электронный каталог носит информационно-поисковый и информационно-справочный характер. Как ресурс нового поколения, электронный каталог более эффективен, поскольку система подачи информации с помощью гипертекста позволяет читателю находить свою

собственную траекторию поиска нужной книги. Важным в данном случае представляется свободная последовательность поиска и темп работы, что создает благожелательную атмосферу работы с учебным изданием. Научившись принципам навигации и оперирования на примере предложенного электронного каталога, педагоги и обучаемые, а также книготорговцы без особых временных затрат могут выбрать и приобрести нужный образовательный ресурс. Вместе с тем, вопрос о феноменологической сущности книжного каталога пока еще остается «открытым» и требует углубленного научного анализа, результаты которого могут иметь научную и практическую ценность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие / Е.Е. Анисимова. – М. : ТЕЗАУРУС, 2013. – 122 с.
2. Васильев В.И. Книжная культура в теоретическом, историческом и практическом аспектах / В.И. Васильев, А.Ю. Самарин // М.Н. Куфаев Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. – М. : Наука, 2004. – С. 9–14.
3. Викулова Л.Г. Издательский дискурс в системе общения «автор – издатель – читатель» / Л.Г. Викулова // Вестник ИГЛУ. Серия «Филология». – 2012.– № 2. (18). – С. 63–68.
4. Габидуллина А.Р. Учебно-педагогический дискурс : монография / А.Р. Габидуллина. – Горловка : Изд-во ГГПИИЯ, 2009. – 292 с.
5. Книга в системе общения: вокруг «Заметок библиофила»: сборник / сост. М.В. Рац. – СПб. : Ретро, 2005. – 480 с.
6. Козловских Л.А. Технология оценки качества образовательных изданий и ресурсов / Л.А. Козловских // Вестник МГПУ. Научный журнал. Серия «Информатика и информатизация образования». – 2008. – № 1 (13). – С. 88–95.
7. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры. – 2004. – 560 с.
8. Лошаков А.Г. Сверхтекст: семантика, прагматика, типология : автореф. дисс. на соискание учен. степени докт. филол. наук : 10.02.01 / А.Г. Лошаков. – Киров, 2008.– 48 с.
9. Мильчин А.Э. Издательский словарь-справочник / А.Э. Мильчин. – М. : Юристъ, 1998. – 472 с.
10. Мисонжников Б.Я. Феноменология текста (соотношение содержательных и формальных структур печатного издания) : монография / Б.Я. Мисонжников. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001. – 490 с.
11. Перельмутер И. Применение стратегий ПР в издательских каталогах // PR как модель социального взаимодействия (международный и российский

- опыт) : Материалы научного семинара / И. Перельмутер ; под ред. И.Н. Чудновской, Е.Я. Дугина. – М. : Альфа-М; Социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007. – С. 129–140.
12. Реформатский А.А. Лингвистика и полиграфия / А.А. Реформатский // Письменность и революция : сборник I (к VI пленуму ВЦК НА). – М.-Л. : Издание ВЦК НА, 1933. – С. 42–58.
 13. Genette G. Seuils / G. Genette. – Paris : Le Seuil, 1987. – 426 p.
 14. Lane Ph. La périphérie du texte / Ph. Lane. – Paris : Nathan, 1992. – 160 p.
 15. Louichon B. Editeurs, correcteurs et autres / B. Louichon // Figures paradoxales de l'Auteur (XIX-e – XXI-e siècles). – Grenoble : UFR de Lettres Classiques et Modernes, 2004. – P. 31–42.
 16. <http://www.cle-inter.com> – официальный сайт издательства CLE International.

Лариса Георгиевна Викулова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романской филологии; заместитель директора Института иностранных языков МГПУ по научной работе и международной деятельности; e-mail: vikulovalg@mail.ru.

Ирина Владимировна Макарова – старший научный сотрудник, начальник отдела научной работы и аспирантуры; e-mail: pogosovai@mail.ru

УДК 81'1

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РЕЧИ: ЕЕ СУЩНОСТЬ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.А. Калита (Киев, Украина)

А.А. Калита. Энергетическая теория речи: ее сущность, современное состояние и перспективы исследования. В статье на основе многоуровневого моделирования системы функционирования психофизиологической энергии в сфере духовного бытия коммуниканта рассматриваются сущность обоснованной автором энергетической теории речи, ее современное состояние и перспективы развития. В работе сформирована парадигматическая система соподчинения направлений и аспектов существующих и возможных исследований энергетических процессов коммуникации. На основе анализа структурно-энергетической картины порождения и декодирования речи коммуникантом изложены методологические условия дальнейших исследований в рамках энергетической теории речи.

Ключевые слова: энергетическая теория речи, методология, системная парадигма, направления, аспекты, концептуально-понятийный аппарат, перспективы развития.

А.А. Калита. Енергетична теорія мовлення: її сутність, сучасний стан і перспективи дослідження. У статті на основі багаторівневого моделювання системи функціонування психофізіологічної енергії у сфері духовного буття комуніканта розглядаються сутність обґрунтованої автором енергетичної теорії мовлення, її сучасний стан та перспективи розвитку. У роботі сформовано парадигматичну систему супідрядності напрямів і аспектів відомих та можливих досліджень енергетичних процесів комунікації. На основі аналізу структурно-енергетичної картини породження і декодування мовлення комунікантом викладено методологічні умови подальших досліджень у межах енергетичної теорії мовлення.

Ключові слова: енергетична теорія мовлення, методологія, системна парадигма, напрями, аспекти, концептуально-понятійний апарат, перспективи розвитку.

A.A. Kalyta. Speech energetic theory: its essence, present-day state and prospects of its research. On the basis of a multi-level modeling of the system of psychophysiological energy functioning in the communicant's spiritual sphere the author advances the essence of speech energetic theory, its present-day status and perspectives of its future development. The paper presents the paradigmatic system of subordination of existing and potential directions and aspects in research of energetic processes in communication. The analysis of structural and energetic picture of speech generation and decoding enabled the author to set out methodological conditions of further studies within the scope of speech energetic theory.

Keywords: speech energetic theory, methodology, systemic paradigm, directions, aspects, conceptual framework, the prospects for development.

В процессе создания любой теории непременно наступает творческий этап, в рамках которого возникает необходимость переосмысления и лаконичного формулирования ее сущности путем абстрагирования от первых, как правило, не вполне осознанных попыток описания явлений реальной действительности,

рассматриваемых исследователями в качестве перспективного объекта научного познания. Вполне естественно, что и проводимая нами разработка энергетической теории речи, начатая более десяти лет назад, объективно нуждается в парадигматическом структурировании ее основных идей.

Актуальность систематизации идей разрабатываемой энергетической теории речи обусловлена следующими обстоятельствами. Прежде всего, этому предшествовали результаты разработки и апробации наших идей о природе и особенностях энергетике речи, основанных на методологически рефлексивном анализе ряда теоретических положений, высказанных по этому поводу в работах таких известных мыслителей, как Платон, Аристотель, В. фон Гумбольдт, А. Потенция, В. Соловьев, А. Лосев, М. Хайдеггер, Е. Гуссерль, З. Фрейд, К. Юнг, Н. Бехтерева и других.

Вторым обстоятельством послужил информационный бум, буквально взорвавший на рубеже последних столетий сферу познания новыми научными фактами, однозначно свидетельствующими в пользу сложной энергетической сущности речевой коммуникации.

Естественным и закономерным в создавшейся ситуации явилось массовое повышение интереса лингвистов и представителей ряда смежных наук, в объектной сфере исследования которых традиционно находится речь, к энергетическим аспектам ее письменной и устной актуализации. Однако результаты многочисленных поисков лингвистов, базирующиеся на логически верных допущениях, не привели до сих пор к формированию достаточно полной теоретической парадигмы энергетической теории речи как таковой.

Поэтому **целью** нашей работы является обоснование энергетической теории речи, сущности системной парадигмы, дающей целостное представление об энергетике речи, и прогнозирование перспектив ее развития.

В силу сложности поставленной цели мы вынуждены акцентировать внимание на том, что для обоснования системной парадигмы энергетической теории речи следует строго придерживаться традиционных рекомендаций классической методологии, в соответствии с которыми научная теория должна содержать следующие основные компоненты [ФЭС 1983: 677]:

1) исходную эмпирическую основу, включающую множество зафиксированных в данной области знания фактов, полученных в ходе экспериментов и требующих теоретического объяснения;

2) исходную теоретическую основу, т.е. множество первичных допущений, постулатов, аксиом, общих законов теории, совокупность которых описывает идеализированный объект;

3) логику теории как связную совокупность допустимых в ее рамках правил, логических выводов и доказательств;

4) система выведенных из теории утверждений с их доказательствами, составляющую основной массив теоретического знания.

Следуя изложенным требованиям, мы и будем структурировать логику изложения результатов обоснования энергетической теории речи.

Что касается первого компонента, то о нем достаточно сказано выше. Поэтому отметим, что исходным моментом зарождения описываемой теории послужил сформулированный нами и опубликованный в 2003 г. (см., напр., [Калита 2001: 12; Калита 2003г: 7–13; Калита 2007 8–9, 46–61]) новый теоретический *принцип сохранения эмоционально-прагматического потенциала* высказывания. В соответствии с этим принципом, эмоционально-прагматический потенциал любого высказывания остается неизменным и характеризуется стохастическим перераспределением его энергии между средствами разных уровней языка и остальными экстралингвистическими средствами, принимающими участие в реализации данного высказывания. При этом было показано, что накопление, изменение и перераспределение эмоционально-прагматического потенциала представляет собой специфическую форму функционирования психофизиологической энергии в сфере духовного бытия индивида, природа которого отражает сложную взаимосвязь когнитивных процессов, протекающих в его психике при речемышлении и мышледействии.

Данное обстоятельство повлекло необходимость более пристального системного рассмотрения структуры психики коммуниканта. В результате проведения соответствующего анализа, в основу формирования общей теоретической модели нами была заложена известная по фундаментальным работам [Клименюк 2009: 88–92; Клименюк 2010: 208–213] дифференциация четырех основных подсистем, или сфер психики индивида на экзистенциальную, ментальную, трансцендентную и сознание.

Органический синтез сущностей исходных идей об эмоционально-прагматическом потенциале высказывания и многоуровневой структуре человеческой психики позволяет интерпретировать энергетическую картину процессов речемышления и мышледействия с помощью изображенной на рис. 1 многоуровневой модели функционирования психофизиологической энергии в сфере духовного бытия коммуниканта.

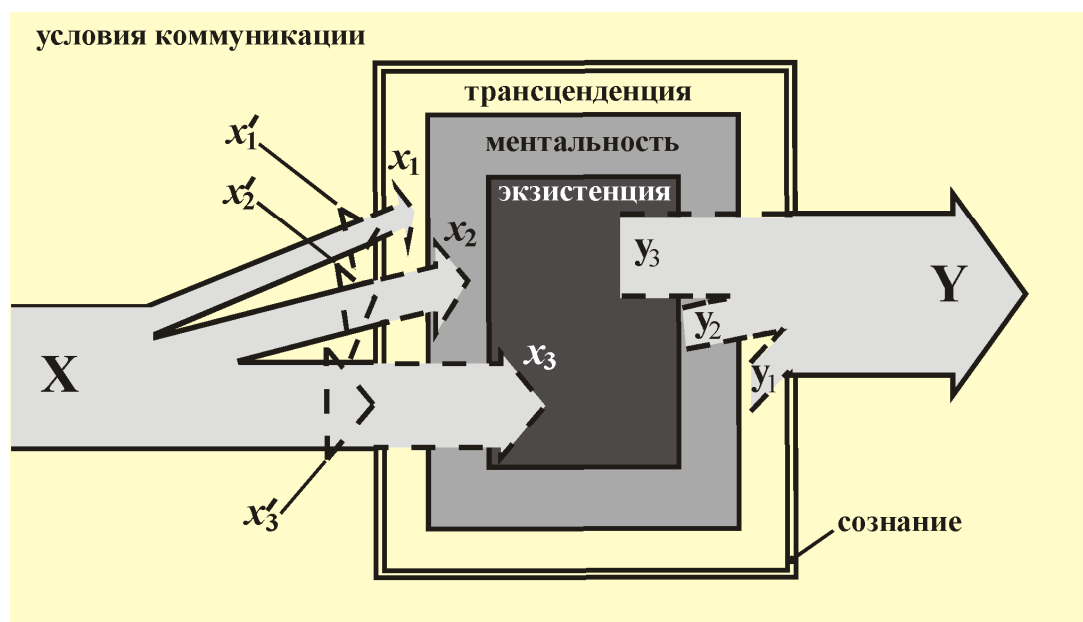

Рис. 1. Многоуровневая модель функционирования психофизиологической энергии в сфере духовного бытия коммуниканта

Раскрывая смыслодержательное насыщение сформированной таким образом модели, отметим, что, во-первых, в соответствии с принципом сохранения, указанный на ней поток различной по своей природе коммуникативной информации (X) поступает через оболочку сознания в соответствующие сферы психики реципиента. Так, подавляющая часть эмоционального потенциала высказывания (x_3), будучи частично воспринята сознанием (x_3'), локализуется в основе своей в экзистенциальной сфере психики реципиента, характеризующейся происходящими в ней процессами эмоционального мышления [Клименюк 2010: 209]. Подобным образом частично контролируемая сознанием (x_2'), эмо-рациональная информация (x_2) достигает ментальной сферы психики реципиента. В свою очередь, рациональная (x_1), вполне воспринимаемая сознанием (x_1'), коммуникативная информация локализуется в трансцендентной сфере.

Воспринимаемый первой сигнальной системой поток психофизиологической энергии, несущий коммуникативную информацию, возбуждает соответствующие популяции нейронов, обеспечивающие функционирование каждого конкретного уровня психики реципиента. Указанные возбуждения дают толчок когнитивным процессам мышления реципиента, результаты протекания которых фиксируются сознанием, изображенным на модели в форме оболочки многоуровневой системы, описывающей структуру духовного бытия коммуниканта. Результатом такой сложной переработки информации и является ее осознание реципиентом.

Естественная реакция реципиента на воспринятую в определенных условиях коммуникации информацию неизбежно порождает в его психике

ответную реплику, материализуемую, чаще всего, в форме высказывания, сопровождаемого паралингвистическими средствами. При этом психофизиологическая энергия как следствие возбуждения работы его психики материализуется в эмоционально-прагматическом потенциале высказывания. Передаваемый ответной репликой поток коммуникативной информации (Y) по описанной выше схеме аккумулирует в себе слабо контролируемую сознанием эмоциональную (y_3), эмо-рациональную (y_2) и рациональную (y_1) составляющие информации высказывания. Эти составляющие, будучи объединены логической информацией как оболочкой рассматриваемой энергетической системы, и образуют смысл высказывания, материализуемого в его окончательной письменной или устной форме.

Рассматривая модель, следует помнить, что важнейшими факторами, способными оказывать влияние на формирование уровня эмоционально-прагматического потенциала высказывания, являются условия коммуникации (формальная / неформальная ситуация общения, направленность высказывания на адресата, присутствие / отсутствие третьих лиц, речевое поведение собеседника и т.д.), индивидуальные особенности личности коммуниканта (социокультурный статус, психологический тип, духовные ориентиры, состояние здоровья, отношение к собеседнику и т.п.) и содержание коммуникации.

Исходя из приведенного описания концептуальной модели, построенной на совокупности первичных допущений, постулатов, аксиом и общих законов лингвистики, описывающих идеализированный объект (см. выше пункт 2 методологических требований), нами была продолжена детализированная разработка основного массива научного знания (см. пункт 4), формирующего энергетическую теорию речи.

Вытекающая непосредственно из модели (рис. 1) программа методологических разработок, с одной стороны, поставила нас перед необходимостью формирования обобщенной совокупности теоретических представлений о структуре и закономерностях функционирования механизмов протекания процессов порождения и декодирования речи в психической сфере коммуниканта. С другой стороны, она показала целесообразность классификации уровней эмоционально-прагматического потенциала высказываний и стратификации их на соответствующие поля существующего речевого пространства с его дифференциацией по передаваемым позитивным и негативным эмоциям.

При дальнейшем углублении научного знания в рамках разрабатываемой энергетической теории речи мы исходили из следующих фундаментальных аксиом лингвистики: речь и язык зародились в результате эволюции психического начала человека, происходящей в условиях единства процесса развития материального и духовного мира; однажды зародившись, они перманентно развиваются, подчиняясь действию определенных имманентных законов; источником и движущей силой их развития является непрерывный

взаимообмен энергией и информацией, происходящий на внутреннем (психофизиологическом) и внешнем (чаще – социальном) по отношению к индивиду уровнях. Это и дало основания осуществлять дальнейшие описания речевых феноменов с позиций функционально-энергетического подхода.

Для этого, прежде всего, была сформирована [Калита 2001: 193–204] обобщенная модель взаимодействия лингвистических и паралингвистических средств в реализации эмоционального высказывания и выполнено соответствующее описание возможных видов их влияния на актуализацию его смысла. Полученные результаты использовались в качестве исходных элементов для обоснования обобщенной синергетической модели перераспределения энергии эмоционально-прагматического потенциала высказывания между средствами его актуализации [Калита 2004в: 70–74; Калита 2007: 5–12]. Апробация практического применения вытекающих из этой модели логических выводов в качестве теоретических предпосылок экспериментальных исследований подтвердила врожденную способность реципиентов дифференцировать материализованные в устном и письменном текстах эмоциональные и прагматические составляющие эмоционально-прагматического потенциала высказывания не только по их природе, но и по интенсивности их реализации [Калита 2003б: 97–105; Калита 2003:в: 85–92; Калита 2004а: 182–191; Калита 2004б: 30–33].

Следующим шагом, важным для формирования научных представлений в объеме энергетической теории речи, явилось описание особенностей механизма реализации прагматики эмоционального высказывания коммуникантом [Калита 1999: 43–47; Калита 2001: 147–153]. Для рассмотрения этого вопроса нами в координатах «прагматическое задание коммуникации – реализация смысла высказывания – действие говорящего», образующих, соответственно, плоскость интенции, а также плоскости лингвистических и экстралингвистических факторов, была построена [Калита 2001: 148–150; Калита 2007: 37] модель механизма выбора говорящим средств реализации прагматики эмоционального высказывания. В указанных координатах были дифференцированы также типичные пространства речевой актуализации высказывания [Калита 2001: 152; Калита 2007: 38]. Существенным отличием исходных положений, послуживших основой для формирования модели, явилось то, что выбор говорящим средств актуализации прагматики высказывания имеет стохастическую природу и реализуется практически по векторной поэтапной технологии на основе неявно осознаваемой индивидом интенции, конкретизируемой последовательно его сознанием до определенной прагматической направленности.

Исходя из сущности принципа «сохранения», отражающего способность высказывания, реализованного говорящим в определенном эмоциональном состоянии, сохранять свой прагматический потенциал за счет его внутреннего перераспределения между смыслообразующими компонентами (элементами) эмоционального высказывания, в работах [Калита 2003г: 7–13; Калита 2001:

148–153; Калита 2007: 35–39] нами был обоснован функционально-уровневый подход к анализу взаимодействия эмоций и прагматики в порождении смысла высказывания. Для этого, дополнив указанный принцип [Калита 2007: 46–49] принципами системности и абстрагирования, мы обосновали [там же, с. 5–58] в координатах «эмоция – прагматическая функция» модель стратификации полей взаимодействия эмоционально-прагматических факторов порождения смысла высказывания. Путем введения в эту модель третьей координаты, отражающей смысл высказывания (эксплицитный, имплицитный, неопределенный) в декартовых координатах «коммуникативная функция – эмоция – смысл», было сформировано полное пространство речевого взаимодействия прагматики, эмоций и смысла высказывания [там же, с. 35–39]. Проведенное моделирование открыло перспективу осуществления математической формализации описания стратифицированных нами частных объемов реального пространства актуализации высказываний любой степени сложности по структуре и языковым средствам их оформления.

Однако для реализации такого описания, во-первых, необходимо было иметь возможность количественных изменений уровней эмоционально-прагматического потенциала высказывания и дифференцированную шкалу оценки результатов самих изменений. Для решения возникших проблем мы в творческом содружестве с Л.И. Тараненко [Калита 2012б: 476–484] методами теории подобия обосновали безразмерный количественный критерий (К) уровня актуализации эмоционально-прагматического потенциала озвученного высказывания. На основании этого были экспериментально установлены интервалы значений критерия К, определяющие уровни актуализации эмоционально-прагматического потенциала: низкий (К – до 30), средний (К = 30-105) и высокий (К > 105). Кроме того, нами [Калита 2009: 359–365] были обоснованы графические модели для отражения динамики комплексного взаимодействия ведущих лингвистических и паралингвистических факторов в процессе просодического оформления речи. Далее на основе синтеза информации, закодированной в интоно-, пикто-, эмоцио- и прагмаграммах, был разработан метод комплексной энергетической оценки процесса просодического оформления речи, основанный на логике анализа общей энергограммы высказывания. В объеме этой разработки нами впервые были предложены и экспериментально апробированы трехуровневые (низкий, средний, высокий) эмоцио- и прагмаграммы. Результаты специально проведенной расширенной апробации подтвердили возможность дальнейшей дифференциации каждого из указанных уровней эмоционального и прагматического потенциалов высказывания в процессах их перцептивного и инструментального определения на три и более соответственные зоны.

На завершающей стадии формирования энергетической теории речи решалась проблема разработки методов и средств системного экспериментального исследования энергетических потоков психофизиологической энергии, функционирующей в сфере духовного бытия

коммуниканта в соответствии с моделью рис. 1. Предварительный анализ показал, что поставленная задача не является по природе своей тривиальной, поскольку, с одной стороны, ее решение следовало искать на философском уровне, а, с другой, – возникла необходимость использования для ее решения методов синергетики как единственного эффективного средства описания саморазвивающихся психических процессов, происходящих при осуществлении индивидом актов речемышления и мыследействия. Немаловажным оказался и тот факт, что в процессе формирования нами общей энергетической картины продуцирования и восприятия речи стала очевидной целесообразность её дифференциации на три фундаментальных энергетических потока: энергии письменной / устной материализации речи, энергии инстинктивной нервно-мышечной деятельности коммуниканта и энергии психофизиологических процессов его речемышления и мыследействия. С учетом этого обстоятельства в сотрудничестве с известным отечественным философом А.А. Клименюком на основе синтеза универсальной модели взаимодействия микро- и макрокосмов духовного бытия индивида в процессах его речемыслительной деятельности [Клименюк 2010: 267–292] и метода построения упомянутых выше энергограмм нами была разработана [Калита 2013: 16–25] методология анализа стратегии суггестивно-коммуникативного воздействия с применением психо-энергограмм. Принципиальная новизна анализа методом построения предложенных психо-энергограмм при условии сколь угодно продолжительного развертывания их по горизонтальной оси – оси времени – состоит в том, что в экспериментальных направлениях лингвистики он открывает возможность инструментального системного изучения энергетических феноменов, имеющих место в коммуникации двух и более индивидов, в процессах порождения и декодирования устной или письменной речи отдельным индивидом и в других конкретных актах его речемышления и мыследействия.

Учитывая практически необозримое многообразие задач лингвистических исследований мы разработали метод синергетического анализа процессов и актов речемыслительной деятельности коммуниканта, позволяющий с достаточной полнотой описывать любой вид указанной деятельности как сложную саморазвивающуюся открытую неравновесную систему, характеризующуюся параметрами состояния и порядка. В качестве пилотных проектов по использованию метода такого описания нами были опубликованы обобщенные когнитивные модели коммуникативной деятельности билингва, стохастическая модель порождения интерферированной речи [Калита 2010: 205–216], универсальная синергетическая модель саморазвития процессов порождения речемышления и мыследействия в психической сфере индивида, синергетическая модель порождения фоноконцепта высказывания [Калита 2012: 106–112; Калита 2011: 213–219], модель формирования говорящим смысла манипулятивного воздействия в устной коммуникации [Калита 2012а: 14–18] и др.

Однако, как известно, с точки зрения методологии любая новая теория,

в основе которой должен находиться конкретный ограничивающий область ее применения подход, получает право на существование лишь при условии однозначного определения уровня ее значимости в общей системе теоретического знания той области научного познания, к которой она непосредственно относится. Это дает нам основания полагать, что энергетическую теорию речи следует относить к лингвистическим теориям высшего иерархического уровня. Для ассоциативного осознания указанного факта достаточно обратиться к содержательному трактованию академической парадигматической схемы соподчинения направлений и аспектов лингвистических исследований в рамках функционального подхода, опубликованной в работе [Калитак 2001: 17–24].

В этой связи, с учетом указанных в упомянутой работе методологических оснований систематизации теоретического инструментария мы структурировали фрагмент парадигматической системы соподчинения направлений и аспектов возможных исследований процессов коммуникации в рамках энергетического подхода (рис. 2).

Переходя к рассмотрению самой парадигматической системы, отметим, прежде всего, что лингво-энергетический подход, послуживший основой создания энергетической теории речи, должен располагаться, согласно существующим методологическим требованиям, во втором иерархическом ряду под классическими для все наук (структурным и функциональным подходами). Проще говоря, энергетический подход призван пополнить с течением времени морфологический ряд ставших уже академическими в лингвистике семантического, прагматического, стилистического, коммуникативного, когнитивного и других подходов, выполняющих роль основы соответствующих лингвистических теорий и связанных с ними научных дисциплин.

Обратим также внимание на то, что согласно с диалектическим принципом методологии – принципом всеобщей связи, свидетельствующем о практической невозможности однозначного отнесения к лингвистике теоретических положений и экспериментальных фактов, добытых другими, смежными с ней науками, направления исследований, возникающие в рамках определенного лингвистического подхода, принято именовать в соответствии с существующей наукой, представителями которой эти факты установлены. Поэтому в объеме энергетического подхода к исследованию процессов коммуникации и речи, как впрочем, и во все известных подходах, возникают и могут возникать такие направления исследований, как: лингво-энергетические, социо-энергетические, психо-энергетические, био-энергетические, нейро-энергетические, физико-энергетические, химико-энергетические и др.

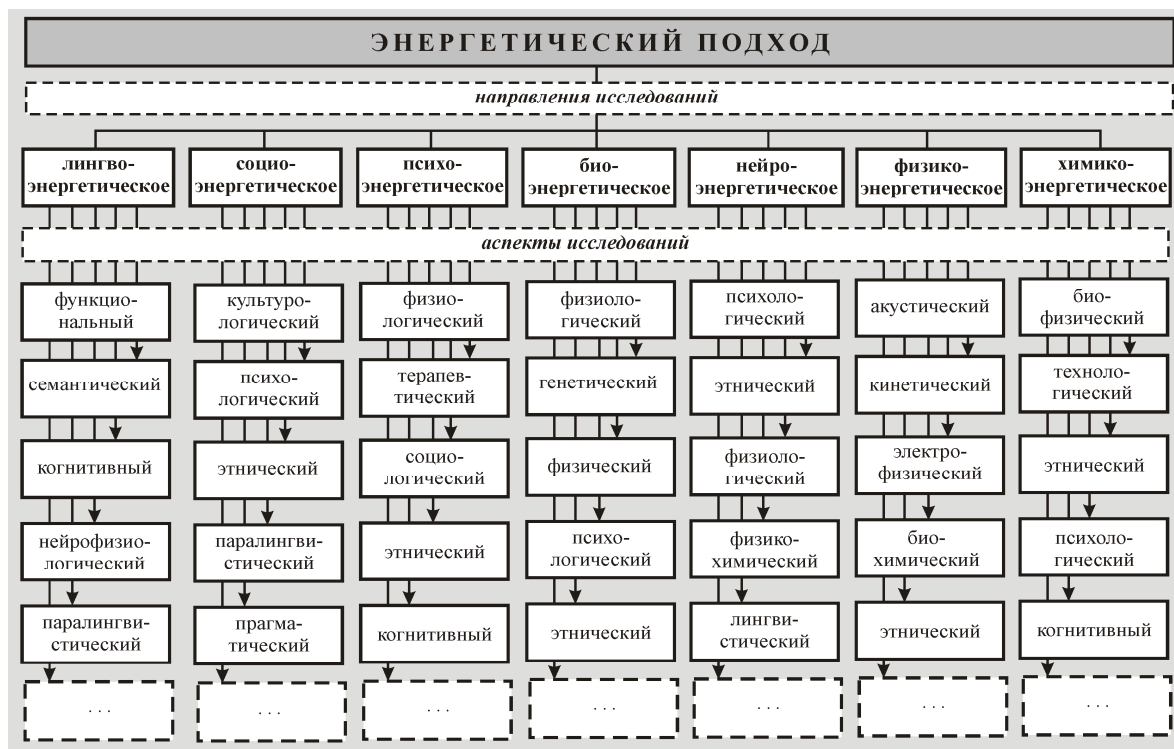

Рис 2. Фрагмент парадигматической системы соподчинения направлений и аспектов возможных исследований процессов коммуникации в рамках энергетического подхода

Таким же образом и на тех же основаниях (исключая функциональный и структурный подходы) называются и аспекты исследования: семантический, социологический, психологический, нейрофизиологический, когнитивный, этнический, культурологический и т.д., отражающие существующее бесконечное множество возможностей рассмотрения различных сторон объектов лингвистических исследований.

Должно быть, вполне понятно при этом также и то, что любое направление исследований в области энергетического подхода, а равно и аспектов таких исследований, с полным на то правом может оформляться в виде одноименно номинированной теории соответствующего иерархического уровня, создаваемой на фундаменте исходных допущений, постулатов, принципов или использования уже известных законов.

Руководствуясь указанными положениями, нетрудно проанализировать современное состояние энергетической теории речи и спрогнозировать пути ее дальнейшего развития. Так, несмотря на то, что историческая ретроспекция зарождения рассматриваемой проблемы не является непосредственной задачей нашей работы, мы считаем своим приятным долгом отметить целостность вклада известного отечественного лингвиста В.Г. Таранца, доказавшего [Таранец 1981], что основой речевой материализации мысли является изменение энергии внутри энергетических структур речевых единиц. Им достаточно полно и убедительно в теоретическом и экспериментальном планах обосновано, что энергетические структуры слога, слова, синтагмы, фразы характеризуются восходяще-нисходящим (ассиметричным) движением энергии и являются основанием материализации мысли, представленной в процессе порождения речи в линейно-развернутых артикуляционно-акустических единицах. В фундамент разработанной В.Г. Таранцом теории заложены известные постулаты о подчинении работы мышц артикуляционного аппарата головному мозгу говорящего; условно-рефлекторной природе речеобразования; ритмичности, присущей нервной системе человека; экономии функционирования лингвистических средств и т.п., дополненные им рядом таких допущений, как существование адекватности энергетической структуры нервного импульса энергетической структуре работы мышц артикуляционного аппарата говорящего; типичное для всех речевых единиц совпадение волнообразного характера восходяще-нисходящего движения формы изменения мышцы речевого аппарата с формой изменения энергии нервного импульса, управляющего этим движением и другими необходимыми предположениями.

Сам автор указывает, что разработанная им теория, использующая результаты пограничных языку областей нейрофизиологического и физиологического знания о человеке, позволила с учетом влияющих на речевую деятельность антропологических, психологических и акустических факторов, рассмотреть развитие фонетических систем двух больших групп индоевропейских языков.

Таким образом, можно констатировать, что рассматриваемая теория соответствует всем изложенным выше методологическим требованиям ее создания. Однако в силу тех же самых требований трудно согласиться с ее номинированием в качестве энергетической теории речи, поскольку, а это самоочевидно с презентации автора и структуры системы, приведенной на рис. 2, ее методологическая значимость завышена в названии на два иерархических уровня. Проще говоря, в рамках общего энергетического подхода (рис. 2) сформированный В.Г. Таранцом подход точнее было бы квалифицировать как нейрофизиологический аспект лингво-энергетического направления исследований, а, следовательно, его теорию логичнее было бы называть адекватным понятием (напр., теория нейрофизиологической материализации энергетических структур речевых единиц). И, тем не менее, забегаая вперед, отметим, что эта теория, имеющая отношение исключительно к одному конкретному аспекту энергетического подхода, является едва ли ни единственной в современной лингвистике, сформированной с методологической точки зрения профессионально.

Руководствуясь изложенным, в частности методологическими требованиями к созданию научных теорий любого их иерархического уровня, продолжим анализ известных нам публикаций, связанных с энергетикой речи.

Интересна работа В.Б. Медведева [Медведев 2013], посвященная исследованию понятия «энергии» в лингвистике и возможностей адаптации законов термодинамики применительно к описанию языковых явлений, завершающаяся прогнозом становления лингводинамики как отдельной дисциплины, призванной уравнивать энергетику речевой деятельности с прочими видами деятельности человека. Однако не составляет труда убедиться в том, что она не может быть квалифицирована как энергетическая теория любого из рассмотренных нами уровней. Изложенные в ней идеи скорее следует рассматривать как средство авторского обоснования перспективности разработки динамического аспекта лингво-энергетического исследования.

Не менее интересной представляется статья Н.В. Романовой [Романова 2009], в которой ею рассматриваются признаки эмотивной энергетики древневерхненемецких текстов молитвы «Отче наш». При этом указанная работа, имеющая определенное практическое значение, на теоретическом уровне может восприниматься исключительно как совокупность фактологического материала, свидетельствующего в пользу рациональности формирования теоретического инструментария для изучения семантического аспекта лингво-энергетического направления исследований.

Относящееся к нижнему иерархическому уровню теоретических разработок, связанных с определением научных понятий и терминов, публикация [Матвеева 2001] полезна уже тем, что ее автор касается вопроса «энергем» текста, поскольку, на наш взгляд, она, как и предыдущая работа, вносит свой конкретный вклад в формирование терминологического аппарата теории семантического аспекта лингво-энергетических исследований.

В сфере изучения энергетики текста отдельный интерес представляет работа Г. Чёрного [Чёрный 2013], сконцентрировавшего свое внимание на способности читателя взаимодействовать с текстом. Обозначив эту способность понятием энергетического потенциала текста, автор показывает его векторную природу, в силу которой энергия может передаваться от текста к читателю (т.е. текст обладает положительным потенциалом), от читателя к тексту (т.е. обладает отрицательным потенциалом) или при их амбивалентной связи (т.е. текст является энергетически нейтральным). Здесь для нашего рассмотрения особенно важно подчеркнуть то, что автор препарировывает вопросы взаимодействия текста с психической сферой реципиента, входящие в качестве аспектов исследования (см. рис. 2) в лингво-энергетическое и психо-энергетическое направления реализации энергетического подхода. При этом он предлагает обобщенное математическое уравнение для описания изменения пси-эффекта текста во времени, дополнив его системой уравнений, связывающей экспрессию и трансфиксию с элементами низкого уровня текста. Постулируя, что энергетическая и эмоциональная составляющие текста не идентичны, он в объеме, образованном двумя перпендикулярными плоскостями (горизонтальная – эмоциональная окраска текста и вертикальная – энергетический потенциал текста), линией пересечения которых интерпретируется ось времени, показывает возможность построения кривой, каждая точка которой будет однозначно соответствовать энергетике и эмоциональной окраске текста. К сожалению, как об этом откровенно заявляет во введении к монографии сам автор, он не стремится к точности определения используемых им понятий и с легкостью трактует энергетику как «эмоциональный отклик на текст, исключая саморегулирующую функцию внешнего оценочного компонента» [Чёрный 2013]. По нашему мнению, такая формулировка может относиться лишь к причине энергетического возбуждения психики читателя. Несмотря на это, следует отметить, что в современном состоянии лингвистических исследований энергетики речи любые попытки математической аппроксимации и графической интерпретации динамики взаимодействия эмоционального и прагматического начал текста следует рассматривать как позитивное.

Социологический аспект психо-энергетического направления исследований в рамках энергетического подхода к межличностной коммуникации явно препарирован в работе [Бойко 1996]. Однако в связи с излишней метафоричностью описания и суггестивно-тренинговой направленностью ее смыслодержательное насыщение с позиций рассматриваемой нами проблемы представляется недостаточно информативным.

Гео-планетарный и терапевтический аспекты лингво-энергетического направления исследований просматриваются в публикации [Григорьева 2005], но представления о них, о контуренные автором крайне популярно, могут

служить, разве что, определенной почвой для ассоциативного мышления исследователя-лингвиста.

Более конкретны и полезны лингвистам, занимающимся энергетикой речи, работы [Sakia 1925; Жиляков 2011]. В первой из них [Kalita 1999] экспериментально в количественных показателях оценивается изменение мощности звуков и слогов в слове на максимуме его частотных характеристик. Вторая [Жиляков 2011] посвящена проблеме распознавания речи на основе сегментации речевых сигналов путем анализа распределения их энергии по частотным интервалам. В рамках обоснованной выше классификации (рис. 2), полученные в этих работах частные результаты, относятся непосредственно к физическому аспекту лингво-энергетического направления исследований.

Помимо рассмотренных, в поле современного лингвистического знания появляется много работ, фрагментарно соприкасающихся с проблемами энергетики речи (см., напр., [Ганьшина 2007; Григорьева 2005; Коротенков 2000; Матвеева 2001; Медведев 2013; Романова 2009 и др.]). Вполне осознавая удаленность их содержания от вопросов нашей проблемы, было бы необъективным не отметить, что они все-таки имеют определенный стихийно-понятийный потенциал, способный служить в качестве так называемого подстрочника для конвенциональной разработки понятийно-терминологического аппарата, реализацию которого на ближайших стадиях генезиса энергетической теории речи лингвистам неизбежно предстоит осуществить.

Проведенный нами анализ научных работ обзорного характера, среди которых следует особо отметить публикации известных отечественных лингвистов Ф. Бацевича [Бацевич 2009] и В. Манакина [Манакин 2008], позволяет надеяться, что изложенные в них точки зрения на природу, подходы и аспекты лингво-энергетических исследований послужат надежной почвой дальнейшего структурирования смыслодержательной основы создания концептуально-понятийного аппарата энергетической теории речи.

Переходя к осмыслению перспектив дальнейших исследований в рамках энергетической теории речи, отметим, в первую очередь, очевидные факты. Так, сегодня можно с полным на то основанием утверждать, что на реализацию индивидом полного цикла устной или письменной коммуникации его организм должен расходовать некое количество инстинктивно-мышечной и психофизиологической энергии. Не вдаваясь в подробности рассмотрения уже возникшей по этому вопросу полемики, ограничимся лишь общеизвестными фактами, в силу которых общая энергетическая система человека функционирует на основе определенных сложно организованных биоэнергетических процессов. Очевидно, что здесь мы имеем дело с особой формой интеграции уже известных науке элементарных видов электромагнитной, химической, биосмотической, диссоциативной, биоиндуктивной энергии. Кроме того, к внешним по отношению к человеку воздействиям, также способным оказывать существенное влияние

на протекание биоэнергетических процессов в его организме, принято относить геомагнитные поля, солнечный ветер, темную энергию космоса и ряд других еще недостаточно изученных видов космических излучений, механизмы взаимодействия которых с психикой индивида окончательно не установлены.

На первый взгляд может показаться, что лингвистика еще не готова решать столь сложные по своей природе проблемы. Однако такие сомнения представляются нам излишними. Во-первых, объекты лингвистических исследований в области сферы энергетики были и остаются ориентированные исключительно на процессы, связанные с речемышлением и мышледействием индивида во вполне определенных условиях коммуникации. Во-вторых, экспериментальным материалом таких исследований являются, преимущественно, две формы материализации речемыслительной деятельности: письменная и устная речь. В-третьих, изучение процессов речепорождения вообще и материализации его результатов в указанных формах в частности, носят в подавляющем большинстве случаев ретроспективный характер. В-четвертых, на это, пожалуй, стоит обратить особое внимание, любой объект энергетических исследований речи без сомнения является многопараметрическим феноменом. А отсюда и вытекает необходимость его многофакторного исследования, в теоретико-экспериментальной инструментариим которого, так или иначе, используется широко известный метод черного ящика.

Отметим здесь, что накопленный лингвистами практический опыт отчетливо свидетельствует о возможности и необходимости оперировать в процессах разработок новых теорий не отдельными, пусть даже весьма значимыми факторами, а их определенными совокупностями или комплексами.

Предостерегая от возможных заблуждений, следует добавить к сказанному, что в лингво-энергетических исследованиях нам важна не столько природа рассмотренных энергетических процессов коммуникации, сущность которой еще мало известна, сколько установление, в первую очередь, динамики изменения их количественных энергетических характеристик.

Поэтому при формировании общей энергетической картины продуцирования и восприятия речи мы обратились к изложенному выше разделению трёх её энергетических потоков.

Такое разделение энергетической картины коммуникации на ее указанные компоненты и было положено в основу графической интерпретации условной структурно-энергетической схемы порождения и декодирования речи коммуникантом, приведенной на рис. 3.

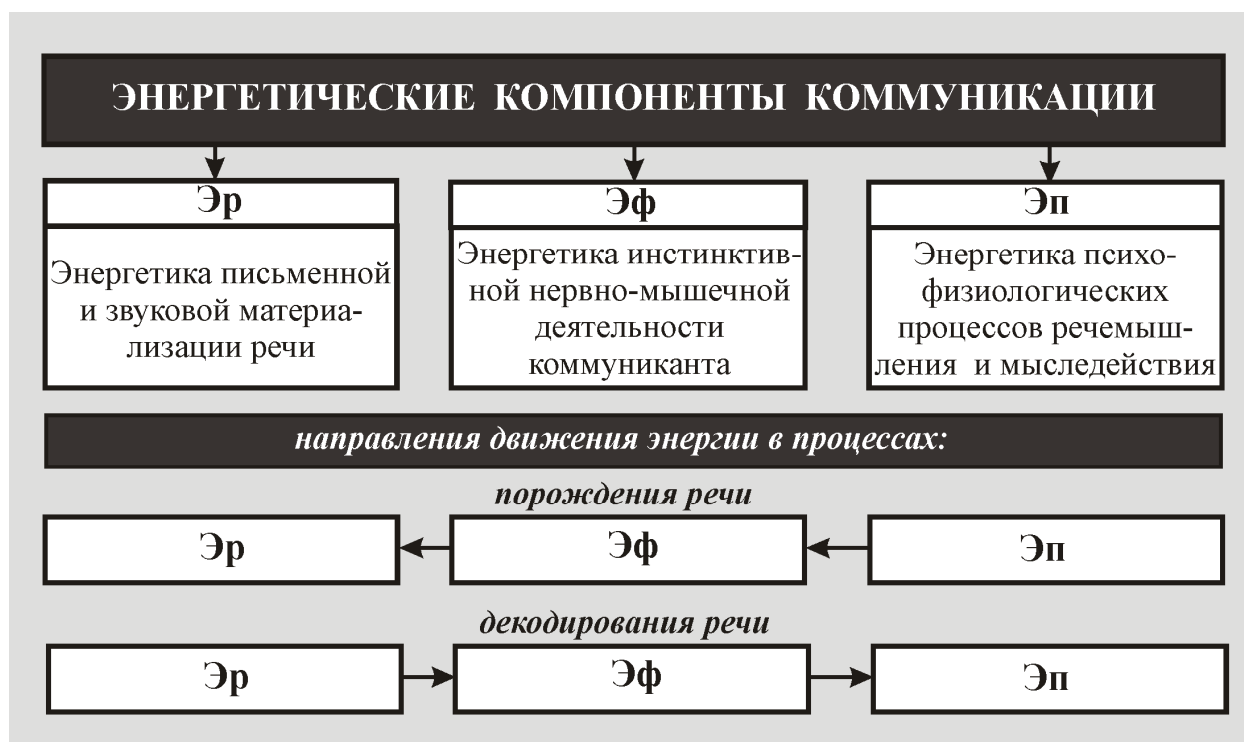

Рис. 3. Условные структурно-энергетические картины порождения и декодирования речи коммуникантом

Приведенная схема, вытекающая из полученного нами практического опыта исследования энергетической картины порождения и декодирования смысла высказывания, показывает, что объектами дальнейшего познания энергетической картины коммуникации должны выступать в основе своей энергия психической сферы индивида и обеспечивающие ее эффективное функционирование энергии инстинктивной и психофизиологической деятельности.

При этом следует сделать особый акцент на том, что в реализации любого вида, а также всех известных форм коммуникации принимают участие три указанных на схеме рис. 3 энергетических компонента (Эр, Эф, Эп). Различие в последовательности задействования этих компонентов в коммуникации связано с векторной сущностью феноменов порождения и декодирования речи. Так, в ситуации порождения речи будет иметь место направление движения энергии от психофизиологических процессов речемышления и мышледействия адресата (Эп) до энергетике письменной или звуковой материализации речи (Эр). Вполне понятно, что при декодировании речи вектор движения энергии примет обратное направление: от энергетике письменной или звуковой материализации речи (Эр) до энергетике психофизиологических процессов речемышления и мышледействия адресанта (Эп).

Поскольку, как известно [Клименюк 2010: 202], внутренняя энергия эмоциональной сферы человека обеспечивает чрезвычайно сложную цепную

реакцию – спонтанное мышление индивида, являющееся основой процессов его экзистенциального бытия, мы получаем основания отнести к внутренней энергетике личности энергию всех без исключения психофизиологических процессов и актов инстинктивной нервно-мышечной деятельности коммуниканта. В таком случае энергетика письменной и звуковой материализации речи следует рассматривать как внешнюю по отношению к адресату и адресанту. Такое разделение имеет смысл хотя бы потому, что внутренняя энергия обеспечивает процессы речемышления и мыследействия человека, а внешняя является лишь результатом их материализации. Собственно говоря, отсюда и происходит строго регламентированный методологией критерий разделения процесса порождения речи (Эф + Эп) как объекта энергетического исследования и экспериментального материала как материального результата (Эр) функционирования изучаемого объекта.

Рассматривая подробнее природу энергетических компонентов Эф и Эп, следует понимать, что не только нервно-мышечная деятельность коммуниканта, а также подавляющая часть его психофизиологических процессов речемышления и мыследействия реализуется на основе взаимодействия определенных, а, следовательно, специфических комплексов инстинктов. Именно в силу этого факта схема рис. 3 и рассматривается нами в качестве условной структурно-энергетической картины коммуникации.

Вместе с тем, при реализации экспериментальных лингво-энергетических исследований особых проблем из-за этого не возникает. Для проведения энергетических экспериментов в настоящее время в смежных науках широко используют системы биологической обратной связи, с помощью которых по дыханию, пульсу, потоотделению (кожно-гальванический эффект) и т.п. фиксируются количественные показатели, свидетельствующие о динамике изменения энергетических потенциалов. Известны также головные приборы типа эмотив, регистрирующие сигналы головного мозга (их называют еще приборами мысленного управления виртуальной реальностью и используют при соответствующем программном обеспечении для управления роботами). По показаниям этих приборов не составляет труда отследить перераспределение энергии между логическим и эмоциональным началами психики коммуникантов.

Однако с практической точки зрения трудности здесь могут возникать, скорее, при постановке лингвистами четкой целевой структуры комплексного междисциплинарного исследования, а также поиска возможности конкретизации методологии и разработки либо заимствования из смежных наук новых методов познания особенностей функционирования и взаимодействия трех указанных выше форм энергетике.

Естественно, что при этом наиболее пристального внимания требуют процедуры формирования методолого-технологических основ обоснования частных методик экспериментально-энергетических исследований речи. Во избежание возможных затруднений, прежде всего, не следует игнорировать

известные, введенные нами в энергетическую теорию речи наиболее важные постулаты [Клименюк 2010: 205–213], заложенные наряду с авторскими в ее концептуальную основу:

1) экзистенциальное бытие человека, протекающее в сфере его бессознательного, основано на эмоциональном мышлении, движущей силой которого является психофизиологическая энергия личности;

2) речемыслительная деятельность индивида отличается принципиально от его экзистенциального бытия тем, что речемыслительные процессы протекают под контролем сознания и, следовательно, результаты их завершения оформляются в соответствии с правилами диалектической логики, а экзистенциальные акты свершаются в сфере бессознательного и реализуются по законам саморазвивающегося хаоса;

3) порождение речи обеспечивается психофизиологической энергией протекающих в экзистенциальной сфере говорящего актов речемышления и мыследействия, толчки к возбуждению которых появляются в пределах от естественного интереса до умеренного стресса, возникающих у индивида по отношению к объекту осмысления или обсуждения;

3) эмоциональная энергия (энергия эмоционального мышления) экзистенциальной сферы коммуниканта является и причиной, и движущей силой развития всех без исключения его речемыслительных процессов и мыследействий;

4) эмоционально-энергетические процессы, происходящие в экзистенции, подчиняясь законам саморазвивающегося хаоса, порождают в психической сфере индивида определенные неосознаваемые им поля интенций, энергия которых передается соответствующим ментальным структурам;

5) сферу ментального бытия индивида следует рассматривать как область его наиболее конфликтного эмо-рационального мышления, характеризующегося диссипативными потерями психофизиологической энергии в ситуациях постоянно возникающего выбора между полярными альтернативами.

Оценивая перспективные возможности использования уже полученных результатов, отметим, что пока еще рано говорить о сформированности энергетической теории речи в окончательном виде, поскольку впереди предстоит кропотливая работа по совершенствованию ее понятийного аппарата, коррекции ряда лингвоконцептуальных представлений и как можно более широкого их экспериментального подтверждения. Но это не дает основания отрицать, что ее создание может стать первым логическим шагом к установлению конкретного научного закона – закона сохранения эмоционально-прагматического потенциала высказывания, отражающего в математической форме строго количественную зависимость распределения описываемого им потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бацевич Ф.С. Духовно-синергетична сутність мови: огляд деяких сучасних лінгвофілософських концепцій / Ф.С. Бацевич // Теле- та радіожурналістика : зб. наук. праць. – Вип. 8. – 2009. – С. 266–272.
2. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других / В.В. Бойко. – М.: Информ.-издат. дом «Филинь», 1996. – 472 с.
3. Ганьшина Н. Ритм как дыхание живого текста, 2007 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.proza.ru/2007/01/09-187>.
4. Григорьева Д.В. Осторожно: слово! / Д.В. Григорьева // Вестник психотерапии. – 2005. – № 13(18). – С. 130–137.
5. Жилияков Е.Г. Сегментация речевых сигналов на основе анализа распределения энергии по частотным интервалам / [Жилияков Е.Г., Прохоренко Е.И., Болдышев А.В. и др.] // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2011. – Т. 18, № 7–1. – С. 187–196.
6. Калита А.А. Фонетичні засоби актуалізації англійського емоційного висловлювання : монографія / Алла Андріївна Калита. – К. : Видавничий центр КДЛУ, 2001. – 351 с.
7. Калита А.А. Система фонетических средств актуализации смысла высказывания (экспериментально-фонетическое исследование английской эмоциональной речи) : автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.04 «Романские языки» / А.А. Калита. – К., 2003. – 34 с.
8. Калита А.А. Кореляція акустичних параметрів голосних із полярністю емоцій англійського висловлювання / А.А. Калита // Науковий вісник Чернівецького університету : зб. наук. праць. – Вип. 165–166: Германська філологія. – Чернівці : Рута, 2003. – С. 97–105.
9. Калита А.А. Акустичні параметри голосних в англійському висловленні, що передає негативні емоції мовця / А.А. Калита // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2003. – № 611. – С. 85–92.
10. Калита А.А. Функціонально-рівневий підхід до аналізу взаємодії системи фонетичних засобів та прагматики у створенні смислу висловлювання / А.А. Калита // Науковий вісник кафедри ЮНЕСКО Київського національного лінгвістичного університету. Серія: Філологія. Педагогіка. Психологія. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2003. – Вип. 7: Мова, освіта, культура: наукові парадигми і сучасний світ. – С. 7–13.
11. Калита А.А. Просодичне вираження смислу висловлень із середнім емоційно-прагматичним потенціалом / А.А. Калита // Вісник Київського лінгвістичного університету. – К. : Видавничий центр КНЛУ, 2004. – С. 182–191.
12. Калита А.А. Базові інтонаційні моделі вираження смислу англійських висловлень з різним емоційно-прагматичним потенціалом / А.А. Калита // Динаміка наукових досліджень ‘2004’ : матеріали III Міжнар. наук.-практ.

- конф. – Т. 22: Мова, мовлення, мовна комунікація. – Дніпропетровськ : Наука і освіта, 2004. – С. 30–33.
13. Калита А.А. Актуалізація емоційно-прагматичного потенціалу висловлення : монографія / А.А. Калита. – Тернопіль : Підручники і посібники, 2007. – 320 с.
 14. Калита А.А. Синергетичні моделі породження фоноконцептів в англійському мовленні / А.А. Калита // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – № 1002: Серія «Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов». – Харків, 2012. – С. 106–112.
 15. Калита А.А. Синергетическая концепция порождения интерферирующей речи билингвом / А.А. Калита, О.Р. Валигура // Языки и этнокультуры Европы : Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященная юбилею доктора филол. наук, проф. Натальи Николаевны Ореховой. – Глазов : Глазов. гос. пед. ин-т, 2010. – С. 205–217.
 16. Калита А.А. Функционально-энергетический подход: механизм актуализации эмоционально-прагматического потенциала высказывания / А.А. Калита, А.В. Клименюк // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2004. – № 635. – С. 70–74.
 17. Калита А.А. Оптимизация коммуникативного воздействия / А.А. Калита, А.В. Клименюк // Наукові записки. – Вип. 118. – Серія: Філологічні науки (мовознавство). – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2013. – С. 16–25.
 18. Калита А.А., Тараненко Л.І. Метод комплексної енергетичної оцінки процесу просодичного оформлення мовлення / А.А. Калита, Л.І. Тараненко // Наукові записки. – Вип. 81 (1). – Серія: Філологічні науки (мовознавство): У 4 ч. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2009. – С. 359–365.
 19. Калита А.А. Синергетизм порождения и актуализации фоноконцепта / А.А. Калита, Л.І. Тараненко // Наукові записки. – Вип. 96 (2). – Серія: Філологічні науки (мовознавство): У 2 ч. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2011. – С. 213–219.
 20. Калита А.А. Речевая манипуляция: определение, функция, механизм реализации / А.А. Калита, Л.І. Тараненко // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – № 1022. Серія «Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов». – Харків, 2012. – С. 10–19.
 21. Калита А.А. Критерий уровня актуализации эмоционально-прагматического потенциала высказывания / А.А. Калита, Л.І. Тараненко // Наукові записки. – Вип. 105 (1). – Серія: Філологічні науки (мовознавство): У 2 ч. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2012. – С. 476–484.
 22. Клименюк А.В. Модели концептосферы и механизмов когнитивного мышления индивида / А.В. Клименюк // Наукові записки. – Вип. 81(3). – Серія: Філологічні науки (мовознавство): У 4 ч. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2009. – С. 88–104.

23. Клименюк А.В. Знание, познание, когниция : монографія / Александр Валерианович Клименюк. – Тернополь : Підручники і посібники, 2010. – 304 с.
24. Коротенков Ю.Г. Формализованная информациология : монография / Ю.Г. Коротенков. – М. : Международное издательство «Информациология», 2000. – 30 с.
25. Манакін В. Мова як енергетичний феномен / В. Манакін // Світогляд. – 2008. – № 2. – С. 48–51.
26. Матвеева Т.В. Энергетика текста / Т.В. Матвеева // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 17. Гуманитарные науки, Вып. 3. – С. 107–112.
27. Медведев В.Б. Энергия в лингводидактическом преломлении / В.Б. Медведев // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – № 3. – 2013. – С. 18–23.
28. Романова Н.В. До питання про емотивну енергетику (на матеріалі германських текстів молитви «Отченаш») / Н.В. Романова // Проблеми зіставної семантики : зб. наук. статей ; відп. ред. О.О. Тараненко. – Вип. 9. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2009. – С. 394–399.
29. Таранец В.Г. Энергетическая теория речи : монография / Валентин Григорьевич Таранец. – К.-Одесса : Вища школа, 1981. – 147 с.
30. Философский энциклопедический словарь / [гл. редакция: Л.Ф. Ильичев и др.]. – М. : Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
31. Чёрный Г. Пси-эффект и энергетика текста (глава из новой книги о психоделике) / Г. Чёрный // Топос: литературно-философский журнал. – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.topos.ru/article/laboratoriya-slova/psi-effekt-i-energetika-teksta-glava-iz-novoy-knigi-o-psihodelike>.
32. Sacia C.F. Speech Power and Energy / C.F. Sacia // Bell System Technical Journal. – 1925. – 4: 4. – P. 627–641.
33. Kalita A.A. Utterance Pragmatics in Oral Communication / A.A. Kalita // Вісник Київського лінгвістичного університету. Серія Філологія. – К. : Видавничий центр КДЛУ, 1999. – № 2. – С. 43–47.

Калита Алла Андреевна – доктор філологічних наук, професор, професор кафедри теорії, практики і перекладу англійського мови факультету лінгвістики Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут»; e-mail: kalitanewadd@gmail.com

УДК 81'233

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СУБЪЕКТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ С ПОЗИЦИЙ
РАСПРЕДЕЛЁННОЙ МОДЕЛИ ЯЗЫКА И КОГНИЦИИ
А.В. Колмогорова (Новокузнецк, Россия)**

А.В. Колмогорова. Концептуализация субъекта деятельности в лингвокультуре с позиций распределённой модели языка и когниции. Статья посвящена обсуждению результатов экспериментальной работы по изучению социальной когниции как базиса для концептуализации фрагментов окружающей действительности представителями определённой лингвокультуры. В качестве объекта исследования и описания выступает категория субъекта деятельности в русском языковом сознании.

Ключевые слова: распределённая когниция, категория деятеля, концептуализация, языковое сознание, лингвокультура.

А.В. Колмогорова. Концептуалізація суб'єкта діяльності у лінгвокультурі з позицій розподіленої моделі мови та когніції. Стаття присвячена обговоренню результатів експериментальної роботи з вивчення соціальної когніції як базису для концептуалізації фрагментів навколишньої дійсності представниками певної лінгвокультури. В якості об'єкта дослідження та опису виступає категорія суб'єкта діяльності в російській мовній свідомості.

Ключові слова: розподілена когніція, категорія діяча, концептуалізація, мовна свідомість, лінгвокультура.

A.V. Kolmogorova. Category of agent conceptualization in the light of distributed model of language and culture. The article discusses the results of experimental research of social cognition as the basis for individuals' environment conceptualization. The attention is focused on the particular features of agent conceptualization in Russian linguistic consciousness.

Key words: distributed cognition, category of agent, conceptualization, linguistic consciousness, language, culture.

1. Введение

Семантика традиционно была и остаётся наиболее проблемной и дискуссионной областью лингвистического знания. Глубина, многоаспектность и диффузность её основного объекта – языкового значения – создают благодатные условия для появления многочисленных концепций и методологических платформ семантических исследований. Практически все парадигмы лингвистического знания, последовательно сменявшие друг друга на протяжении развития языковедения, предлагали свою модель описания семантики слова: семный анализ в рамках структурализма дал жизнь изошрённому формальному моделированию в рамках глоссематики, поглощённому, в свою очередь, популярностью функционально-семантического полевого моделирования. В эпоху стремительного развития

когнитивной парадигмы был генерирован целый кластер моделей семантического описания – прототипическая модель, метафорическая, концептуальная, моделирование при помощи имидж-схем, фреймовая и сценарные модели, модель описания при помощи семантических примитивов. Будучи, несомненно, эффективными, все они, так или иначе, отражали так называемый «интерналистский» подход к определению природы и сути когнитивных процессов: когниция интерпретировалась как процесс интериоризации внешних раздражителей в символную информацию, обрабатываемую затем мозгом в формате каких-либо ментальных структур, схем, которые, будучи сформированы, могли частично объективироваться в языковых структурах, в частности – в семантическом функционировании языковых знаков.

Однако, по мнению историков и исследователей когнитивной науки [Breunig 2010], сегодня мы можем констатировать наличие ещё, по крайней мере, двух волн когнитивной лингвистики: 1) направление «воплощённой когниции» (*embodied cognition*), рассматривающей тело человека как один из важнейших центров обработки – концептуализации – внешних, средовых, воздействий; 2) и так называемый «распределённый» подход к описанию и анализу когнитивных процессов.

Последний из названных подходов, который ниже мы подробно рассмотрим, даёт, на наш взгляд, наиболее широкие и продуктивные возможности для семантического описания, максимально приближенного к естественному взаимодействию человека в коммуникативно-социокогнитивной среде.

Таким образом, **актуальность** предлагаемого нами подхода к описанию значения и смыслов языковых структур в процессе естественного социокоммуникативного поведения обусловлена необходимостью приблизить семантическое описание к тем культурно-специфическим моделям поведения, формируемым в здесь-и-сейчас условиях взаимодействия индивидов в рамках определённой социальной среды, которые актуализируются благодаря тем или иным языковым структурам.

Новизна проводимого исследования связана с использованием в нём теоретического аппарата когнитивной науки, в частности теории распределённой когниции, уже апробированных методов когнитивной лингвистики на новом языковом материале (в частности метод когнитивного моделирования), а также с разработкой авторской методики – методики социокогнитивного матричного описания.

Проблема, на решение которой направлена проводимая нами совместно с международной группой исследователей Distributed Language Group работа, может быть сформулирована следующим, двухчастным, образом: 1) как связаны между собой процессы когниции, деятельности, коммуникации и, собственно, речи?; 2) можно ли генерировать такое описание значения слова, которое было бы максимально «экологичным» и помещало бы слово

в естественный средовой контекст, в котором оно существует в рамках определённого лингвокультурного сообщества?

В данной публикации мы ставим перед собой задачу показать на примере описания концептуализации категории субъекта деятельности в русской лингвокультуре, возможности распределённого подхода к описанию семантики и прагматики языковых категорий.

2. Теоретический базис

Теоретический базис работы составила концепция распределённой модели языка и когниции, разрабатываемая рядом европейских учёных, прежде всего, когнитивных психологов.

Сам термин «распределённая когниция» (distributed cognition) был впервые употреблён Э. Хичинсом в 1995 году [Hutchins 1995]. В этой, ставшей классической, работе примером, иллюстрирующим «как работает» распределённая когниция, является описание процесса совместной работы команды корабля, входящего в бухту: когнитивная задача решается путём интеграции различного рода ресурсов, начиная от интерпретации лоцманом показаний навигационных приборов, ряда специальных действий с картой, осуществляемых штурманом, и заканчивая слаженной работой остального экипажа по команде капитана. Ключевым моментом данной когнитивной деятельности является предвосхищение всеми участниками последующих собственных действий и действий других, результатом чего становится интеграция всеобщих когнитивных усилий и достижение когнитивного результата, которого каждый в отдельности достигнуть не смог бы. Э. Хачинс выделил 3 основополагающих характеристики данного феномена: когниция распределена 1) между членами социальной группы, 2) между внутренними по отношению к человеку системами и внешними системами (окружающей средой), 3) во времени – таким образом, что прошлые события оказывают влияние на последующие события в индивидуальной жизни человека [Hutchins 1995].

Дальнейшее развитие теории привело к формулировке ряда ключевых следствий из трёх положений, выдвинутых Э.Хачинсом. Следствие первое: **когниция есть «поверхностный» процесс**, протекающий не в глубинах человеческого сознания, а в повседневной коммуникации с другими членами сообщества, где происходит выделение и фиксация релевантных, а значит – когнитивно значимых, моделей поведения, обеспечивающих успешное взаимопонимание и взаимодействие индивида в группе. Таким образом, концептуализация того или фрагмента действительности происходит в социальной коммуникации. Следствие второе: **когниция есть контекстуализированный процесс** [Томаселло 2011], на результаты которого оказывают влияние не столько перманентные онтологически данные факторы и тенденции, сколько временные, здесь-и-сейчас условия: жесты, вокализации, реакции других людей, ощущения успеха/неуспеха, приятного/неприятного

и т.д. Следствие третье: **когниция есть этноспецифический процесс.** По словам одного из авторов концепции распределённой когниции Ст. Коули [Cowley 2009], когнитивные ожидания – установки на определённое восприятие будущих интеракций и когнитивные предвосхищения – моделирования ещё не произошедших интеракций суть два основных принципа, движущих человеческим взаимопониманием, которое, согласно известной антиномии В. Гумбольдта, относительно (понимание есть вместе с тем иллюзия понимания). Но и ожидания, и предвосхищения формируются в рамках этноса, в рамках лингвокультуры. Следствие четвёртое: **языковые структуры, и даже языковое значение, вторичны по отношению к коммуникации и когниции** – для Ст. Коули и его коллег [Spurette, Cowley 2004; Clark 2005] они являются лишь удобным материальным субстратом, «ограничителем», для фиксации распределённых в сообществе ожиданий и предвосхищений, составляющих суть распределённого знания.

Данная позиция, в принципе, была предвосхищена в лингвистике в работах А. Вежбицкой, посвящённых толкованию лежащих в основе менталитета той или иной нации, народа, культурных сценариев, своеобразными «скважинами» для доступа к которым являются ключевые слова культуры [Вежбицкая 1997]. Однако в качестве подобных «ограничителей», фиксирующих релевантные для социума модели поведения, могут выступать, как свидетельствует наша экспериментальная работа, и отдельные синтагмы, в частности – адъективно-субстантивные сочетания. Так, мы провели три серии экспериментов [Колмогорова 2009]. В первой 50 информантам было предложено сначала прочитать небольшой текст, повествующий о женщине, сознательно отрёкшейся от собственной личной жизни ради воспитания младшего брата, а затем – высказать своё отношение к женщине, аргументировав свою точку зрения. В ходе анализа полученных высказываний было выявлено, что одним из частотных средств аргументации положительного отношения к героине является синтагма *светлый человек*. Во втором эксперименте 186 информантам была предложена смоделированная ситуация знакомства с человеком, которого некто третий в разговоре характеризовал как *светлого человека*. Информантам были предложены различные модели поведения, а также предоставлялся выбор собственной модели. Более 80% респондентов выбрали ценностно окрашенную модель «я бы хотел познакомиться и подружиться с таким человеком, таких людей нужно любить и уважать». В третьем эксперименте контрольной группе из предыдущих 186 информантов было предложено таким же образом оценить человека, охарактеризованного как *хороший человек*. Подавляющее число респондентов отказались от ответа, испытывая затруднения для обоснования своего выбора той или иной модели поведения. Значит, синтагма *светлый человек* фиксирует некую важную релевантную для русского лингвокультурного сообщества модель поведения, а синтагма *хороший человек* – нет, выражая лишь определённую общую субъективную оценку. Аналогичные первой синтагме

примеры встречались нами в фактологическом материале при работе с прилагательными *тёмный, чёрный, белый* русского языка и *blanc, noir, sombre, obscur* – французского.

Поставив перед собой задачу выявления культурно-специфических социально обусловленных структур знания, определяющих функционирование лексических и лексико-грамматических единиц в определённой лингвокультуре, мы обратились к материалу, в котором можно наблюдать процесс формирования базисных моделей поведения в социальном и речевом контексте – общению матери с ребёнком.

3. Материал и методы исследования

В качестве объекта исследования нами была выбрана интеракция матери и ребёнка в возрастном периоде от 0 до 10 лет. Материалом для анализа послужил корпус видеозаписей, общая длительность которых составила 21 час 26 минут. Возраст матерей варьировал – от 21 года до 43 лет.

Ведущим методом анализа и описания является метод когнитивного моделирования, предполагающий теоретическое и гипотетическое воссоздание когнитивных структур на основе полученных экспериментальным путём фрагментарных, но валидных данных, опосредованно свидетельствующих о некоторых свойствах моделируемых структур. В качестве когнитивной модели нами использовалась модель так называемой «когнитивной матрицы», понимаемой, вслед за Н.Н. Болдыревым как единая система определённых когнитивных контекстов, на фоне которых происходит формирование и понимание соответствующих языковых значений, проявляется их культурная специфика [Болдырев, Алпатов 2008: 6]. К структурным характеристикам когнитивной матрицы относят: 1) неиерархичность – компоненты когнитивной матрицы открывают доступ к разным когнитивным областям, ни одна из которых не является обязательной или доминирующей; 2) гетерогенность в сочетании с интегративностью структурируемого знания – когнитивная матрица сводит воедино многоаспектные знания различного уровня сложности; 3) широта «вертикального охвата» типов знания – когнитивная матрица сводит воедино знания разных уровней концептуализации: от первичного восприятия до экспертного уровня.

Принимая данную трактовку когнитивной матрицы за основу, в нашей работе мы вводим понятие социокогнитивной матрицы. В ядре социокогнитивной матрицы находится релевантная для данного сообщества модель социальной интеракции. В качестве компонентов матрицы рассматриваются различные контексты или модусы проявления ядерной модели социальной интеракции: вербальный (в том числе интонационный, фонетический, лексический, грамматический), невербальный (в том числе сенсомоторный, мимический и жестовый), материально-объектный (количество и качество используемых в ходе интеракции материальных объектов,

их функции), субъектный (количество участвующих в интеракции субъектов, их роли и функции).

Таким образом, мы определяем **социокогнитивную матрицу** как модель взаимосвязей и взаимоотношений, существующих между различными модусами социальной интеракции, совокупность которых ориентирует её участников на релевантную в данном лингвокультурном сообществе модель социального поведения. Возвращаясь к исходной модели когнитивной матрицы Н.Н. Болдырева, можно сказать, что в ядре социокогнитивной матрицы находится не ментальный объект, а интересубъективный социальный объект, который видится через призму способов и средств его формирования и интерпретации в рамках определённой лингвокультуры.

Итак, в качестве эвристически продуктивного конструкта – модели описания – мы будем использовать социокогнитивную матрицу (рис.1).

Рис.1. Модель социокогнитивной матрицы

Однако для того, чтобы извлечь данные из исследовательского материала нам понадобится некая операциональная единица описания. В нашем исследовании в качестве таковой будет выступать такая единица, как **«практика общения»**.

«Практика общения» в рамках исследования общения матери и ребёнка определяется нами как способ осуществления ориентирующего поведения, используемый матерью в повседневном взаимодействии для формирования в когнитивном опыте ребёнка присущих данному лингвокультурному сообществу социокогнитивных матриц, представляющий собой специфическое сцепление актов вербальной, невербальной, интенциональной и аффективной активности матери.

4. Результаты и их интерпретация

В результате исследования нам удалось выявить и описать ряд практик общения, обнаруживающих сходство на уровне вербальных, невербальных,

субъектных и материально-объектных проявлений, несмотря на возрастные, профессиональные и социальные различия матерей. В процессе анализа и генерализации общих свойств данных практик, гипотетического установления их взаимосвязей мы смоделировали ряд социокогнитивных матриц, регламентирующих определённые модели релевантного в рамках русского лингвокультурного сообщества поведения. При этом собственно лингвистические маркеры (лексические единицы, грамматические категории, фонетические свойства) оказались, с одной стороны, экологично вписаны в контекст других взаимодействий, формирующих в комплексе холистическую модель взаимодействия. С другой стороны, оказалось возможным вписать семантику лексических единиц в общий когнитивный контекст. Рассмотрим изложенные положения на примере.

Нами были описаны 3 разновидности такой практики общения, как **практика формирования категории субъекта деятельности**: псевдоагентив, совместный агентив и псевдосовместный агентив.

Псевдоагентив: Совершая какие-либо действия с ребёнком – почистить уши, помыть глаза, переодеть, поменять подгузник – мать, оформляя высказывание, ставит имя ребёнка в позицию агентива (мы назвали такую особенность «псевдоагентивом»):

(1) (диада № 19: мама 33 года, дочь 6 мес.; мама проводит утренние процедуры с ребёнком на пеленальном столе)

/Чистую Катя маечку сейчас оденет//

(2) */Вот Катя ушки почистила//*

«Совместный агентив» используется непосредственно перед выполнением какого-либо действия, где мать выступает в роли агенса, а ребёнок – пациенса, она как бы прогнозирует это действие, представляя его как согласованное взаимодействие одинаково активных субъектов:

(3) (диада № 18: мама 33 года, сын 2 года; мама открывает книгу)

/Сейчас читать будем//;

(4) (диада № 35: мама 24 года, дочь 3 мес.)

/Сейчас мы погуляем/ помоемся и спать//;

(5) */Давай пелёнку поменяем//*

Или перед тем как в ванной приступить к обтиранию ребёнка, мать говорит:

(6) (диада № 6: мама 23 года, сын 3 мес.)

/Спинку будем вытирать//;

При этом согласное, послушное (хотя и пассивное) поведение ребёнка, скажем, он не сопротивляется обтиранию, демонстрирует удовольствие от этого процесса, поощряется похвалой, ласковой интонацией, повторением имени ребёнка.

Псевдосовместный агентив: часты случаи, когда действие выполняет именно ребёнок, но мать обозначает ситуацию при помощи «совместного» агентива, используя местоимение *мы*:

(7) */Мы сейчас на животик ещё с тобой ляжем//;*

(8) */А куда мы смотрим//.*

В результате анализа и моделирования нами была получена **социокогнитивная матрица** «мониторинг «плавающих» границ социального/физического тел себя и партнёра в категории деятеля», которая заключается в том, что благодаря практике материнского общения в когнитивном опыте ребёнка формируется установка на то, что физическое тело субъекта действия может не совпадать с социальным телом деятеля. При этом формируемая матерью в когнитивно-коммуникативном опыте ребёнка модель поведения как «деятеля» может быть эксплицирована следующим образом: *«в отдельные моменты, когда два человека или несколько человек тесно связаны между собой отношениями социальной зависимости (узами заботы, опеки, зависимости, сопричастности) реальный субъект действия теряет свою значимость, а взаимодействующие люди образуют единое субъектное целое, в рамках которого фокус деятеля может свободно перемещаться»*. На уровне модусов проявления, по которым данная модель как бы «считывается» сознанием коммуниканта-представителя русской лингвокультуры, социокогнитивную матрицу можно охарактеризовать следующим образом:

а) вербальный модус: для данной модели поведения в её вербальном аспекте характерны интонационное выделение глагольных лексем, обозначающих действие; использование имени собственного того, кто сам действие не выполняет, но присутствует в ситуации, либо «совместного» *мы* в позиции агентива; референционально смещённое употребление личных местоимений, употребление наречий, обозначающих момент в будущем-настоящем, а также указывающих на только что полученный результат; использование морфологической формы будущего времени глаголов;

б) невербальный модус характеризуется особым комплексом семиотически значимых движений: контактный взгляд+выполнение какого-либо действия над партнёром по взаимодействию, вместе с ним или вместо него;

в) субъектный модус характеризуется замкнутостью в границах диадического взаимодействия;

г) материально-объектный модус характеризуется включённостью в поле взаимодействия объектов привычного ежедневного обихода: предметов гигиены, одежды, книг; при этом важно, что, и в ситуации псевдоагентива, и псевдосовместного агентива, когда налицо референциональное смещение субъекта – действует один, а в качестве субъекта обозначается другой – оба прикасаются, держат в руках какой-либо один общий предмет.

В рамках русской лингвокультуры данная модель поведения затем реализуется и вне рамок материнского общения, экстраполируясь на широкий круг ситуаций взаимодействия – учитель/ученик, начальник/подчинённый, врач/пациент т.д.

Так, например, задавшись вопросом о том, насколько выявленная в материнском поведении линвокультурная модель социального взаимодействия релевантна для других сфер общения в русском коммуникативном сообществе, мы обратились к данным Национального корпуса русского языка, а также к фиксации собственного устного речевого материала.

Разновидность такой практики общения, как «псевдоагентив», мы обнаружили в общении, являющемся частью социальных отношений подчинения. Например, в телефонном разговоре с подружкой жена хочет, чтобы муж тоже с ней поговорил, хотя он такого желания не обнаруживает:

(9) *Маиш/ да/ ну ладно/ щас Сашка хочет с тобой поговорить/ щас он трубку берёт//* (женщина, используя контактный взгляд, протягивает сопротивляющемуся мужу трубку, а затем и вкладывает её ему в руку) (из собственных записей устной речи).

Интерпретируя данную ситуацию взаимодействия, следует отметить, что мы наблюдаем случай, когда действие навязано, фактически, выполняется одним субъектом – женой, а обозначается в речи как действие другого субъекта – мужа. При этом мы можем наблюдать те же вербальные и невербальные маркеры: интонационное выделение глагольных форм (*хочет, берёт*), использование наречий для обозначения момента будущего-настоящего (*сейчас*), контактный взгляд, наличие тактильного контакта через предмет-медиатор (трубка).

Или другой пример: во время заседания кафедры коллеги высказали ряд нареканий на работу лаборанта, в частности на её нерасторопность в отношении передачи служебных бумаг в различные инстанции. На что заведующий кафедрой отреагировал следующим образом:

(10) */Сейчас Олеся возьмёт бумаги* (контактный взгляд, протягивает стопку бумаг, дожидается, пока Олеся подойдет и протянет руку за бумагами) *и пойдёт с ними в отдел кадров* (вкладывает бумаги ей в руки) */прямо сейчас//*

В данном случае мы также наблюдаем «плавающий фокус» субъекта действия – очевидно, что действие предвосхищено, навязано и частично выполнено (Олеся не сама взяла бумаги – заведующий ей их вложил буквально в руки) одним субъектом, но языковую маркировку субъекта действия получает другой человек. При этом – те же вербальные маркеры, что и в общении матери с ребёнком – формы будущего времени глаголов (*возьмёт, пойдёт*), наречие – маркер будущего-настоящего (*сейчас*), интонационное выделение глагольных форм. Что касается невербального и материально-объектного модусов, то заведующий, назовём его лидером социального взаимодействия, использовал контактный взгляд, а также сформировал ситуацию медиации при помощи материального объекта – стопки бумаг.

Что касается практики общения «совместный агентив», когда степень активности и самостоятельности субъектов, являющихся частью одного взаимодействия, различна, но в высказывании они маркируются как

равноправные агенты, то она чрезвычайно частотна. Отметим, что, если для реализации псевдоагента характерна социальная ситуация подчинения, то для совместного агента – ситуация социальной эмпатии, взаимозависимости. Так мы выделили следующие виды социальной интеграции в рамках рассматриваемой практики:

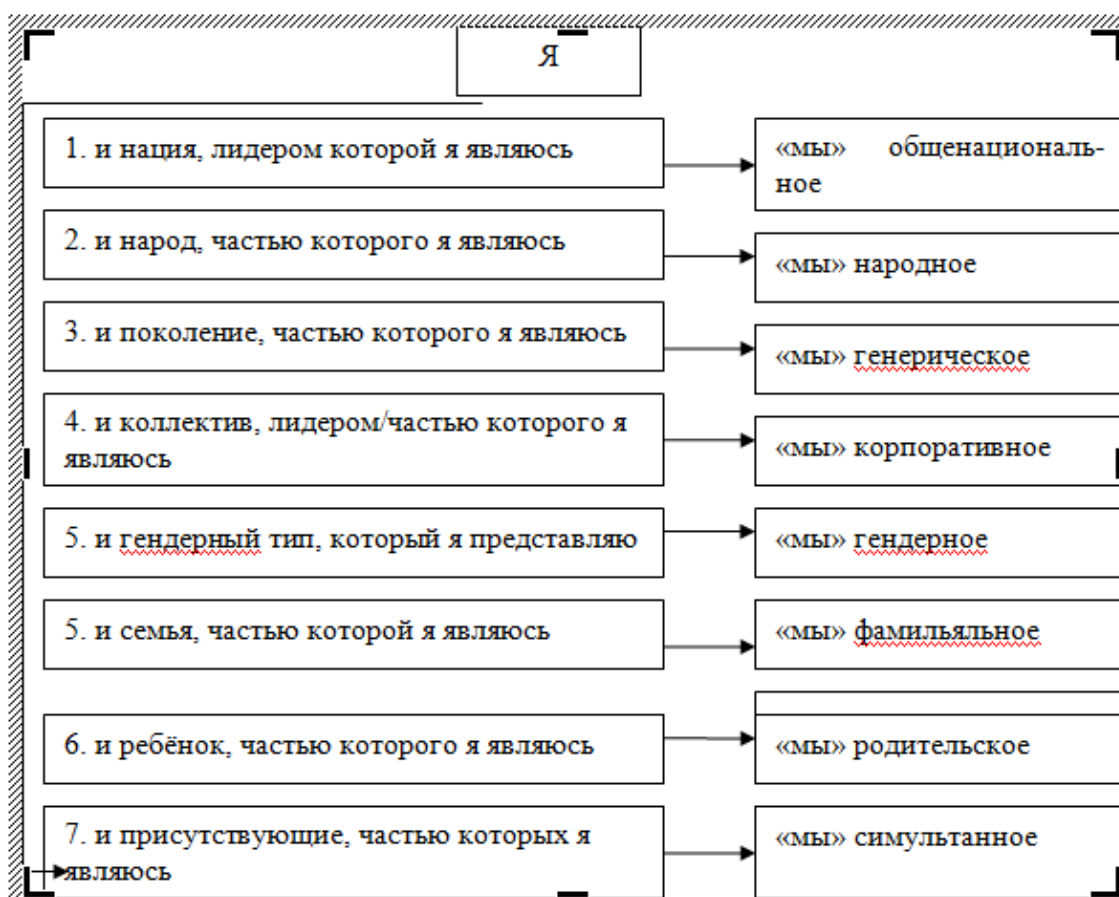

Рис.1. Виды социальной интеграции в рамках «совместного агента»

Рассмотрим следующие примеры:

«мы» общенациональное

(11)...Во всяком случае, **мы** намерены сотрудничать с Афганистаном, и несколько не сомневаюсь, что это пойдёт на пользу, как нашим соседям, так и нашим государствам – Российской Федерации и Узбекистану [В.В. Путин. Выступление встречи с И.А. Каримовым // «Дипломатический вестник», 2004. – НКРЯ];

«мы» народное:

(12) [1, жен, 35] Хорошо / что **мы** стали объединяться в борьбе с этим злом / терроризмом. Как говорится / не было счастья / да несчастье помогло [3, муж, 27]. № 3. Очень порадовало / что **мы** в Афган не вошли [Беседа в Воронеже // Фонд «Общественное мнение», 2001. – НКРЯ];

«мы» генерическое:

(13) [Прохожий, Анатолий Солоницын, муж] *Никуда не бегают... Это мы всё бегаем / суедемся. Всё пошлости говорим / эт всё от того / что мы природе что в нас / не верим. Всё...какая-то недоверчивость... торопливость / что ли... Отсутствие времени / чтобы подумать* [Мать, Маргарита Терехова, жен] [Андрей Тарковский, Александр Мишарин. Зеркало, к/ф (1974). – НКРЯ].

«мы» корпоративное:

(14) *"В этом году мы потратили много усилий на то, чтобы вместе сделать Volari XR 5 решением, которое отвечало бы потребностям заказчиков как Transmeta, так и XGI, – отметил вице-президент XGI по маркетингу Роберт Фанг. – Теперь мы с уверенностью предлагаем его производителям ноутбуков, которые хотели бы создавать эффективные с точки зрения энергопотребления продукты* [Вячеслав Соболев. Есть ли шансы у XGI // «Computerworld», 2004. – НКРЯ];

«мы» гендерное:

(15) [№ 1, жен, 16] *Я тоже сейчас прибегаю / они такие "зачем каблук одела?" Я думаю "как вам объяснить?"* [№ 2, жен, 19] № 2. *Потом очень многие ребята не понимают / зачем мы красим ногти / глаза...* [Разговор при выходе из дома, Москва // практиканты, 2005. – НКРЯ];

«мы» фамильяльное:

(16) [Клавдия Ивановна, жен, 84] *Так // Ээ теперь... я вам только могу ... о-от я в тридцать шестом / ой! / в тридцать втором году мы сюда приехали //* [Гость 2, жен, 42] *А откуда? Вот // мы с Новосибирской области приехали // А почему приехали?* [Рассказ о работе МТС // ДВГУ, База данных «Живая речь дальневосточников», 2010. – НКРЯ].

«мы» родительское:

(17) [Мама 27 лет, сын 4 года] / *Мы сейчас с тобой книжку читаем //* [из авторского корпуса материнского общения]

«мы» симультанное:

(18) [Сеня, муж] *Послушаем радио «Монте Карло». Кошмар. Девушка в иностранке.* [Юля, жен] *Ух... Ну / мы поняли. Да. Я тоже так подумала.* [Сеня, муж] *Перебьемся.* [Разговоры за игрой в карты (2009). – НКРЯ].

Являясь наиболее частотной реализацией практики формирования категории субъекта деятельности, «совместный агентив» реализуется как в устной речи, так и в письменной, как в повседневной спонтанной, так и в публичной подготовленной, охватывает многочисленные ипостаси социальной включённости, нивелируя важность степени активности и самостоятельности субъекта в деятельности, но акцентируя факт его включённости в социальные страты.

Ещё одна разновидность реализации модели практики формирования категории субъекта деятельности, отмеченная нами в рамках общения матери с ребёнком, – «псевдосовместный агентив» – проявляется также и в других

сферах общения представителей русской лингвокультуры. При этом, в поле совместного субъекта могут быть вовлечены и домашние животные, например:

(19) – *Весной **мы** родили две тысячи телят, а теперь будем осеменять коров круглый год – получим минимум три тысячи телят, на добавочную тысячу больше. Это при том стаде, какое у нас есть...* [А.П. Платонов. Ювенильное море (Море юности) (1934). – НКРЯ].

Совершенно очевидно, что ветеринары осуществляли только сопровождающую деятельность, а активными субъектами действия рождения были домашние животные, но говорящие концептуализируют и себя как активных участников деятельности.

Аналогичный пример, находим в следующей типичной ситуации (зафиксирована нами): инспектор ДПС останавливает автомобиль, за рулём которого женщина, а в качестве пассажира – её муж. При этом муж, выходя из машины, начинает диалог с инспектором следующим образом:

(21) */Начальник/ **мы** вроде ничего не нарушили? **Мы** сейчас покажем документы* (жена достаёт документы и протягивает инспектору)

а заканчивает

*/**Мы** можем ехать?//*

Таким образом, мы наблюдаем как говорящий, не являясь активным субъектом деятельности, а только её наблюдателем, поскольку и автомобиль ведёт жена, и правила, если и нарушены, то ею, и документы показывает она, причисляет и себя к категории деятелей посредством использования местоимения *мы*. Отметим, что в ситуациях использования псевдоагента говорящий реализует социально-коммуникативную позицию защитника, опекуна, т.е. человека, обладающего большим опытом и возможностями.

5. Теоретические следствия

Обобщая полученные результаты, мы пришли к построению следующей распределённой модели концептуализации категории субъекта в русском языковом сознании:

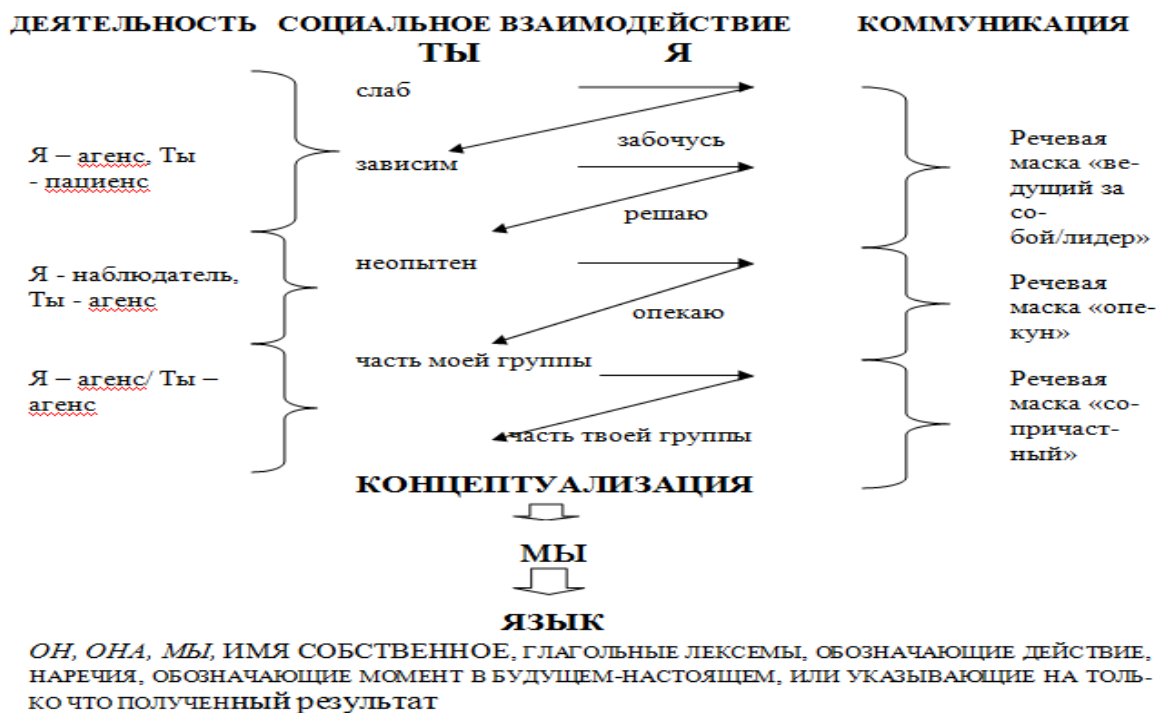

Рис. 2. Распределённая модель концептуализации субъекта в русской лингвокультуре

Таким образом, реальность деятельности – различная степень участия в деятельности – в социальной интеракции, принятой, одобряемой в русском лингвокультурном сообществе, трансформируется в когнитивную структуру матрицы, фиксирующей ценностно окрашенные паттерны поведения: *в отдельные моменты, когда два человека или несколько человек тесно связаны между собой отношениями социальной зависимости – ты слаб – я забочусь, ты зависим – я решаю, ты неопытен – я опекаю, ты есть часть моей группы – я есть часть твоей группы – реальный субъект действия теряет свою значимость, а взаимодействующие люди образуют единое субъектное целое, в рамках которого фокус деятеля может свободно перемещаться.* В коммуникации данная матрица проявляется в серии речевых масок, легко узнаваемых в общении: «ведущий за собой, лидер», «опекун», «сопричастный». Именно данная социокогнитивная матрица является базисом для концептуализации категории МЫ в языковом сознании и картине мира представителей сообщества. Естественно, что, концептуализированная таким образом, категория субъекта деятельности фиксируется особым образом в языковых структурах, в их семантике и функционировании.

6. Заключение

1. Распределённый подход к описанию концептуальных и языковых структур позволяет, с одной стороны, учесть влияние значимых социального и этноспецифического факторов на когнитивные и семантические процессы, а с другой стороны, дать «экологическое» описание семантики языковой

единицы, рассматриваемой в комплексе как экстралингвистических, так и лингвистических связей.

2. Использование понятий «практика общения» и «социокогнитивная матрица» как операциональной и системной единиц анализа и описания, соответственно, является эффективным способом осуществления распределённого описания концептуальных и языковых структур.

3. Изучение когнитивного и вербального аспектов взаимодействия матери с ребёнком в рамках определённой лингвокультуры даёт валидный исследовательский материал для выявления социокогнитивного базиса концептуальных и языковых структур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н.Н. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов / Н.Н. Болдырев, В.В. Алпатов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С. 5–14.
2. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание ; пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М., 1997. – С. 231–290.
3. Томаселло М. Истоки человеческого общения / М. Томаселло / Пер. с англ. – М. : Языки русской культуры, 2011. – 324 с.
4. Колмогорова А.В. Аргументация в речевой повседневности / А.В. Колмогорова. – М. : Флинта-Наука, 2009. – 145 с.
5. Breunig S. Conceptual, social and material scaffolding for L2 writers / S. Breunig // Proceedings of the International Conference “Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions: Theoretical and Applied Perspectives”. – Irkutsk : BNUEL, 2010.
6. Clark A. Beyond the flesh: Some lessons from a mole cricket / A. Clark // Artificial Life. – 11(1). – 2005. – P. 233–244.
7. Cowley S. J. Distributed language and dynamics / S.J. Cowley // Pragmatics & Cognition. – 2009. – №17(3). – P. 495–507.
8. Cowley S.J. Contextualizing bodies: how human responsiveness constrains distributed cognition / S.J. Cowley // In D. Spurrett (ed.) Special issue on Integrational Linguistics and Distributed Cognition, Language Sciences. – 2004. – № 26/6. – P. 565–591.
9. Hutchins E. Cognition in the Wild/ E. Hutchins. – Cambridge, MA : MIT Press, 1995. – 381 p.

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой французского языка и методики преподавания ФГБОУ ВПО «Кузбасская государственная педагогическая академия»; e-mail: nastiakol@mail.ru

УДК 811.111'42

**КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНИЙ
 ИНСТРУМЕНТАРИЙ АНАЛИЗА
 СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО СИНТАКСИСА
 АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
 А.П. Мартынюк, А.Ю. Поникарева (Харьков, Украина)**

А.П. Мартынюк, А.Ю. Поникарева. Когнитивно-дискурсивный инструментарий анализа сложноподчиненного синтаксиса англоязычного политического дискурса. В статье определяются теоретико-методологическая база и методический инструментарий когнитивно-дискурсивного анализа сложноподчиненных синтаксических конструкций, используемых в англоязычном политическом дискурсе. Выявляются два типа подчинительной связи: смысловое инкорпорирование и структурно-смысловое инкорпорирование. Эти типы связи объясняются в терминах операций когнитивного конструирования.

Смысловое инкорпорирование представляет собой нелинейный тип подчинительной связи, где подчиненная предикация служит фоном, задающим временные, причинно-следственные или эпистемические рамки события, выраженного главной предикацией и соотносимого с фигурой.

Структурно-смысловое инкорпорирование является линейным типом подчинительной связи, при котором предыдущая предикация в синтагматической цепочке содержит информацию, служащую фоном для интерпретации последующей предикации, соотносимой с фигурой.

Ключевые слова: подчинительная связь, смысловое инкорпорирование, структурное инкорпорирование, когнитивные операции конструирования, фон и фигура.

А.П. Мартинюк, А.Ю. Поникарєва. Когнітивно-дискурсивний інструментарій аналізу складнопідрядного синтаксису англійського політичного дискурсу. У статті обґрунтовується теоретико-методологічна база та методичний інструментарій когнітивно-дискурсивного аналізу складнопідрядних синтаксичних конструкцій, які використовуються в англійському політичному дискурсі. Виявляються два типи підрядного зв'язку: змістове інкорпорування та структурно-змістове інкорпорування. Ці типи зв'язку пояснюються в термінах операцій когнітивного конструювання.

Змістове інкорпорування є нелінійним типом підрядного зв'язку, де підрядна предикація є ґрунтом, що задає часові, причинно-наслідкові або епістемічні рамки події, вираженої головною предикацією, співвідносною з фігурою.

Структурно-змістове інкорпорування є лінійним типом підрядного зв'язку, де попередня предикація в синтагматичному ланцюзі містить інформацію, яка є ґрунтом для інтерпретації наступної предикації, співвідносною з фігурою.

Ключові слова: підрядний зв'язок, змістове інкорпорування, структурно-змістове інкорпорування, когнітивні операції конструювання, ґрунт та фігура.

A.P. Martynyuk, A.U. Ponikaryova. Cognitive-discursive tools of analyzing complex syntax of the English political discourse. The article introduces theoretical-methodological basis and methodical tools of the cognitive-discursive analysis of complex syntactic constructions used in the English political discourse. Two types of hypotaxis relations are identified: semantic incorporation and

structural-semantic incorporation. These types of relations are explained in terms of cognitive construal operations.

Semantic incorporation represents a nonlinear type of hypotaxis relations where the subordinate predication serves as the ground setting the time, cause / precondition or epistemic framework of the event, expressed by the main predication functioning as the figure.

Structural-semantic incorporation is a linear type of hypotaxis relations where preceding predication in the syntagmatic chain contains information serving as the ground for the interpretation of the subsequent predication, functioning as the figure.

Keywords: subordinate relations, semantic incorporation, structural-semantic incorporation, cognitive construal operations, ground and figure.

Цель статьи состоит в определении теоретико-методологической базы и методического инструментария когнитивно-дискурсивного анализа сложноподчиненных синтаксических конструкций, используемых в англоязычном политическом дискурсе.

Актуальность темы обуславливается недостаточной разработкой понятийного аппарата и методик анализа сложноподчиненного синтаксиса в когнитивно-дискурсивном ракурсе.

Объектом статьи избран сложноподчинительный синтаксис англоязычного политического дискурса, а **предметом** – когнитивные операции, лежащие в основе синтаксических связей подчинения и инструменты их анализа.

Материалом исследования служат транскрипты речей Д. Кемерона и Б. Обамы общим объемом, соответственно, 1095 и 1120 предикаций. Их них сложноподчиненной связью объединено 508 и 566 предикаций, что составляет 46% и 50% от общего количества (первый количественный показатель отображает особенности синтаксиса Д. Кемерона, а второй – Б. Обамы).

Результаты анализа структурно-семантических особенностей связей между главными и подчиненными предикациями сложноподчиненных предложений, используемых двумя политиками, дают основания для выделения трех типов связей. К таковым относим: цепочное присоединение, смысловое инкорпорирование и структурное инкорпорирование. Подчеркнем, что в полном смысле подчинительным является лишь инкорпорирование, цепочное присоединение находится на стыке подчинения и сочинения.

Цепочное присоединение представляет собой синтаксическую связь, где предикации соединены союзами *so* или *for*, которые относят к особой группе союзов, обладающих характеристиками как сочинения (фиксированность позиции между предикациями, структурная и семантическая самостоятельность предикаций), так и подчинения (семантика результата действия) [Khaimovich, Rogovskaya 1967: 213]. Например: *We are going to build Afghan capacity so Afghans can take responsibility for their future* (Obama; 26).

Смысловое инкорпорирование есть типом подчинительной связи, при котором предикации, следующей первой в синтагматической цепочке, присуща смысловая незавершенность, восполняемая последующей предикацией. При

этом обе предикации сохраняют структурную полноценность. Важно, что первой может следовать как главная, так и подчиненная предикация, поскольку они могут меняться местами. Например: *When I took office, our projected deficit was more than \$1 trillion* (Obama; 22); *This year, our civilians will forge a lasting partnership with the Iraqi people, while we finish the job of bringing our troops out of Iraq* (Obama; 27).

Кроме сложноподчиненных предложений **времени**, такой тип связи характерен для сложноподчиненных **условия**: *If the United Nations Charter is to have any value in the 21st Century we must now join together to support a rapid political transition* (Cameron; 18) / *You cannot build strong economies, open societies and inclusive political systems if you lock out women* (Cameron; 18); **причины** *Because of a diplomatic effort to insist that Iran meet its obligations, the Iranian government now faces tougher sanctions, tighter sanctions than ever before* (Obama; 27) / *And it will be harder because we will argue about everything* (Obama; 27); **цели**: *And NATO will maintain an enduring commitment so that Afghanistan never again becomes a haven for Al Qaida to attack our countries* (Obama; 20); **уступки**: *So any serious plan to tackle our deficit will require us to put everything on the table, and take on excess spending wherever it exists in the budget* (Obama; 22); **сравнения / способа действия**: *Assad is today inflaming Syria's sectarian tensions, just as his father did as far back as the slaughter in Hama 30 years ago* (Cameron; 18); а также сложноподчиненных предложений с **вводными придаточными**: *As others have observed, this is like turning to a right-wing fascist party to fight a violent white supremacist movement* (Cameron; 24) / *Put simply, it ends Medicare as we know it* (Obama; 22).

Структурно-смысловое инкорпорирование есть видом подчинительной связи, при которой предшествующая предикация демонстрирует как смысловую, так и структурную незавершенность, восполняемую последующей предикацией. При этом инкорпорируемая предикация может относиться как к отдельному компоненту предыдущей предикации (*David shares my belief that in a time of rapid change, the leadership of the United States and the United Kingdom is more important than ever* (Obama; 20), так и к предыдущей предикации в целом (*And that is what the president and I are determined to do* (Cameron; 21). Как правило, первой следует главная предикация, за исключением сложноподчиненных предложений с придаточными подлежащего.

Инкорпорирование в структуру сложноподчиненного предложения при наличии структурно-смысловой связи между отдельным членом предыдущей предикации и последующей предикацией характерно для **атрибутивных придаточных**: *Today, the prime Minister and I reaffirmed the transition plan that we agreed to with our coalition partners in Lisbon* (Obama; 20) / *Our declaration sets out a clear commitment that transition will begin in early 2011* (Cameron; 25).

Инкорпорирование в структуру сложноподчиненного предложения при наличии структурно-смысловой связи между предикациями в целом характерно

для придаточных в функции **подлежащего**: *What comes of this moment is up to us* (Obama; 27) / *What we want is the quickest way to stop the killing* (Cameron; 20), а также **предикатива**: *Our free enterprise system is what drives innovation* (Obama; 27) / *Forging those partnerships and those investments is why we are all here today* (Cameron; 19); **дополнения**: *Most Americans believe we should invest in education and medical research* (Obama; 22) / *I believe our relationship can be a win-win* (Cameron; 26) и **расширения**: *I wanted to make sure you had one more excuse to skip class* (Obama; 22) / *That includes making sure immigrants speak the language of their new home* (Cameron; 24).

Когнитивный анализ сложноподчиненного синтаксиса Д. Кемерона и Б. Обамы осуществляем в терминах когнитивных операций конструирования смысла языкового выражения (construal operations). Понятие когнитивного конструирования опирается на один из базовых принципов когнитивной лингвистики, формулировку которого подают в двух вариантах – “семантика – это концептуализация” или “грамматика – это концептуализация” – и приписывают Р. Ленекеру [Langacker 1999]. Суть этого принципа состоит в гипотезе, что человек осуществляет речевую деятельность не на основании конвенциональных значений, “закодированных” в языковых формах, как принято считать в структурной семантике, а на основании широких энциклопедических знаний и когнитивных процессов, которые эти формы активируют. “Когда мы понимаем высказывание, мы ни в каком смысле не понимаем ‘то, что говорят слова’; слова сами по себе ничего не говорят без тщательно детализированных знаний и мощных когнитивных процессов, вступающих в силу” [Turner 1991, с. 206].

Конструирование смысла языкового выражения в ситуации коммуникации и есть концептуализацией. Любой язык мира предоставляет альтернативные средства для объективации различных интерпретаций одного и того же пропозиционального содержания, другими словами – различных способов концептуализации. Это *разнообразие способов концептуализации и называют когнитивными операциями конструирования*.

Наиболее известны классификации когнитивных операций конструирования Л. Талми и Р. Ленекера. Л. Талми классифицирует их в терминах образных систем (imaging systems) [Talmy 1977, 1988] или схемных систем (schematic systems) [Talmy 2000] и включает в их число структурную схематизацию (structural schematization), развертывание перспективы (deployment of perspective), распределение внимания (distribution of attention), и силовую динамику (force dynamics). Р. Ленекер оперирует термином “фокусировки” (focal adjustments) [Langacker 1987: ch. 3.3] и рассматривает выбор (selection), перспективу (perspective) (фигуру (figure) / фон (ground), точку обзора (viewpoint), дейксис (deixis), субъективность (subjectivity) / объективность (objectivity)) и способы представления объекта / происходящего события (scene) в пространственно-временных измерениях (abstraction).

Эти классификации не являются всеобъемлющими. Интерпретация

высказывания в рамках того или иного фрейма человеческого опыта (framing) по Ч. Филлмору [Fillmore 1982] также представляет собой операцию конструирования, как и метафорическое картирование Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980]. К операциям конструирования следует относить и представление сущностей / ситуаций в виде образ-схем (image schemas) [Lakoff 1987; Johnson 1987; Lakoff, Turner 1989; Clausner, Croft 1999], как это делают У. Крофт и А. Круз [Croft, Cruse 2004: 44–45].

Все операции конструирования, выделяемые этими и другими когнитивистами, связаны с четырьмя базовыми когнитивными способностями человека: вниманием (attention), суждением / сравнением (judgement / comparison), пространственно-временной ориентацией (perspective / situatedness) и структурированием объектов / событий (constitution / gestalt) [Croft, Cruse 2004: 46].

Для анализа сложноподчиненного синтаксиса наибольший интерес представляют операции когнитивного конструирования, связанные с распределением внимания и суждением / сравнением. Операции по распределению внимания объясняют механизмы достижения высокой степени суггестивности политического дискурса, а операции суждения / сравнения лежат в основе смысловых взаимоотношений между сложноподчиненными предикациями, обеспечивающих аргументативность политического дискурса.

Внимание представляет собой сложный психологический феномен, моделирующийся в терминах степени активации концептуальных структур нейронной сети, представляющей собой гипотетическую модель мозга. По определению У. Чейфа, внимание есть фокусом сознания (the focus of consciousness) [Chafe 1994: 26–30].

Различные аспекты внимания можно продемонстрировать на примере визуального восприятия: человек выбивает тот или иной объект / происходящее событие и фокусирует на нем внимание, наблюдает происходящее с расстояния или приближается вплотную, фиксирует взгляд на происходящем событии или пробегает по месту события глазами.

Основной операцией конструирования, связанной с вниманием, есть операция выбора (selection), отражающая способность человека концентрироваться на определенных аспектах опыта, релевантных для него / нее в настоящий момент, и игнорировать остальные аспекты [Croft, Cruse 2004: 47].

Примером выбора есть профилирование концепта относительно домена [Langacker 1987: 147], другими словами, – интерпретация смысла единицы языка в конкретном речевом контексте или концептуализация. Представители когнитивной лингвистики исходят из посылки, что любая единица языка в потоке речи активировывает определенный концепт, точнее – часть ассоциируемого с ним конвенционализированного опыта. Разумеется, существуют концепты, не имеющие языковой привязки, но таковые остаются за пределами лингвистики. Соответственно, смысл слова, например, *radius*,

отсылающего к концепту РАДИУС, можно понять только относительно концепта КРУГ, поскольку РАДИУС представляет собой не что иное, как линию, соединяющую центр КРУГА с любой точкой его граничной окружности.

Р. Ленекер описывает отношение между концептами РАДИУС и КРУГ в терминах профиля (profile) и базы (base), где профиль соответствует концептуальной структуре, репрезентируемой единицей языка в речевом контексте, а база – структурам знаний, необходимым для интерпретации этой единицы языка. В этом смысле концепт КРУГ служит базой как для концепта РАДИУС, так и для ряда других концептов, таких как ЦЕНТР, ПЕРИФЕРИЯ, ДИАМЕТР и т.д. Способность концепта служить базой для профилирования одного и более концептов делает его доменом (domain), т.е. “семантической структурой, функционирующей в качестве базы для, по крайней мере, одного концептуального профиля” [Croft, Cruse 2004: 15].

В таком толковании термин “домен” Р. Ленекера соответствует термину “фрейм” Ч. Филлмора, определяемому как “система концептов, связанных таким образом, что для понимания любого из них необходимо понять всю структуру, частью которой они являются” [Fillmore 1982: 111].

При всей близости понятий “фрейм” и “домен”, они разнятся в том отношении, что домен ассоциируется с иерархией уровней концептуальной структуры, а фрейм устанавливает отношения между структурными составляющими домена (концептами) на определенном уровне иерархии.

Р. Ленекер разграничивает базовые домены (basic domains) и абстрактные домены (abstract domains). Это разграничение отображает принцип воплощенности концептуальных структур, в соответствии с которым базовые домены (ПРОСТРАНСТВО, ЦВЕТ, ЗВУК / ВЫСОТА ТОНА, ТЕМПЕРАТУРА, ДАВЛЕНИЕ, БОЛЬ, ЗАПАХ, ВРЕМЯ, ЭМОЦИЯ) отображают непосредственный телесный опыт человека и не могут пониматься в терминах других доменов. Они организуют примитивное репрезентационное поле, необходимое для появления любого концепта; формируют объем концептуального потенциала, по-разному используемого конкретными концептами [Langacker 1987: 149].

Фреймы Ч. Филлмора соотносимы только с абстрактными доменами.

В терминах операций конструирования, связанных с распределением внимания, профиль и база соотносятся с фокусом внимания (focus of attention), т.е. объектом выбора, и сферой внимания (scope of attention) т.е. периферией сознания, дающий доступ к определенной информации [Chafe 1994: 29]. Проблема доступа к той или иной пропозициональной информации в дискурсе (accessibility of a referent in discourse [Chafe 1994]) также связана с иерархической структурой доменов. Р. Ленекер объясняет проблему доступа к информации при помощи локативных выражений типа: *The money is the kitchen, under the counter, in the lefthand cabinet, on the top shelf, behind the eat grinder.* Каждое последующее локативное выражение профилирует сущность в

рамках домена, определяемого предыдущим локативным выражением, так что каждое последующее локативное выражение последовательно определяет все более узкие поисковые домены (search domains) [Langacker 1987: 286]. Нарушение порядка следования локативных выражений приводит к когнитивному хаосу: **The money is on the top shelf, in the kitchen, under the counter, behind the meat grinder, in the lefthand cabinet* [Croft, Cruse 2004: 55–51].

Понять подобную цепочку невозможно, так же как невозможно построить предложение (**A body has twenty-eight knuckles*) или же понять, что такое фаланги пальцев, не понимая, что такое кисть руки (hand), рука (arm) и, наконец, тело человека (body), поскольку каждый последующий член цепочки ФАЛАНГА / KNUCKLE – КИСТЬ / HAND – РУКА / ARM – ТЕЛО / BODY, служит доменом для профилирования предыдущего концепта. Концепт BODY/ ТЕЛО можно уяснить только относительно базового домена SPACE / ПРОСТРАНСТВО.

По такому же принципу иерархической цепочки действует такая сложноподчинительная связь, как структурно-смысловое инкорпорирование. Например: *They [people] think whether someone is an extremist is dependent on how much they observe their religion* (Cameron; 24). В приведенном сложноподчиненном предложении с тремя придаточными предикациями главная предикация (*They think – Они думают*) содержит информацию, служащую базой для интерпретации следующей за ней в синтагматической цепочке дополнительной придаточной предикации, сообщающей, что именно является предметом мысли актанта they [people]. Подлежащее дополнительной придаточной предикации (*whether someone is an extremist is dependent on – является ли человек экстремистом зависит от*) само выражено придаточной предикацией (*whether someone is an extremist*). Пропозициональное содержание придаточной в функции подлежащего составляет базу для интерпретации смысла остальной части дополнительной придаточной. Соответственно, содержание дополнительной придаточной в целом составляет базу для интерпретации следующей за ней в синтагматической цепочке придаточной предикации, выполняющей функцию дополнения (*how much they observe their religion – того, как человек чтит свою религию*). Следовательно, при структурно-смысловом инкорпорировании информация, содержащаяся в каждой последующей предикации в синтагматической цепочке, профилируется относительно домена, определяемого предыдущей предикацией и служащего базой для ее интерпретации.

В системе понятий Р. Ленекера проблема доступа к пропозициональной информации в дискурсе обсуждается в терминах доминиона (dominion) и точки референции (reference point): точка референции функционирует как инициальный фокус внимания, открывающий доступ к сущностям, находящимся в рамках сферы внимания или доминиона [Langacker 1999: ch. 6].

Применительно к сложноподчиненному синтаксису такой точкой референции выступает член предыдущей предикации от которого структурно

и семантически зависит последующая предикация в синтагматической цепочке при структурно-смысловом инкорпорировании. Например: *Finally, and perhaps most challenging of all for Western countries like mine, is the argument that elections have simply opened the door to Islamist parties whose values are incompatible with truly open societies* (Cameron; 18). Так предикатив главного предложения *the argument* (аргумент), вводящий придаточное атрибутивное, открывает доступ к информации как главного, так и атрибутивного предложений (главное предложение содержит информацию о существовании аргумента, представляющего вызов для западных стран типа Великобритании, а придаточное атрибутивное раскрывает смысл этого аргумента: выборы открывают дверь Исламистским партиям). Второе атрибутивное придаточное, вводимое дополнением первого атрибутивного придаточного *Islamist parties*, открывает доступ к информации, содержащейся во втором придаточном и являющейся необходимой для понимания сущности Исламистских партий – их ценности несовместимы с открытым обществом. Следовательно, член предложения, вводящий атрибутивное придаточное, является фокусом инициального внимания, служащим мостиком между главным и придаточным и вводящим в сферу внимания аудитории сущности / их признаки / события, о которых сообщается в атрибутивном предложении.

Что касается смыслового инкорпорирования, этот тип связи не может быть объяснен в рамках линейных синтагматических конфигураций, так как здесь предикации могут меняться местами.

В рамках операций суждения / сравнения термины “фокус” и “сфера внимания” соотносимы с терминами “фигура” и “фон” [Langacker 1987: 121–122; Talmy 1972], позаимствованными из когнитивной психологии и введенными в когнитивную лингвистику Л. Талми. Л. Талми использует их для объяснения пространственных отношений объектов, а также асимметрии взаимоотношений между событиями, описываемыми главной и подчиненной предикациями временных предложений типа *I read while she sewed*. Событие, отображаемое пропозициональным содержанием подчиненной предикации, мыслится как база / фон (причина или предусловие) по отношению к событию, отображенному пропозициональным содержанием главного предложения, мыслимому как фигура [Talmy 1972, 1977, 1982, 2000].

Используя понятия фигуры и фона для объяснения пространственных отношений объектов, Л. Талми выделяет такие градуальные признаки фона, как более известное местоположение, больший размер, большая стационарность, более сложная структурная организация, принадлежность скорее к заднему плану, более раннее появление на месте события / в памяти. Фигура же характеризуется менее известным местоположением, меньшим размером, большей мобильностью, большей структурной простотой, большей “выпуклостью” (принадлежностью переднему плану), более поздним появлением на месте события / в памяти [Talmy 2000: 315–16].

Из всех перечисленных характеристик для сложноподчиненного

синтаксиса наиболее релевантным представляется противопоставление фона и фигуры как фона и объекта, выделяющегося на этом фоне, а также ранее известной информации и информации, возникающей в ходе развертывания дискурса. Наличие этих признаков позволяет соотнести фон со сферой внимания, а фигуру – с фокусом внимания.

В рамках подчинительного синтаксиса отношения фона и фигуры представляют собой пример операции суждения / сравнения, в котором состояния дел, выраженные предикациями, соединенными подчинительной связью, соотнесены на основе сложных логических взаимоотношений.

При **цепочном присоединении** фон закреплен за главной предикацией, поскольку именно главная предикация содержит информацию о предусловии действия, выраженного в придаточном предложении: *We are going to build Afghan capacity so Afghans can take responsibility for their future* (Obama; 26). Эту связь представляем в виде конфигурации [М – S], где (здесь и далее) М – главная предикация (от *main clause*), а S – подчиненная предикация (от *subordinate clause*). Графическое изображение этой конфигурации подаем на Рис. 1. Главная предикация (здесь и далее) означена прямоугольником, а придаточная – овалом.

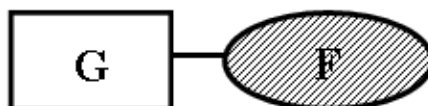

Рис. 1. Распределение фигуры (F) и фона (G) при цепочном присоединении

В рамках **смыслового инкорпорирования**, где фон закреплен за придаточной предикацией независимо от ее места в синтагматической цепочке, а фигура – за главной, информация, содержащаяся в подчиненной предикации, соотносится с информацией, отображаемой главной предикацией, как:

1) временные рамки определенного действия / события / положения вещей и собственно действие / событие / положение вещей (сложноподчиненные времена: *But as soon as they obtain advanced degrees, we send them back home to compete against us* (Obama; 27));

2) условие осуществления действия / наступления события / установления определенного положения вещей и собственно действие / событие / положение вещей (сложноподчиненные условия): *If it refuses to do so, then Britain and America along with our international partners, will continue to increase the political and economic pressure to achieve a peaceful outcome to this crisis* (Cameron; 20));

3) причина действия / события / положения вещей и собственно действие / событие / положение вещей (сложноподчиненные причины: *Because of a diplomatic effort to insist that Iran meet its obligations, the Iranian government now faces tougher sanctions, tighter sanctions than ever before* (Obama; 27));

4) цель действия и действие (сложноподчиненные цели: *That means*

completing the training of the Afghan forces so that they can take over the tasks of maintaining security themselves (Cameron; 20));

5) условие, противодействующее осуществлению действия / наступлению события и действие / событие (сложноподчиненные уступки: *Whether they are violent in their means or not, we must make it impossible for the extremists to succeed* (Cameron; 24));

6) манера / способ действия как эталон сравнения и собственно действие (сложноподчиненные манеры / способа действия / сравнения: *So they talk about 'moderate' Muslims as if all devout Muslims must be extremist* (Cameron; 24));

7) эпистемические рамки действия и действие (сложноподчиненные с вводными придаточными: *First, as Barack has just said, Iran must give up its pursuit of a nuclear weapon* (Cameron; 26)).

Смысловое инкорпорирование представляем в виде конфигурации [S [M]] / [[M] S]. Графическое изображение смыслового инкорпорирования отображаем на Рис. 2.

Рис. 2. Распределение фигуры (F) и фона (G) при смысловом инкорпорировании

При **структурно-смысловом инкорпорировании** фон всегда закреплен за предикацией, следующей первой в синтагматической цепочке, а фигура – за последующей предикацией, поскольку последующая предикация всегда содержит более позднюю информацию, возникающую по ходу линейного разворачивания дискурса. Этот вид связи представляем в виде конфигураций [M [S]] и [M(PR) [S]], где PR обозначает точку референции (point of reference). Графическое изображение структурно-смыслового инкорпорирования подаем на Рис. 3.

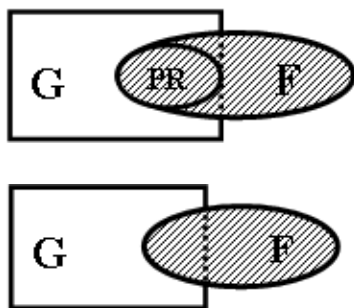

Рис. 3. Распределение фигуры (F) и фона (G) при структурно-смысловом инкорпорировании

В случае сложноподчиненных предложений с придаточным подлежащего, следующим первым в синтагматической цепочке, может возникнуть

необходимость переместить информацию, отображаемую придаточным подлежащего, из фона в фигуру, чтобы акцентировать на ней внимание аудитории. Эта задача решается с помощью расщепления подлежащего на структурное и семантическое: *It is, frankly, intolerable that a tangle of bureaucracy in Brussels is preventing practical cooperation on the ground in Afghanistan* (Cameron; 25)).

Таким образом, применение когнитивно-дискурсивного инструментария анализа в исследовании сложноподчиненного синтаксиса англоязычного политического дискурса позволяет выявить два принципиально разных типа подчинительной связи: смысловое инкорпорирование и структурно-смысловое инкорпорирование.

Смысловое инкорпорирование представляет собой нелинейный тип подчинительной связи, отражающий сложные логические отношения между событиями, репрезентированными пропозициональным содержанием главной и подчиненной предикаций, независимо от их места в синтагматической цепочке. Пропозициональное содержание подчиненной предикации задает временные, причинно-следственные или эпистемические рамки совершения действия, отраженного пропозициональным содержанием главной предикации. В терминах операций когнитивного конструирования эти отношения объясняются взаимодействием фона и фигуры, закрепленных, соответственно, за подчиненной и главной предикациями.

Структурно-смысловое инкорпорирование представляет собой линейный тип подчинительной связи, при котором каждая предыдущая предикация в синтагматической цепочке обеспечивает доступ к информации, служащей фоном для интерпретации последующей предикации, содержащей более позднюю информацию, возникающую по ходу разворачивания дискурса и соотносимую с фигурой.

Перспективы исследования связываем с установлением количественных характеристик выявленных типов связи и их роли в формировании идиостилей британского и американского политических лидеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Chafe W. Discourse, consciousness and time: the flow and displacement of conscious experience in speaking and writing / W. Chafe. – Chicago : Un-ty of Chicago Press, 1994.
2. Clausner T.C. Domains and image schemas / T.C. Clausner, W. Croft // Cognitive Linguistics. – 1999. – Vol. 9, № 2. – P. 1–31.
3. Croft W. Cognitive Linguistics / William Croft, Alan Cruse. – Cambridge : Cambridge Un-ty Press, 2004. – 356 p.
4. Fillmore Ch. Frame semantics / Ch. Fillmore // Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL. – 1981. – Seoul, 1982. – P. 111–137.
5. Johnson M. The Body in the mind (the bodily basis of meaning, imagination, and reason) / M. Johnson. – Chicago, L. : The Un-ty of Chicago Press, 1987. – 233 p.

6. Khaimovich B.S. A Course in English Grammar / B.S. Khaimovich, B.I. Rogovskaya. – М. : Высшая школа, 1967. – 298 с.
7. Lakoff G. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind / G. Lakoff. – Chicago : Un-ty of Chicago Press, 1987. – 614 p.
8. Lakoff G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : Chicago Univ. Press, 1980. – 242 p.
9. Lakoff G. More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor / G. Lakoff, M. Turner. – Chicago; London : The Univ. of Chicago Press, 1989. – 230 p.
10. Langacker R.W. Grammar and conceptualization / R.W. Langacker. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1999. – 427 p.
11. Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar / R.W. Langacker. – Stanford : SUP, 1987. – Vol. 1. Theoretical Prerequisites. – 516 p.
12. Talmy L. Semantic structures in English and Atsugewi / L. Talmy. – Ph. D. dissertation, Department of Linguistics, Un-ty of California, Berkeley, 1972.
13. Talmy L. Rubber sheet cognition in language / L. Talmy // Papers from the 13th Regional Meeting, Chicago Linguistic Society ; ed. W.A. Beach. – Chicago : Chicago Linguistic Society, 1977. – 612–28 p.
14. Talmy L. The relation of grammar to cognition / L. Talmy // Topics in cognitive linguistics; ed. B. Rudzka-Ostyn. – Amsterdam : John Benjamins, 1982. – 165–205 p.
15. Talmy L. Toward a cognitive semantics / L. Talmy. – Cambridge (Mass.); L. : A Bradford Book, The MIT Press, 2000. – Vol. 1. Concept Structuring Systems. – 565 p.
16. Turner M. Reading minds: the study of English in the age of cognitive science / M. Turner. – Princeton, NJ : Princeton Univ. Press, 1991. – 318 p.

ИЛЛЮСТРАТИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Электронный ресурс Режим доступа: <http://www.number10.gov.uk/news/>, <http://www.npr.org>, <http://foxnewsinsider.com>, <http://transkripts.cnn.com>, blogs.wsj.com, latimesblogs.latimes.com (дата обращения: 17 января 2013 года)
17. David Cameron's address to the United Nations General Assembly, September 26, 2012.
 18. David Cameron's speech at Global Investment Conference, July 26, 2012.
 19. President Barack Obama and British Prime Minister David Cameron's joint press conference, March 14, 2012.
 20. President Barack Obama and British Prime Minister David Cameron's joint press availability, May 25, 2011.
 21. President Barack Obama's Speech on the Deficit. The Country We Believe In. The George Washington University, April 13, 2011.
 22. David Cameron's speech on the Big Society, February 14, 2011.
 23. David Cameron's speech on radicalisation and Islamic extremism, February 5, 2011.

24. David Cameron's press conference at the NATO Summit in Lisbon, November 20, 2010.
25. President Barack Obama and British Prime Minister David Cameron's joint press conference, July 20, 2010.
26. President Barack Obama's State of the Union Address, January 27, 2010.

Мартынюк Алла Петровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода английского языка факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: allamart@list.ru

Поникарёва Алина Юрьевна – преподаватель кафедры делового иностранного языка и перевода факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: alinaponikaryova@rambler.ru

УДК 811.111'373.7.001.11

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
АНГЛИЙСКИХ И УКРАИНСКИХ ЗАГАДОК:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
Д.М. Павкин (Черкассы, Украина)**

Д.М. Павкин. Концептуальная структура английских и украинских загадок: сравнительный анализ. В статье предложен когнитивный подход к анализу загадок. Необходимость такого подхода предопределена важной ролью загадки как составляющей фразеологического фонда языка в формировании языковой картины мира, которая служит отражением концептуальной картины мира определенного этноса. Автором выделяются пять признаков загадки, позволяющих считать ее разновидностью фразеологизмов. Концептуальный анализ английских и украинских загадок осуществляется по двум направлениям: анализ концептуальной организации денотатов загадок и выявление фигурирующих в загадках признаков денотатов. По мнению автора, обнаруженные отличия свидетельствуют о расхождениях в мировосприятии носителей двух языков.

Ключевые слова: загадка, концептуальная картина мира, денотат загадки, концептосфера, домен, базисные фреймы, пропозициональные схемы.

Д.М. Павкін. Концептуальна структура англійських та українських загадок: порівняльний аналіз. У статті запропоновано когнітивний підхід до аналізу загадок. Необхідність такого підходу зумовлена важливою роллю загадки як складника фразеологічного фонду мови у формуванні мовної картини світу, що постає відбиттям концептуальної картини світу певного етносу. Автором виокремлюються п'ять ознак загадки, що дозволяють вважати її особливим різновидом фразеологізмів. Концептуальний аналіз англійських та українських загадок здійснюється за двома напрямками: аналіз концептуальної організації денотатів загадок та виявлення ознак денотатів, що фігурують у загадках. На думку автора, виявлені відмінності свідчать про розбіжності у світосприйнятті носіїв двох мов.

Ключові слова: загадка, концептуальна картина світу, денотат загадки, концептосфера, домен, базисні фрейми, пропозиційні схеми.

D.M. Pavkin. Conceptual structure of English and Ukrainian riddles: a comparative analysis. The paper offers a cognitive approach to the analysis of riddles. The necessity of such approach is determined by riddles being important constituents of the linguistic image of the world which is a reflection of the ethnic conceptual image of the world. The author exposes five characteristic features of the riddle conditioning its treatment as a peculiar type of the phraseological unit. Conceptual analysis of English and Ukrainian riddles has two objectives in view: to model the conceptual arrangement of objects the riddles refer to, and to expose the features these objects display in the riddles. The author argues that the revealed differences pertain to idioethnic specificity of the two communities.

Key words: riddle, conceptual image of the world, referent of the riddle, conceptual sphere, domain, basic frames, propositional schemas.

Лексическая система языка является многослойным структурированным образованием, неотъемлемой частью которого считается идиоматика. По мнению американского лингвиста У. Вейнрейха, последняя "важна хоть бы по той причине, что она в большом количестве имеется в любом языке мира" [см. Гук 2003а: 112]. Однако, это далеко не единственная причина, почему идиоматика оказывается в фокусе пристального внимания в работах отечественных и зарубежных лингвистов. Особенность идиом заключается в том, что их экспрессивность непосредственно связана с отражением нормативной картины мира определенного народа, в которой закреплен исторический опыт этноса, его национальная специфика и, соответственно, отличное от других мировосприятие. Изучение семантической гетерогенности этих самых сложных в семантическом отношении знаков, исследование их структуры и функций традиционно осуществляется в фразеологии. В рамках нового направления языкознания – когнитивной лингвистики – открываются новые перспективы изучения загадок, ведь с точки зрения этой науки любые фразеологизмы, в частности и загадки, считаются пакетами вербализованной информации, исследование которых поможет выяснить особенности человеческого мышления [Гук 2003а; 2003б; 2003в].

Актуальность темы работы заключается в ее направленности на выявление когнитивной основы английских и украинских загадок, что прокладывает путь к пониманию особенностей подбора денотатов загадок и фигурирующих в загадках признаков денотатов. Таким образом, в работе осуществляется попытка установить связь между языком и стоящими за ним структурами мышления, что и является одной из неотложных задач когнитивной лингвистики, в русле которой выполнена работа. Кроме того, сравнительный анализ английских и украинских загадок в когнитивном ракурсе даст возможность определить особенности менталитета и языковой картины мира двух народов.

Цель исследования – выявить концептуальную структуру английских и украинских загадок с их последующим сравнением. **Объектом** анализа в статье являются английские и украинские загадки. **Предметом** выступает их концептуальная структура.

Материал исследования составляют 285 английских и 404 украинских загадки, полученных методом сквозной выборки из романа Дж.Р.Р. Толкиена "Хоббит" (объемом 305 страниц) и сплошной выборки из ряда интернет-сайтов.

В современных фразеологических студиях статус загадки неопределен, равно как недостаточна степень ее изученности. Загадка является предметом изучения паремиологии, наряду с другими паремиологическими единицами – поговорками, пословицами, крылатыми выражениями и другими паремиями [Паремиология; Українська мова 2000: 424]. Термин "паремия" уже достаточно давно и широко употребляется в науке, однако так и не получил общепризнанного толкования в языкознании. Исследователи этой единицы

(см., в частности [Мокієнко 2000: 11; Дуденко 2002: 4; Ковальська 2004: 412]) соглашаются в том, что поговорки суть короткие народные выражения, нередко ограниченные одним предложением или даже фрагментом предложения, в которых передаются элементарная сценка или самый простой диалог. Они отражают жизнь народа, черты характера, поступки, события, жизненный опыт, религиозные представления и реалии окружающего мира [Захарова 2007а]. Загадка как разновидность поговорки – это выражение, содержащее вопрос (имплицитный или эксплицитный) и стимулирующее реципиента найти ответ; иначе говоря, это своего рода "свернутое" объяснение, мысль, конденсированная в слове, называющем предмет или явление действительности, о котором идет речь в загадке [Захарова 2007б].

В последние годы наблюдается повышение научного интереса к загадке (см., например [Селиванова 2004; Брусенцев 2005; Онищенко 2006]). Ученые обращают внимание на исключительное структурное, а иногда даже буквальное подобие загадок и пословиц, на их взаимные трансформации в разнообразных фольклорных традициях. Поскольку А.В. Кунин, И.И. Чернышова, О.И. Ефимов на др. включают пословицы во фразеологический фонд языка [см. Баран 1997: 29–30], очевидно то же можно утверждать относительно загадки. Согласно классификации фразеологизмов В.В. Виноградова, пословицы (а следовательно и загадки) относятся к фразеологическим единствам, потому что они представляют собой единицы, в которых сохраняется признак семантической раздельности их составляющих, а отсюда, и частичная мотивированность значения [см. Мостовой 1993: 139]. Представляется возможным выделить пять признаков загадки, которые позволяют считать ее особой разновидностью фразеологизма.

Во-первых, характерным признаком загадки является ее **метафоричность**. Загадка определяется как метафорическое выражение, в котором один предмет изображается посредством другого предмета, имеющего с ним какое-либо, хотя бы отдаленное, подобие [Загадка]. Существенным в таком определении считаем словосочетание "метафорическое выражение". Большинство загадок образовано с помощью метафор, на что обратил внимание еще Аристотель, который определил загадку как хорошо составленную метафору [см. Брусенцев 2005: 10]. С ним согласен А.Н. Афанасьев, называющий загадку обломком "древнего метафорического языка" [Афанасьев 1995: 14]. С другой стороны, метафоричность считают одним из основных признаков фразеологизма [Харитончик 1992: 203], ведь метафора – это речевой оборот, который заключается в употреблении слов и выражений в переносном значении на основе какой-либо аналогии, подобия, сравнения [Загадка]. Все эти признаки присутствуют в загадке. Причем, по мнению Е.А. Селивановой [Селиванова 2004: 16], самым распространенным принципом метафорического перенесения в загадках является антропоморфизм, уподобление предметов и явлений человеку:

I have legs but walk not, a strong back but work not, two good arms but reach not, a seat but sit not. (Chair)

Накрутив Івась пружину – танцювала без упину. І дзижчала, і крутилась. Як стомилась – зупинилась. (Дзига)

В первой загадке стул имеет те же "части тела", что и человек, а во второй – у человека заимствована способность волчка "танцевать" и "уставать".

Во-вторых, загадка характеризуется **устойчивостью**, которая имеет несколько аспектов [Мостовой 1993: 133]. В частности, устойчивость употребления реализуется в общеупотребительности загадки в языковом коллективе. "Чрезвычайная стойкость традиции и устойчивость образов загадки" [Березовский 1962: 7] является главной причиной того, что в жанре загадки больше всего сохранены древнее содержание и форма. Признак устойчивости можно соотнести с клишированием загадки, то есть ее массовой воспроизводимостью в готовом виде [Захарова 2007а]. Синтаксическая устойчивость требует определенного порядка слов в загадке. Лишь изредка он может нарушаться путем добавления одиночных лексем:

(I am) a man but an animal, (I have) a horn with two hands. (Minotaur)

Загадке также присуща устойчивость значения и лексического состава. Загадки стали застывшими традиционными моделями, которые мало изменяются или не изменяются вообще, их лексические компоненты не допускают замен за исключением одиночных случаев:

What goes/runs around the world and stays in a corner? (Stamp)

Иногда слово, обозначающее денотат загадки, является частью устойчивого словосочетания. Другая часть словосочетания используется в загадке для определения денотата. В таком случае устойчивость загадки реализуется в невозможности изменения компонентов устойчивого словосочетания:

*What can you **break** without hitting or dropping it? (Promise)*

Не сховаєш у мішку ти збитошницю таку: гострий ніс вона встромляє, зробить дірку й утікає. (Шило)

Основой этих загадок являются устойчивые словосочетания *to break a promise* и *ховати шило в мішку*.

Третьим фразеологическим признаком загадки является **эквивалентность** загадки **слову**. Загадка включается в речь в качестве целой единицы и функционирует в речи как одно слово. Это подтверждается наличием денотата загадки или ответа на загадку, состоящего, как правило, из одного слова. Загадке как эквиваленту слова присущи семантическая целостность, существование в виде готовой единицы и воспроизводимость в речи. Эквивалентность загадки слову также заключается в наличии синонимов. Мы считаем, что синонимами можно считать загадки с одинаковыми или синонимическими денотатами:

I am always hungry, I must always be fed, the finger I lick will soon turn red. (Fire)

Give me food, and I will live; give me water, and I will die. (Fire)

Стоїть рівень на току, в червоному колпаку. (Мак)

Під одним ковпаком 700 козаків. (Мак)

Четвертый фразеологический признак загадки заключается в выполнении нею **номинативной** функции. Загадка как фразеологизм с грамматической структурой предложения служит наименованием единичных предметов и класса предметов, то есть ей присуще номинативное значение [Баран 1997: 31]:

Often held but never touched, always wet but never rusts, often bites but seldom bit, to use me well you must have wit. (Tongue)

Тридцять двоє козаків все молотять без цiпків. Лиш цукерку показати, зникне вмить, годі шукати. (Зуби)

Кумулятивность является пятым фразеологическим признаком загадки. В архаических обществах загадки использовались в качестве части культового обряда и средство передачи сакрального знания о мире [Журинский 1989: 5]. Они несут на себе отпечаток далеких времен, храня свой первобытный "мифический характер", являются обломками "мифического вероучения", "компонентом картины мира фольклорного коллектива" [Буслаев 2003: 33; Миллер 1866: 66; Мечковская 1998: 111]. Загадка как паремиологическое высказывание максимально воплощает социокультурное значение, потому ее еще называют "народоэпическим произведением" [Захарова 2007a]. В силу исторических обстоятельств, опыта и особенностей мировосприятия определенного языкового коллектива выделяются характерные именно для этого языкового коллектива признаки и средства выражения денотата, присутствующие в загадке:

Що таке: ідеш – йде поряд, станеш – зупиниться? (Тінь)

Each morning I appear to lie at y our feet, all day I will follow no matter how fast you run, yet I nearly perish in the midday sun. (Shadow)

Семантически данные загадки являются синонимами, но их образы совпадают лишь частично. В первой загадке идет речь о главном свойстве тени быть всегда рядом с предметом, а во второй – об особенностях ее существования в разное время суток.

Не исключен факт заимствования загадок у других языковых коллективов, но, как правило, собственных фразеологизмов в языке больше, чем заимствованных [Мостовой 1993: 149], что, очевидно, справедливо и для загадки.

Типичность характерных для загадки образов, функционирование в их составе символов, эталонов мировоззрения – это результат коллективного, внутренне рефлексивного опыта этноса. Общеизвестным является тот факт, что взгляд на мир не только универсален, но и национально специфичен, потому носители разных языков видят мир по-разному, сквозь призму своих языков [Чукіна]. Следовательно, загадки служат отражением характерных черт этнического мировоззрения [Калько 2010: 84; Литвин 2010: 145]. Таким

образом, идиоматика, составной частью которой являются загадки, попадает в фокус внимания языковедов в аспекте изучения языковой ментальности как способа представления мира, ведь именно в идиоматических единицах "концептуализировано знание о языковой картине мира и всех типах отношений субъекта к ее фрагментам" [Чукина]. Очевидно, что такой взгляд на загадку делает ее объектом исследования когнитивной лингвистики, в частности ее лингвокультурологического направления [Попова 2007: 14], или идеосемантики [Гук 2003б: 137], которая ориентирована на выявление особенностей фигурирующих в значениях языковых единиц национальных языковых картин мира и стоящих за ними концептуальных картин мира.

В данной статье концептуальный анализ английских и украинских загадок осуществляется по двум направлениям: анализ концептуальной организации денотатов и выявление концептуальной основы фигурирующих в загадках признаков денотатов.

Моделирование концептуальной организации денотатов загадок осуществляется с привлечением используемых в когнитивной лингвистике понятий "домен" и "концептосфера". Как отмечает Р. Ленекер [Langacker 1987: 147], все языковые единицы в какой-то степени контекстуально зависимы. Контекст, характеризующий данную семантическую единицу, определяется им как домен. Иначе говоря, домен есть "любая связная область концептуализации, относительно которой характеризуется семантическая структура" [там же]. В связи с тем, что Р. Ленекер использует данный термин как по отношению ко всей фоновой информации, необходимой для идентификации значения языковой единицы, так и по отношению к отдельным составляющим этого фона, С.А. Жаботинская предлагает разграничить эти два понятия. Для обозначения всей фоновой информации она употребляет термин "концептосфера", а для называния элементов ее структуры оставляет термин "домен" [Жаботинская 2004: 90]. Такой точки зрения мы придерживаемся в нашей работе.

Все денотаты английских и украинских загадок распределяются по двум концептосферам – **ЖИВЫЕ СУЩЕСТВА** и **НЕЖИВЫЕ ОБЪЕКТЫ**, которые, в свою очередь включают ряд доменов. В первую входят домены **ЧЕЛОВЕК**, **ЖИВОТНОЕ** и **МИФИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО**, а во вторую – **АРТЕФАКТ**, **ОБЪЕКТ ПРИРОДЫ**, **ФЕНОМЕН ПРИРОДЫ**, **КОНЦЕПТ КУЛЬТУРЫ**, **РАСТЕНИЕ** и **ВЕЩЕСТВО**.

Денотаты домена **ЧЕЛОВЕК** могут указывать на человека как биологический вид (например, *What walks on four legs in the morning, two at mid-day, and three in the evening?* (*Human*); *Не дорослий ще мужчина, та вже зовсім не дитина, то ж назвати його як? Здогадалися?* (*Юнак*)), семейное родство (например, *A father's child, a mother's child, yet no one's son.* (*Daughter*)), национальность (например, *Хто вродлива ця панянка, що сорочка-вишиванка? – А я дівчина Устинка, я маленька ...* (*Українка*)), род деятельности (например, *He has married many women, but has never been married. Who is he?* (*Preacher*);

Де живуть у горах хмари, випасаються отари? Поміркуйте, постарайтесь, хто насе їх? Здогадайтесь. (Чабан). Денотаты могут также представлять части тела человека (например, *Different lights do make me strange, thus into different sizes I will change.* (Pupil of an eye); Тридцять двоє козаків все молотять без цінків. Лиш цукерку показати, зникне вмить, годі шукати. (Зуби)).

В составе домена ЖИВОТНОЕ денотатами являются млекопитающие (например, *What always goes to bed with shoes on?* (Horse); Клишоногий, волохатий, влітку спритний та завзятий, ну а взимку, лежебока, у барлозі гріє боки. (Ведмідь)), насекомые (например, *I move without wings, between silken strings, I leave as you find my substance behind.* (Spider); Летить – виле, сяде – риле. (Жук)), птицы (например, *Птах поважно походжає, у хвості квітник ховає. Як розпустить він хвоста, наче ружа зацвіта.* (Павич)), рыбы (например, *Має хвіст, та не літає, має рот – не розмовляє. Можеш вудкою спіймати і загадку відгадати.* (Рибка)), земноводные (например, *"Ква-ква-ква" – вона виводить, позира булькатим очком. Як журавлика угледить, прикидається листочком.* (Жаба)), моллюски (например, *Who moves without a leg and carries his house on his back?* (Snail)), членистоногие (например, *Він не ходить, а задкує, рибка з нього, знай, кепкує. Має клешні той дивак, здогадалися? Це ...* (Рак)), а также части тела животных (например, *Бігла ящірка прудка біля нашого садка. Міг її спіймати Костик, шусть, лишила тільки ...* (Хвостик)) и продукты их жизнедеятельности (например, *Lovely and round, I shine with pale light, grown in the darkness, a lady's delight.* (Pearl); *Сім соколят на одній постелі сплять.* (Гніздо)).

К домену МИФИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО относим библейных (например, *I killed one fourth of mankind.* (Cain); *Проходили два вірних одного невірною: дай нам те, що краще царства небесного.* (Йосиф і Никодим у Пилата тіла Христового)) и мифологических персонажей (например, *A man but an animal, a horn with two hands.* (Minotaur)).

Денотаты домена АРТЕФАКТ подразделяются на материальные (например, *What gets wetter the more it dries?* (Towel); *Поїздами, літаками мандрувала я світами, хоч брала квиточок на конверт в куточок.* (Марка)) и нематериальные/духовные артефакты (например, *If you have me you want to share me. If you share me you won't have me.* (Secret); *Хтось на біле полотно чорне висипав пиноно. Як зумієш позбирати, зможеш книжку прочитати.* (Букви)).

Денотаты домена ОБЪЕКТ ПРИРОДЫ имеют неизменную пространственную форму (например, *What has roots as nobody sees, is taller than trees, up, up it goes and yet never grows?* (Mountain); *Вдень він спить, вночі – мандрує, сяйво ніжне нам дарує. Уночі у тихій річці любить плескатись в водичці.* (Місяць)).

Элементами домена ФЕНОМЕН ПРИРОДЫ являются природные явления, не имеющие устойчивой формы во времени и пространстве

(например, *The more there is, the less you see. (Darkness)*; *Погойдаю в лісі гілку, заколишу в квітці бджілку. Якщо добре розлютити, можу шкоди наробити. (Bimex)*).

В составе домена КОНЦЕПТ КУЛЬТУРЫ денотатами выступают такие понятия, как мужество, доверие, любовь, знания, душа и др. (например, *I am born in fear, raised in truth, and I come to my own in deed. When comes a time that I'm called forth, I come to serve the cause of need. (Courage)*; *You can have me but cannot hold me; gain me and quickly lose me. If treated with care I can be great, and if betrayed I will break. (Trust)*; *На уроках, в книжці, в школі почерпнеш ти їх доволі. І назавжди у житті стануть друзями тобі. (Знання)*).

К домену РАСТЕНИЕ относятся деревья (например, *Dies half its life, lives the rest, dances without music, breathes without breath. (Tree)*; *Проливала дрібні сльози молода дівця. Полоскала довгі коси у чистій водиці. (Верба)*), фрукты (например, *I'm red and I can be green or yellow. (Apple)*; *Сам жовтенький, соковитий, досягає серед літа. Він у джемі, у варенні, і солодкий, і приємний. (Абрикос)*), овощи (например, *Take off my skin, I won't cry, but you will. (Onion)*; *Сидить панна у світлиці, молода, червонолиця. Хто до неї завітає – вітамінами вгощає. (Морква)*), ягоды (например, *Примостився на баитані в посмугованій піжамі. Вигріває круглі боки, що смачним налиті соком. (Кавун)*), злаки (например, *I комасі, і дитинці припаса вона гостинці: і нектар, і кашу, ще й корівці пашу. (Гречка)*) и цветы (например, *First you see me in the grass dressed in yellow gay; next I am in dainty white, then I fly away. (Dandelion)*; *У матінки-квіточки лиш блакитні діточки. З життя виглядають, літечко вітають. (Волошки)*).

Домен ВЕЩЕСТВО содержит такие составляющие, как ртуть, песок, вино, вода, молоко и др. (например, *I build up castles. I tear down mountains. I make some men blind, I help others to see. (Sand)*; *When young, I am sweet in the sun. When middle-aged, I make you gay. When old, I am valued more than ever. (Wine)*; *І поживне, і смачне, біле, пінне, запашне. Залюбки малята п'ють, здоровенькими ростуть. (Молоко)*; *Настрибався зайчик вволю, білий слід лишав по полю. Ми за ним спостерігали, слово «Мама» прочитали. (Крейда)*).

Количество денотатов английских загадок (287) и самих загадок (285) не совпадает, в силу того, что одна загадка может указывать на несколько денотатов (например, *I'm a god, a planet, and measurer of heat. (Mercury)*). Денотат этой загадки можно одновременно отнести к классу мифических существ, объектов природы и веществ). В украинских загадках подобных особенностей не отмечено.

Данные количественного анализа концептуальной структуры денотатов английских и украинских загадок представлены в Таблицах 1 и 2 соответственно. Их сравнение делает возможными определенные выводы.

Таблица 1

Концептуальная структура денотатов английских загадок

Концептосфера	Домен	Количество употреблений	
		абсолютное	в процентах
ЖИВЫЕ СУЩЕСТВА	Животное	26	9,1
	Человек	20	6,9
	Мифическое существо	3	1
НЕЖИВЫЕ ОБЪЕКТЫ	Артефакт	120	41,8
	Феномен природы	39	13,6
	Объект природы	30	10,5
	Вещество	24	8,4
	Растение	17	5,9
	Концепт	8	2,8
ВСЕГО		287	100

Таблица 2

Концептуальная структура денотатов украинских загадок

Концептосфера	Домен	Количество употреблений	
		абсолютное	в процентах
ЖИВЫЕ СУЩЕСТВА	Животное	104	25,8
	Человек	10	2,5
	Мифическое существо	2	0,5
НЕЖИВЫЕ ОБЪЕКТЫ	Растение	130	32,2
	Артефакт	66	16,3
	Феномен природы	42	10,4
	Объект природы	26	6,4
	Концепт культуры	15	3,7
	Вещество	9	2,2
ВСЕГО		404	100

Большинство денотатов английских и украинских загадок относятся к концептосфере НЕЖИВЫЕ ОБЪЕКТЫ (83% и 71,2% соответственно). Очевидно, что при составлении загадок в фокус внимания их творцов попадает

в первую очередь неживое окружение человека, что характерно как для английской, так и для украинской культуры. Невзирая на такое сходство, были зафиксированы отличия в частотности употребления составляющих доменов. В английских загадках наибольшее количество денотатов представляют домен АРТЕФАКТ(41,8%), в то время, как денотаты украинских загадок чаще всего принадлежат к доменам РАСТЕНИЕ (32,2%) и ЖИВОТНОЕ (25,8%). Очевидно, что внимание представителей английского этноса прежде всего сосредоточено на созданных человеком предметах; англичане являются более "техногенной" нацией. Для украинцев характерно близкое родство с природой, с окружающим их растительным и животным миром.

Моделирование концептуальной структуры загадок осуществляется с помощью пропозиций базисных фреймов. Как утверждает С.А. Жаботинская [Жаботинская 2008: 360], в основе структуры нашей информационной системы лежит концептуальная сеть, состоящая из пяти фреймов, – предметного, акционального, посесивного, идентификационного и компаративного. Фреймы названы базисными, поскольку они демонстрируют исходные, наиболее общие принципы категоризации и организации вербализованной информации об окружающем предметном мире. Эти фреймы не являются сущностями, они суть инструменты нашего мышления, с помощью которых происходит обработка информации. Фреймы формируются с помощью пропозициональных схем. Тип схемы определяется ее принадлежностью к определенному фрейму (последний вариант перечня схем см. в [Жаботинская 2010: 12–13]). Такие схемы демонстрируют основные виды связей между предметом и его признаками, а также между несколькими предметами.

Признаки денотатов английских и украинских загадок соответствуют предикатам пропозициональных схем четырех базисных фреймов – предметного, акционального, посесивного и компаративного.

Предметный фрейм представлен шестью пропозициями.

Предикаты эвалюативной пропозиции (НЕКТО/НЕЧТО есть ТАКОЕ-оценка) (о возможности выделения такой пропозиции см. [Павкін 2009: 209]) информируют о трех видах оценок :

- **модусная оценка** описывает чувства и состояния (физические и психические) человека, вызванные денотатом. Среди них в исследуемом материале выявлены желание, заинтересованность, нежность, зуд, слепота, скука, удивление, жадность, осведомленность, удовольствие, умственная усталость и др. Например:

*I am a box that holds keys without locks, yet they can unlock your soul. (Piano)
When they are caught, they are thrown away.*

When they escape, you itch all day. (Fleas)

*Прилетіла цокотуха, щось торочить понад вухом. Всім набридла байка
ця без початку і кінця. (Муха)*

• **утилитарная оценка** указывает на опасность/безопасность денотата, его ценность или ее отсутствие, пользу или вред, приносимые денотатом. Например:

Ripped from my mother's womb, beaten and burned, I become a bloodthirsty slayer. (Iron ore)

В'ється стрічка невеличка де пісочок, де травичка. Ви її не зачінайте, стороною оминайте. (Змія)

Під землею народилась і для борщизу згодилась. Мене чистять, ріжуть, труть, смажать, варять і печуть. (Картопля)

• **эстетическая оценка** описывает красоту или уродство денотата. Например:

A very pretty thing am I, fluttering in the pale-blue sky. Delicate, fragile on the wing, indeed I am a pretty thing. (Butterfly)

Одяглась у біле плаття, примостилась на лататті, здивилася у воду на свою дівочу вроду. (Лілія)

Предикаты квантитативной пропозиции (НЕКТО/НЕЧТО есть СТОЛЬКО) информируют о **количестве** денотатов. Например:

What is it that given one, you'll have either two or none? (Choice).

На уроках, в книжці, в школі почерпнеш ти їх доволі. І назавжди у житті стануть друзями тобі. (Знання).

Предикаты квалитативной пропозиции (НЕКТО/НЕЧТО есть ТАКОЕ) сообщают о таких характеристиках денотата:

• **физические характеристики**, например:

What is it that is deaf, dumb and blind and always tells the truth? (Mirror)

На будові помагає, богатурську силу має, він на поверх будь-який подає вантаж: тяжкий. (Підйомний кран)

• **цвет**, например:

I am white, black and read all over. (Newspaper)

Різні скельця є у мене: червоне, жовте і зелене. Можу ними я сказати: «Йти», «стояти», «зачекати». (Світлофор)

• **форма**, например:

Long and slinky like a trout, never sings till its guts come out. (Gun)

Що за тітонька довгенька на язик така гостренька? По лужку лишень пройшла – вся травиця полягла. (Коса)

• **звук**, например:

My voice rises above the din, sometimes catching all unaware. I never ask questions, yet get many answers. (Doorbell)

Невидимка-вереда все дзижчить та набрида. Як з'являється цей гість, скрізь лунає «лясь» та «трісь». (Комар)

• **размер**, например:

What is round as a dishpan, deep as a tub, and still the oceans couldn't fill it up? (Sieve)

Вертоліт такий маленький сів на квітку золотеньку. Усміхнулася кульбабка: «Завітала в гості ...» (Бабка)

- **семейное родство**, наприклад:

A father's child, a mother's child, yet no one's son. (Daughter)

У матінки-квіточки лиш блакитні діточки. З життя виглядають, літечко вітають. (Волошки)

- **тактильные характеристики**, наприклад:

Alive without breath, as cold as death; never thirsty, ever drinking, all in mail never clinking. (Fish)

Поні́д лі́жко у куточок покотивсь м'який клубочок. Та з'явилися очки, ротик. Не клубочок це, а ... (Котик)

- **возраст**, наприклад:

It's been around for millions of years, but it's no more than a month old. (Moon)

В променях купався, силоньки набрався. Хоч за віком не дідусь, та козацький має вус. (Овес)

- **материал**, наприклад:

Squeeze it and it cries tears as red as its flesh, but its heart is made of stone. (Cherry)

Дерев'яний та довгенький, хвостик в нього є маленький. Як у фарби хвіст мочає – все довкола розцвітає. (Пензлик)

- **внешний вид**, наприклад:

I usually wear a yellow coat. I usually have a dark head. I make marks wherever I go. (Pencil)

Примостився на баитані в посмугованій піжамі. Вигріває круглі боки, що смачним налиті соком. (Кавун)

- **вес**, наприклад:

I am weightless, but you can see me. Put me in a bucket, and I'll make it lighter. (Hole)

Предикати пропозиції способу бытия (НЕКТО/НЕЧТО существует ТАК) содержат информацию о **физическом состоянии** денотата. Наприклад:

Pregnant every time you see her, yet she never will give birth. (Full moon).

Живе – чорне, умре – червоне. (Рак).

Предикаты локативной пропозиции (НЕКТО/НЕЧТО есть ТАМ) обозначают **место** пребывания или существования денотата. Наприклад,

In a tunnel of darkness lies a beast of iron. It can only attack when pulled back. (Bullet).

Тітка на даху стоїть, розвісивши вуха. Від супутників сигнали і день і ніч слуха. (Антенa).

Предикаты темпоральной пропозиции (НЕКТО/НЕЧТО есть ТОГДА) указывают на **время** существования денотата. Наприклад,

It's been around for millions of years, but it's no more than a month old. (Moon).

Взимку у саду на вітах заіскрилися білі квіти. Хто ж цей диво-садівник, що зробив такий квітник? (Іній).

Предикаты пропозицій акціонального фрейма (НЕКТО/НЕЧТО действует) несут інформацію о діяльності либо движении денотата:

- **действие**, например:

What fastens two people yet touches only one? (Wedding ring)

Він беззубий, а кусає, він безрукий, а ханає, ще й причепиться міценько до штанців і до сукенки. (Реп'ях)

- **движение**, например:

I go up and down the stairs without moving. (Carpet)

На доріжці розігнався, в небо, наче птах, піднявся. Через море швидко лине в інші землі та країни. (Літак)

Пропозиції посесивного фрейма демонструють три види отношеній: НЕКТО/НЕЧТО-целое имеет НЕЧТО-часть (партитивность), НЕКТО/НЕЧТО-контейнер имеет НЕКТО/НЕЧТО-содержимое (инклюзивность) и НЕКТО/НЕЧТО-собственник имеет НЕКТО/НЕЧТО-собственность (собственность):

- **партитивность**, например:

I am only two backbones and thousands of ribs. (Railroad)

Як у цирку акробати лізуть вгору по канату, так і він – без рук, без ніг всі тички обвити зміг. (Горох)

- **инклюзивность**, например:

My sides are firmly laced about, yet nothing is within; you'll think my head is strange indeed, being nothing else but skin. (Drum)

Не каструля і не миска, не кружка, не горщик. Насипають в неї кашу, наливають борщик. (Тарілка)

- **собственность**, например:

I'm hard as a rock, and as light as a feather. I'm passed on to one another. Poor people need me, and rich people have me. What am I? (Money)

Предикаты пропозициональных схем компаративного фрейма сообщают о сходстве и подобии денотатов. Сходство объединяет предметы одной и той же категории, а подобие устанавливается между предметами различных категорий:

- **подобие**, например:

Nothing on the outside; nothing on the inside; light as a feather; yet ten men cannot lift it. (Bubble)

По травичці він стрибає, і сюркоче, і співає, заливається, як дзвоник, називають його ... (Коник)

- **сходство**, например:

What is round as a dishpan, deep as a tub, and still the oceans couldn't fill it up? (Sieve)

Чорне як крук, біле як сніг, просте як стріла, криве як коса. (Сорока)

Денотаты 285 английских загадок описываются по 25 признакам, зафиксированным в 1359 употреблениях. Количество признаков для денотатов 404 украинских загадок составляет 24 и они отмечены в 1445 употреблениях. Определив соотношение количества употребляемых признаков и количества загадок, мы выявили, что одна английская загадка содержит в среднем 4,77 признаков денотата, а украинская – 3,58. То есть, для того, чтобы отгадать "зашифрованный" денотат, англичане предлагают в среднем на один его признак больше, чем украинцы.

Признаки денотатов английских и украинских загадок представлены в Таблицах 3 и 4 соответственно.

Таблица 3

Признаки денотатов английских загадок

Признаки денотатов	Количество употреблений	
	абсолютное	в процентах
Физическое состояние	254	18,7
Действие	205	15,1
Партиitivность	156	11,5
Место	113	8,3
Время	105	7,7
Движение	101	7,4
Модусная оценка	73	5,4
Физические характеристики	71	5,2
Цвет	42	3,1
Форма	33	2,4
Утилитарная оценка	29	2,1
Звук	21	1,6
Размер	18	1,3
Семейное родство	17	1,2
Инклюзивность	15	1,1
Собственность	15	1,1
Тактильные характеристики	14	1
Количество	14	1
Эстетическая оценка	12	0,9

Подобие	12	0,9
Сходство	9	0,7
Возраст	9	0,7
Материал	9	0,7
Внешний вид	7	0,5
Вес	5	0,4
ВСЕГО	1359	100

Таблица 4

Признаки денотатов украинских загадок

Признаки денотатов	Количество употреблений	
	абсолютное	в процентах
Место	239	16,5
Действие	162	11,2
Физические характеристики	124	8,6
Движение	123	8,5
Партиitivность	121	8,4
Цвет	118	8,2
Время	77	5,3
Утилитарная оценка	59	4,1
Количество	52	3,6
Звук	48	3,3
Подобие	45	3,1
Форма	41	2,8
Физическое состояние	39	2,7
Модусная оценка	35	2,4
Внешний вид	31	2,2
Размер	29	2
Семейное родство	22	1,5
Инклюзивность	20	1,4

Тактильные характеристики	18	1,3
Возраст	17	1,2
Материал	14	1
Эстетическая оценка	7	0,5
Собственность	2	0,1
Сходство	2	0,1
ВСЕГО	1445	100

Очевидно, что концептуальная структура английских и украинских загадок моделируется с помощью аналогичных пропозиций базисных фреймов. Набор пропозиций, зафиксированный в загадках обоих языков одинаков, тем не менее существуют отличия в количественном соотношении предикатов в пределах пропозиций.

Предикаты эвалюативной пропозиции в английских загадках в основном сообщают о модусной оценке денотата, а в украинских загадках самые частотные предикаты этой пропозиции объективируют утилитарную оценку. Очевидно, что для англичан важнее является влияние денотата на человека, а для украинцев – его способность/неспособность пригодиться человеку.

Квалитативная пропозиция в загадках обоих языков содержит разное количество предикатов: 11 – в английских загадках и 10 – в украинских (среди последних не было выявлено предиката "вес"). Для загадок обоих языков наиболее частотными качественными признаками денотата оказались его физические характеристики, цвет, форма и издаваемый звук. Очевидно, что эти признаки являются первичными качественными характеристиками объектов окружающего мира, на которые обращают внимание люди независимо от их национальной принадлежности.

В английских загадках чаще всего употребляются признаки, сообщающие о физическом состоянии (18,7%), действиях (15,1%), партитивности (11,5%), месте (8,3%) и времени (7,7%) существования, а также о движении (7,4%) денотата. В украинских загадках чаще всего внимание уделяется таким признакам, как место пребывания (16,5%), действия (11,2%), физические характеристики (8,6%), движение (8,5%), партитивность (8,4%) и цвет (8,2%) денотата. Таким образом, отыскивая ответ на английскую загадку, необходимо знать, в каком физическом состоянии находится денотат, что он делает и как движется, его составные части и местонахождение во времени и пространстве. Денотаты украинских загадок могут быть отгаданы, если известно, где они находятся, что делают и как движутся, из каких элементов состоят, какие физические признаки и цвет им присущи. Такая частотная градация свидетельствует о первостепенном внимании англичан к предмету как таковому, а украинцев – к событию предмета с человеком в пределах определенного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу / А.Н. Афанасьев. – М. : Современный писатель, 1995. – Т. 1. – 573 с.
2. Баран Я.А. Фразеологія у системі мови / Я.А. Баран. – Івано-Франківськ : Лілея-НВ, 1997. – 176 с.
3. Березовський І.П. Українські народні загадки / І.П. Березовський // Загадки. Серія Українська народна творчість. – К. : АН УРСР, 1962. – С. 3–7.
4. Брусенцев А.Е. Понимание загадко-пословиц в познавательном и коммуникативном контекстах / А.Е. Брусенцев // Понимание в коммуникации : тез. докладов международной научной конференции. – М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. – С. 9–11.
5. Буслаев Ф.И. Народный эпос и мифология / Ф.И. Буслаев. – М. : Высшая школа, 2003. – 400 с.
6. Гук І.А. Визначення фразеологізму в англійській мові: зарубіжні школи / І.А. Гук // Гуманітарний вісник. Серія: іноземна філологія. – Черкаси : ЧДТУ, 2003. – Число 7. – С. 112–115.
7. Гук І.А. Концепт "человек" в семантическом поле английской фразеологии / І.А. Гук // Мова і культура. – К. : ВД Дмитра Бураго, 2003. – Вип. VI. – Т. 5, Ч. 2 : Національні мови в їхній специфіці та взаємодії. – С. 136–145.
8. Гук І.А. Метонімія як засіб утворення фразеологічного значення: досвід концептуального аналізу / І.А. Гук // Вісник Харківського національного університету. – Харків : Константа, 2003. – Вип. 609 : Проблеми перекладознавства, комунікативної та когнітивної лінгвістики. – С. 143–145.
9. Дуденко О.В. Номінативна та комунікативна природа українських паремій : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / О.В. Дуденко. – К., 2002. – 19 с.
10. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ языка: фреймовые сети / С.А. Жаботинская // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. – Одеса : Астропринт, 2004. – № 9 : Проблеми прикладної лінгвістики. – С. 81–92.
11. Жаботинская С.А. Принципы лингвокогнитивного анализа и феномен полисемии / С.А. Жаботинская // Проблеми загального, германського та слов'янського мовознавства. До 70-річчя професора В.В. Левицького. – Чернівці : Книги ХХІ століття, 2008. – С. 357–368.
12. Жаботинская С.А. Лингвокогнитивный подход к анализу номинативных процессов / С.А. Жаботинская // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – Харків : Константа, 2010. – № 928. – С. 6–20.
13. Журицкий А.Н. Семантическая структура загадки: неметафорическое преобразование смысла / А.Н. Журицкий. – М. : Наука, 1989. – 126 с.

14. Загадка [Електронний ресурс]. – Режим доступу до статті : <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%B4%D0%BA%D0%B0>
15. Захарова Н.В. Загадка як складова паремійного фонду (на матеріалі українсько-німецьких паралелей) [Електронний ресурс] / Н.В. Захарова // Актуальні проблеми іноземної філології: Лінгвістика і літературознавство : міжвуз. зб. наук. статей / відп. ред. В.А. Зарва. – Ніжин : Аспект-Поліграф, 2007. – Вип. 1. – С. 38–44. // Режим доступу до статті : <http://www.lingvolog.ru/2007/08/04/zagadka-vak-skladova-paremiinogo-fondu>
16. Захарова Н.В. Мовне втілення культурного змісту загадки [Електронний ресурс] / Н.В. Захарова // Мова і культура. – К. : ВД Дмитра Бураго, 2007. – Вип. 9. – Т. IV (92). – С. 314–319. – Режим доступу до статті : <http://www.lingvolog.ru/2007/07/15/movne-vtilennya-kulturnogo-zmistu-zagadki>
17. Калько В.В. Концепт «жінка» в українських пареміях / В.В. Калько // Вісник Черкаського університету. Серія Філологічні науки. – Черкаси : ЧНУ, 2010. – Вип. 193. – С.84–90.
18. Ковальська Н.А. Паремії як засіб відображення когнітивних процесів / Н.А. Ковальська // Вісник Львівського університету. Серія Філологічні науки. – Львів : Львівський нац. ун-т, 2004. – Вип. 34, Ч. 1. – С. 412–418.
19. Литвин И.Н. Фразеологизмы с экзотическим компонентом и проблема их перевода / И.Н. Литвин // Вісник Черкаського університету. Серія Філологічні науки. – Черкаси : ЧНУ, 2010. – Вип. 193. – С. 145–152.
20. Мечковская А.В. Язык и религия : лекции по философии и истории религий / А.В. Мечковская. – М. : Фаир, 1998. – 352 с.
21. Миллер О.Ф. Опыт исторического обозрения русской словесности / О.Ф. Миллер. – СПб, 1866. – 346 с.
22. Мокієнко В.М. Значення української пареміології для історико-етимологічного аналізу слов'янських прислів'їв і приказок / В.М. Мокієнко // Мовознавство. – 2000. – №1. – С. 9–21.
23. Мостовий М.І. Лексикологія англійської мови / М.І. Мостовий. – Харків : Основа, 1993. – 225 с.
24. Онищенко Г.А. Мовна структура української народної загадки (семантичний і синтаксичний аспекти) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Г.А. Онищенко. – Дніпропетровськ, 2006. – 20 с.
25. Павкін Д.М. Динаміка аксіології образу персонажа (на матеріалі роману О. Вайльда «Портрет Доріана Грея») / Павкін Д.М. // Актуальні проблеми менталінгвістики : збірник наукових статей за матеріалами VI Міжнародної наукової конференції. – Черкаси : Ант, 2009. – С. 208–210.
26. Пареміологія [Електронний ресурс]. – Режим доступу к статье : <http://vslovar.org.ru/41224.html>

27. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ: Восток – Запад, 2007. – 384 с.
27. Селіванова О.О. Комунікативні стратегії і тактики в українських загадках / О.О. Селіванова // Вісник Черкаського університету. Серія Філологічні науки. – Черкаси : ЧНУ, 2004. – Вип. 60. – С. 10–22.
28. Українська мова. Енциклопедія / В.М. Русанівський, О.О. Тараненко, М.П. Зяблюк та ін. – К. : Українська енциклопедія, 2000. – 752 с.
29. Харитончик З.А. Лексикология английского языка / З.А. Харитончик. – Минск : Высшая школа, 1992. – 229 с.
30. Чукіна В. Мовна картина світу українців, відбита у фразеологізмах, як виховний потенціал уроків рідної мови [Електронний ресурс] / В. Чукіна. – Режим доступу до статті : <http://www.ualogos.kiev.ua/rulltext.html?id=200/>
31. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar / R.W. Langacker. – Stanford, CA : Stanford University Press, 1987. – Vol. 1 : Theoretical Prerequisites. – 516 p.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Загадки [Електронний ресурс]. – Режим доступу до ресурсу : <http://www.abetka.ukrlife.org/zagadki0.html>
2. Brain food [Electronic source]. – Access mode : <http://www.rinkworks.com/brainfood/p/riddlesl.shtml>
3. Forty Traditional Riddles [Electronic source]. – Access mode : <http://thinks.com/riddles/al-riddles.htm>
4. Riddles [Electronic source]. – Access mode : <http://www.riddles.com/all-kinds-ofriddles/riddles/>
5. Riddles [Electronic source]. – Access mode : <http://www.teacherneedhelp.com/students/riddles.htm>
6. Tolkien, J.R.R. The Hobbit / J.R.R. Tolkien. – N.Y. : Ballantine Books, 1993. – 305 p.
7. What am I? Riddles [Electronic source]. – Access mode : <http://www.riddlee.com/list.php?pagenum=0&catid=1>

Павкин Дмитрий Михайлович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Черкасского национального университета имени Б. Хмельницкого; e-mail: zlata78@mail.ru.

УДК 811.111'373.43'42:004

**NEOLOGICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT *ILLNESS*
(AS A RESULT OF INFORMATION TECHNOLOGY IMPACT)
IN ENGLISH-SPEAKING COMPUTER DISCOURSE
N.V. Tatsenko (Sumy, Ukraine)**

N.V. Tatsenko. Neological representation of the concept *ILLNESS* (as a result of information technology impact) in English-speaking computer discourse. The article presents a cognitive analysis and a systematization of ways of linguistic objectification of the concept *ILLNESS* as a result of speech-thinking impact of information technology on the basis of computer discourse neologisms. A frame network of the concept *ILLNESS* in computer discourse is built which helps to identify the main ways of its cognitive modeling.

Key words: computer discourse, concept *ILLNESS*, neologism, neological representation, frame network.

Н.В. Таценко. Неологическая репрезентация концепта БОЛЕЗНЬ (как результата влияния информационных технологий) в англоязычном компьютерном дискурсе. В статье представлены когнитивный анализ и систематизация способов языковой объективации концепта БОЛЕЗНЬ как результата речемыслительного влияния информационных технологий на материале неологизмов компьютерного дискурса. Построена фреймовая сеть концепта БОЛЕЗНЬ в компьютерном дискурсе, которая позволяет выявить основные способы его когнитивного моделирования.

Ключевые слова: компьютерный дискурс, концепт БОЛЕЗНЬ, неологизм, неологическая репрезентация, фреймовая сеть.

Н.В. Таценко. Неологічна репрезентація концепту ХВОРОБА (як результату впливу інформаційних технологій) у англomовному комп'ютерному дискурсі. У статті подано когнітивний аналіз та систематизацію способів мовної об'єктивації концепту ХВОРОБА як результату мовленнєво-мисленнєвого впливу інформаційних технологій на матеріалі неологізмів комп'ютерного дискурсу. Побудовано фреймову мережу концепту ХВОРОБА в комп'ютерному дискурсі, що дозволяє виявити основні шляхи його когнітивного моделювання.

Ключові слова: комп'ютерний дискурс, концепт ХВОРОБА, неологізм, неологічна репрезентація, фреймова мережа.

1. Introduction. It is a common knowledge that present days are marked by the formation of a new information society, which has changed a postindustrial one. In a new "informogenic" civilization the strategy of interdiscipline synthesis and interest in non-classical methods and themes enable the study of human exposure to areas of computer technologies as specific language and existential phenomena.

The problem of language / speech influence on people for making them do something unknowingly or against their own will or intention is the focus of attention of scientists in modern cognitive-discursive paradigm of linguistics. Speech impact

per se as a domain of research, covering the processes of speech-thinking regulation of human activity through agitation, propaganda, demagoguery, PR, neurolinguistic programming, persuasion, suggestions etc., is considered from different points of view by a number of researchers [V.Z. Demyankov, O.S. Iser, Y.A. Zatsny, T.V. Kuznetsova, P.B. Parshin, G.G. Pocheptsov, Y.Y. Shamayeva, R.E. Goodin, L. Proto et al.].

In recent years the technologies and strategies of speech influence and manipulative impact on the basis of political discourse, advertising discourse are a primary concern of linguists. This manipulative impact shapes and affects the discourse itself. In other words, discourse constitutes social impact and is at the same time constituted by it. But studies of concepts related to the results of speech impact in computer discourse are, au contraire, still overlooked by researchers.

Human-to-human communication via computer networks, or interactive networking, is a recent phenomenon. The study of computer-mediated discourse developed alongside of interactive networking itself, as scholars became exposed to and intrigued by communication in the new medium. Nowadays we witness the rise of a wave of computer discourse researchers, working independently on more or less coherent agenda: the empirical description of computer language and varieties of computer discourse which give new areas of inquiry and result in an ever-growing list of published resources [E.N. Galichkina, I.M. Derik, L.Y. Ivanov, N.G. Lukashenko, O.I. Lytnevska, N.L. Morgun, A.O. Nikolaeva, I.M. Rozina, F.O. Smirnov, I.M. Shukalo, D. Boyd, D. Crystal, M. Galvin, S. Herrig, M. Morris, M. Stubbs, J. Tornow, J. Walter et al.].

In this regard, **the relevance** of our research is highlighted by its focus on cognitive mechanisms of verbalization of the concept ILLNESS as a result of information technology impact on the basis of computer discourse neologisms, on covering the specific of computer discourse as a medium and simultaneously a means of concepts existence with the power of influencing their change and development. The scientific research is connected with such current problems of modern linguistics as the study of the processes of acquisition, display and storage of information in linguistic forms, nominative human activities, quantitative and qualitative differences in word formation in various communication fields.

The object of the paper is the group of neologisms of computer discourse that have a common meaning component – a sign of illness, and **the subject** is a linguistic neological representation of negative impact of computer discourse on mental and physical state of information technology user.

The purpose of this article is a cognitive analysis and a systematization of ways of linguistic objectification of the concept ILLNESS as a result of speech-thinking impact of information technology on the basis of computer discourse neologisms. Achieving this goal involves the following **tasks**: 1) to identify the specific system of verbalization of the concept ILLNESS and to analyze in it the aspects of negative impact consequences of information technology based on neologisms of English computer discourse; 2) to make a cognitive model of the

formation of language innovations, 3) to build a frame network of the concept ILLNESS in computer discourse.

The **material** for this paper has been collected from direct and indirect neological nominations of the concept ILLNESS connected with new computer technologies, obtained by continuous sampling of contemporary English-language newspaper sources, lexicographical publications and lexicographical registers of electronic format.

2. The concept ILLNESS in computer discourse. At present, information technologies are the creators of social life and construct it by their own rules. Interesting is the fact that computer discourse as a product of human thought has the power to influence not only the most essential sociocultural characteristics of the individuals as members of some culture, but also their mental and physical conditions. The analysis of computer discourse neologisms suggests that informational technical being affects human cognitive mechanisms and physical characteristics, and causes human dependence on information technology.

Active use of computers by representatives of both older generation and younger one is often a factor of a variety of new diseases, whose names fill up an innovative system of terminology of computer discourse. Thus, many people suffer from “*computer addiction*”: “*Among the programs offered by the Center for Online Addiction in Bradford, Pa., founded in 1994 by Dr. Kimberly S. Young, a leading researcher in **Computer addiction**, are cyberwidow support groups for the spouses of those having online affairs, treatment for addiction to eBay and intense behavioral counseling – in person, by telephone and online – to help clients get Web sober.*” (The New York Times, December 1, 2005). Continuous exposure to modern technology causes “*technostress*” and “*computer sickness*”.

A neologism “*information fatigue syndrome*”, which may also be found in abbreviation form “*IFS*”, signals the emergence of a specific disease associated with excessive information, which leads to stress, incredible fatigue and loss of human analytical skills: “*Too much information can have negative effects on health and well-being, says psychologist David Lewis. He coined the phrase “**Information Fatigue Syndrome**” for the condition that, he says, is caused by unrelenting exposure to excessive information.*” (Journal of School Health, April, 2009).

Involving a medical term *syndrome* “a combination of signs and symptoms that indicate a particular disease” [Collins 2008: 897] to the formation of the neologism actualizes the idea of the kind of cognitive component of this scenario: a serious problem that must be solved addressing to specialists. The component *syndrome* actualizes a correlation of computer addiction with difficult and dangerous medical conditions.

A further semantic and conceptual investigation of the neologism *information fatigue syndrome* allows us to define the schema of its appealing to the concept ILLNESS. This innovation is formed by way of compounding (the process of combining several words (free morphemes) to create a new word). The model of the

compounding is $N^1+N^2+N^3$: *information+fatigue+syndrome*→ *information fatigue syndrome*. In the conceptual analysis of this compounded formation we used the theory of conceptual blending [G. Fauconnier, M. Turner 2002], which allows us to suppose that the essence of the creation of this neologism is a cognitive process of combining three mental spaces, resulting in a “blended space” or “the blend” with mixed characteristics, absorbing properties of the input spaces.

Thus, on the mental level, this neologism corresponds to **the blend**, which combines the signs of three mental spaces: **the input space 1** which is the *recipient* and expressed by the noun *syndrome* (symptoms that indicate a disease), **the input space 2** which is the *donor* and expressed by the noun *fatigue* (weariness, overwork), and **the input space 3** which is the *donor* and expressed by the noun *information* (knowledge received by any means). In the process of integration of input spaces and borrowing of their features a new set of features in the blend structure is created. As a result, a new compound neologism is formed which means “a disorder expressed by weariness and stress which results from having to deal with excessive amounts of information” (**Figure 1**):

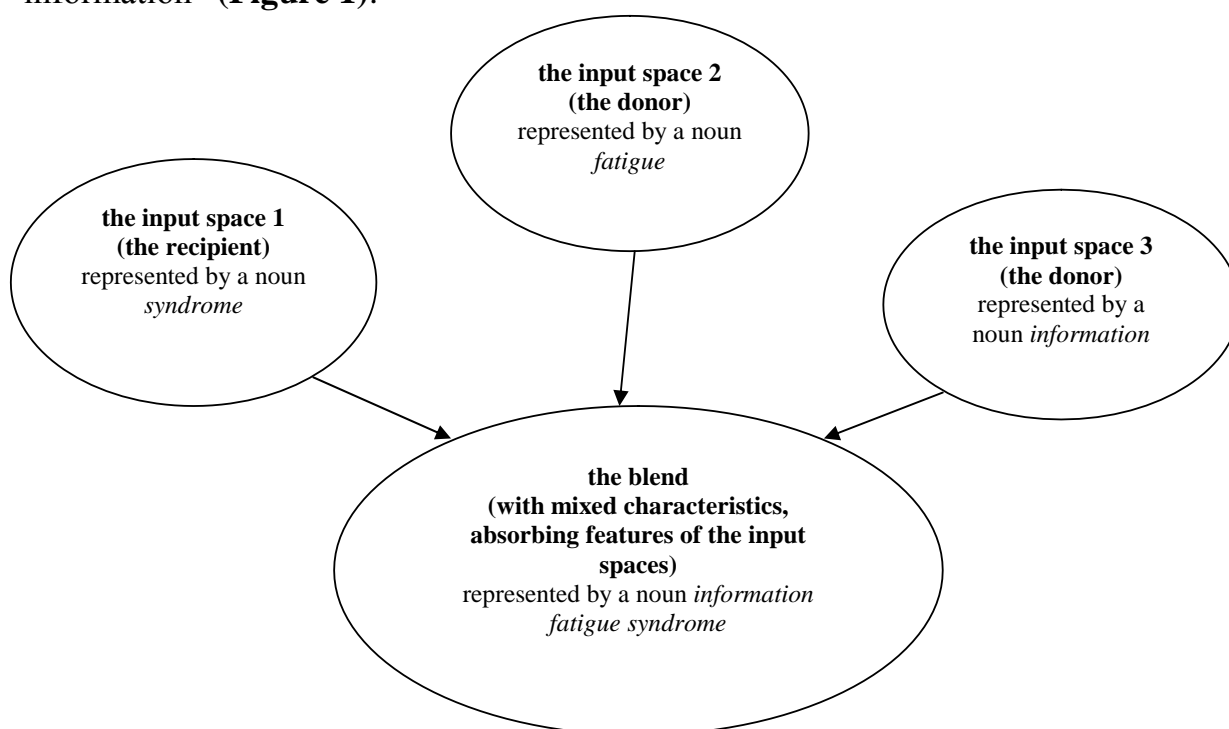

Fig. 1. A cognitive model of the neologism *information fatigue syndrome*

Quite common pathology among the diseases in the hands of people who spend 8 or more hours per day at a computer is *carpal tunnel syndrome* or *CTS*. *Carpal tunnel syndrome* is a serious wrist injury, the symptoms of which are swelling, pain in the hand, weakening and numbness of fingers; sometimes even surgery is used for its treatment. The synonyms for denotation of the disease are innovations *repetitive strain injury (RSI)* and *mouse arm syndrome*: “By using it like a pen, muscles in the

*forearm and upper arm are at rest and the user's hand and forearm are in a more natural position, rather than being twisted around horizontally, as they are when a mouse is used. It's this position which causes **mouse arm syndrome**, a type of **RSI** that affects millions.*" (Network World, April 2, 2001).

A skin rash caused by lengthy exposure to a heat source, such as laptop computer balanced on the thighs for an extended period is called *toasted skin syndrome*: "*Balancing your laptop on your knees could cause permanent discolouration of the skin and, in rare cases, cancer, doctors have warned. The heat generated by the computers can cause a nettle sting-like rash – a condition named 'toasted skin syndrome'.*" (Daily Mail, October 5, 2010).

It should be noted that the word *syndrome* becomes a center for conceptual and derivational paradigm. Along with the above mentioned neologisms a number of innovations with this component appeared in computer discourse: *perfect programmer syndrome* "a morbid belief in one's infallibility", *sedentary death syndrome* "a phenomenon, when motionless lifestyle as a result of permanent exposure to PC leads to death" [Зацний 2008: 290], *sudden wealth syndrome* "a depression of 'virtual nouveau riches' as a result of a constant self-frustration". Similar to the latter phrase a neologism *sudden loss of wealth syndrome* emerged to describe a depression of people who have been deprived of their wealth as a result of mass extinction of Internet companies [Ibid: 316].

An innovation *heroinware* describing programs for games that provoke dependence indicates serious concerns of the society as its metaphorical name equates computer dependence with drug addiction: "*Luckily, Jaffe found refuge and eventual salvation with On-line Gamers Anonymous, one of several online self-help groups that have sprung up to deal with the fallout from electronic entertainment they call **heroinware**. Its forums are swollen with refugees of various online worlds, all with harrowing stories of runaway gaming habits, lives ruined, friends lost, and marriages broken.*" (The Guardian, April 3, 2003).

Some people when wearing virtual reality headsets suffer from motion sickness caused by video media, particularly video games and virtual reality environments. This phenomenon has got a specific linguistic denomination *barfogenesis* (*to barf+genesis*). *Barfogenesis* is caused by a conflict in the brain – the eyes register movement but the inner ear doesn't feel it: "*Such instances, like the one mentioned above, can contribute to the sensory theory conflict that can cause cybersickness. Some researchers find that the Gestalt psychology can help explain the problem of **barfogenesis** and how it differs from motion sickness.*" (Information Week, July 8, 2006).

Researchers say that the stress of not being able to process information as fast as it arrives, combined with the personal and social expectation that you will answer every e-mail message, can deplete and demoralize people. Moreover, it can cause "*e-mail apnea*": the unconscious suspension of regular and steady breathing when people tackle their e-mail: "*The idea is to develop better breathing habits, so you are not experiencing apnea (holding your breath) in situations that you may not be aware*

of as stressful. These small situations or “pebble stones” never seem to register as something significant; however, collectively they add up. For example the dangers of **e-mail apnea** (holding or shallow breathing, while doing e-mail) have been warned against.” (Cognitive Behavior Therapist, April 2, 2009).

Doctors admonish that a long-term “sitting on the Internet” can cause *e-thrombosis* “due to the formation of blood clots as a result of permanent exposure to the computer”: “Office workers risk being struck down by deep vein thrombosis if they sit at their computer screens for long periods without a break, health experts said yesterday. The warning came as it emerged that a computer programmer from Bristol almost died after a 12-hour stint in front of his screen in what is believed to be one of the first cases in the UK of a growing phenomenon dubbed **e-thrombosis**.” (The Guardian, May 9, 2006). The constituent *e-* of the mentioned neologisms (etymologically – an abbreviation of the word *electronic*) is a new prefix, and almost a complete equivalent of a computer affix *cyber-*.

“Abuse of time” before a computer screen is also a serious problem of modern people, evidenced by such neologisms as *Nintendo epilepsy* “symptoms similar to epilepsy caused by ‘overdose’ of computer games”, *Wii elbow* “pain in the elbow as a result of long-term use of a remote control of a video game Wii”: “Called variously **Nintendo epilepsy**, *video-game epilepsy* or more generically *light epilepsy*, a TV-related condition was first documented in the United States in 1952.” (Associated Press, February 20, 2008), “The new console has been wildly successful, selling out at stores and winning high marks from critics and game buffs. But as players spend more time with the Wii, some are noticing that hours waving the game’s controller around can add up to fairly intense exertion – resulting in aches and pains common in more familiar forms of exercise. They’re reporting aching backs, sore shoulders – even something some have dubbed **Wii elbow**.” (The Wall Street Journal, November 25, 2006).

Deformation of an index finger as a result of long printing of e-mails is denominated by a metonymic innovation *BlackBerry thumb* (BlackBerry is a brand of smartphones): “There’s a new indicator of the physical downsides to text messaging. A study from the U.K. finds that 38% more people suffer from sore wrists and thumbs due to “texting” than five years ago and 3.8 million people now complain of text-related injuries every year. This, of course, follows the recent revelations of people suffering from “**BlackBerry thumb**.” (InformationWeek, February 21, 2006).

A component *thumb* served as a basis for further branching of the derivational paradigm. Therefore, the swelling of an index finger due to excessive addiction to computer games is represented by a neologism *Nintendo thumb*; generation which skillfully manipulates by an index finger, constantly using mobile phones, computers, laptops, is called *thumb culture*. Elements of this derivational paradigm are formed by a lingual mechanism of analogy (cf. with idioms *green thumb*, *sore thumb*).

Neologisms *e-mail fatigue*, *high-tech fatigue* suggest the idea that overuse of computer correspondence can cause not only physical pain but mental exhaustion, and bring negative emotive component to the general cognitive mechanism of

interaction between man and technosphere. An innovation *password fatigue* represents people's discontent because of the necessity to remember a lot of computer passwords: *"One of the tribulations of internet life is password fatigue. Use a different one for every website and you're likely to forget them. Write them all down, or use the same one, and you risk becoming the latest victim of identity theft."* (The Observer, April 22, 2007).

Stress from extremely sophisticated computers is actualized by an innovation *feature fatigue* [Зацний 2008: 164]: *"Feature fatigue is the inevitable consequence of feature creep, the tendency for designers and programmers to bundle every feature they can imagine into every single product."* (Chicago Tribune, September 8, 2006). To indicate mental exhaustion resulting from the need to constantly give out personal information on social sites on the web there appeared a neologism *social networking fatigue* [Зацний 2008: 304]: *"This is why there's been a growing online grumble about social network fatigue. It's more than a frustration with signing up for umpteen useless accounts; it's the exhaustion that comes from being asked to build an online identity over and over again. Yes, young people have an inexhaustible desire to try on and discard alternative personas like clothing. But the point comes where you say, can't I just be me?"* (The Globe and Mail, February 16, 2007).

"Internetization" of the community's living space often leads to fragmentation of people's mental representations and to colonization of their worldview. For example, excessive confidence in Internet medical sites sometimes leads to destructive consequences and general deterioration of users' physical health. A condition when people suffer from fictional diseases, qualifying symptoms found in the medical Web site, as "theirs" is represented by an innovation *cyberchondria*, and people, respectively, are *cyberchondriacs*: *"Today it is often referred to as health anxiety or a "somatoform disorder", where symptoms suggest a disease not explained by a medical diagnosis, or even, in the age of the Internet, "syberchondria".* (Sun Francisco Chronicle, February 15, 2004). *"The average cyberchondriac, Harris says, searches the web for information five times a month. But these net users are also becoming more savvy, with the number of people describing the information they find as "very reliable."* (Advice and Help, August 12, 2006).

It should be noted that the above given neologisms were created by telescopic combining of an existing medical term *hypochondria* and a productive computer affix *cyber-*. The correlation between semantic features of the medical terms and semantic content of the formed innovations emphasizes the relationship of difficulties, caused by virtual existence, with the diseases of real existence. We should also pay attention to the fact that innovations *cyberchondria* and *cyberchondriac* belong to nominations, which are based on the creation of wrong associations and incorrect logical conclusions in a user.

3. Frame network of the concept ILLNESS. It is maintained that the most suitable cognitive model of describing the concept is a frame as a unit of knowledge,

organized around the concept and containing the data about something significant, typical and possible for this concept within a particular culture. In other words, the frame is one of the ways of mental representation of the concept by reference to the conceptual area in which this concept is interpreted. Thus, the frame structure of the concept allows tracing its relationship to other concepts. It may include not only the frames, but another kind of cognitive models – a conceptual metaphor that reflects the indirect cognitive features of the concept.

The semantic space of computer discourse consists of overlapping frame configurations. Their relationship is structured with a network. Further, it is argued that building the networks at any conceptual level employs a universal tool – the limited set of prepositions that belong to the five basic frames where the most fundamental categories of thought are arranged in accordance with the way we perceive things of the experienced world. These frames are the Thing Frame, the Action Frame, the Possession Frame, the Identification Frame, and the Comparison Frame. They include a limited number of most abstract propositional schemas whose type is defined by the frame they belong to [Zhabotynska 2010: 80-84].

Thus, in computer discourse the concept ILLNESS is structured by the Thing Frame, the Action Frame, the Possession Frame, the Identification Frame, and the Comparison Frame.

The Thing Frame includes being schemas in which the thing and its property are combined by the link *is/exists*:

1) The quantitative schema “SB/STH is that many – quantity”, e.g.: *A condition ‘toasted skin syndrome’ is becoming more and more numerous*;

2) The qualitative schema “SB/STH is such – quality”, e.g.: *Computer addiction is dangerous*.

3) The locative schema “SB/STH is (exists) there – place” and the temporative schema “SB/STH is (exists) then – time”, e.g.: *The average cyberchondriac sits online more than three hours a day*.

The Action Frame contains doing schemas that include SB/STH – the doer of the action, and the action itself, which in the schemas is represented with the schematic verbs *acts/makes (=does)*. Action schemas have three variations – the state/process, contact, and causation schemas:

1) The state/process schema “SMB/STH-agent acts” models an intransitive act, which is a state if the agent maintains its property (quantity, quality, place, time, or mode of being) or a process, if the agent changes its property, e.g.: *Cases of RSI are numerous (state); e-thrombosis grows in number (process)*;

2) The contact schema models a transitive act, which may be of two kinds: a) the schema “SB/STH-agent acts upon SB/STH-patient” represents a physical or mental contact between the agent and the patient, when the patient does not undergo changes, e.g.: *People often use this heroinware*; b) the schema “SB/STH-agent/instrument acts upon SB/STH-affected” represents a physical or mental contact between the agent and the patient, when the patient undergoes changes (“SB/STH-

agent makes SB/STH-patient SUCH”) and thus becomes the affected, e.g.: *Syberchondria affects millions*;

3) The causative schema “SB/STH-causer makes STH-factitive” models a transitive act that results in creating a new thing (factitive, or effected) by the agent (or instrument) that becomes the causer, e.g.: *Continuous exposure to modern technology causes computer addiction, technostress, and computer sickness*.

Action schemas are extended with additional semantic roles which are grouped into types with regard to their syntactic manifestation: 1) acts/makes with – the circumstance (attendant, aid, instrument): *Addicts are often addicted to Internet with the help of multiplayer games users have described as ‘heroinware’*; 2) acts/makes because of – the stimulus (goal, cause): *Doctors admonish that a long-term “sitting on the Internet” can cause e-thrombosis due to the formation of blood clots as a result of permanent exposure to the computer*; 3) acts/makes if, in spite of – the prerequisite (condition, concession): *If you ‘overdose’ in computer games, you may have Nintendo epilepsy, which symptoms are similar to epilepsy*; 4) acts/makes to, for – the recipient (addressee, benefactor/malefactor): *All these medical sites are dangerous for syberchondriacs*. Propositions of the Action Frame may be also extended with the locative and temporal slots that belong to the Thing Frame: 5) acts/makes there, from there, to there – the locative (source, path/place, goal); 6) acts/makes since (from), then, till then – the temporative (beginning, duration, end): *Sitting on line all the time very often causes e-mail fatigue*.

The Possession Frame includes the generalized roles “the possessor” and “the possessed” linked by the verb *has*. The structure “SB/STH-possessor has SB/STH-possessed” is the possession schema, e.g.: *Office workers risk having e-thrombosis if they sit at their computer screens for long periods without a break*.

The Identification Frame, which includes two things joined by the link *is*, models the relation “SB/STH-identified is SB/STH-identifier” provided in the generalized identification schema, e.g.: *Carpal tunnel syndrome is a serious wrist injury, the symptoms of which are swelling, pain in the hand, weakening and numbness of fingers*.

The Comparison Frame, which may be considered as an evolution of the Identification Frame, includes the link *is as* that joins two roles – the compared (target, or referent) and the correlate (source). This frame is constituted by the comparison schemas “SB/STH-compared is as (if) SB/STH-correlate” which are the conceptual foundations of metamorphosis, analogy, and metaphor, e.g.: *An innovation ‘heroinware’ describing programs for games that provoke dependence indicates serious concerns of the society as its metaphorical name shows that it is considered as drug addiction*.

These basic frames merge into the conceptual network which combines all propositional schemas within a coherent whole retained in the mind as a set of instruments for processing information in computer discourse. The schemas may serve as a tool for creating unlimited configurations of conceptual networks, which structure semantic spaces of the concept ILLNESS.

A schematic representation of a structure of the concept **ILLNESS** in computer discourse in the form of a frame network is presented in **Figure 2**:

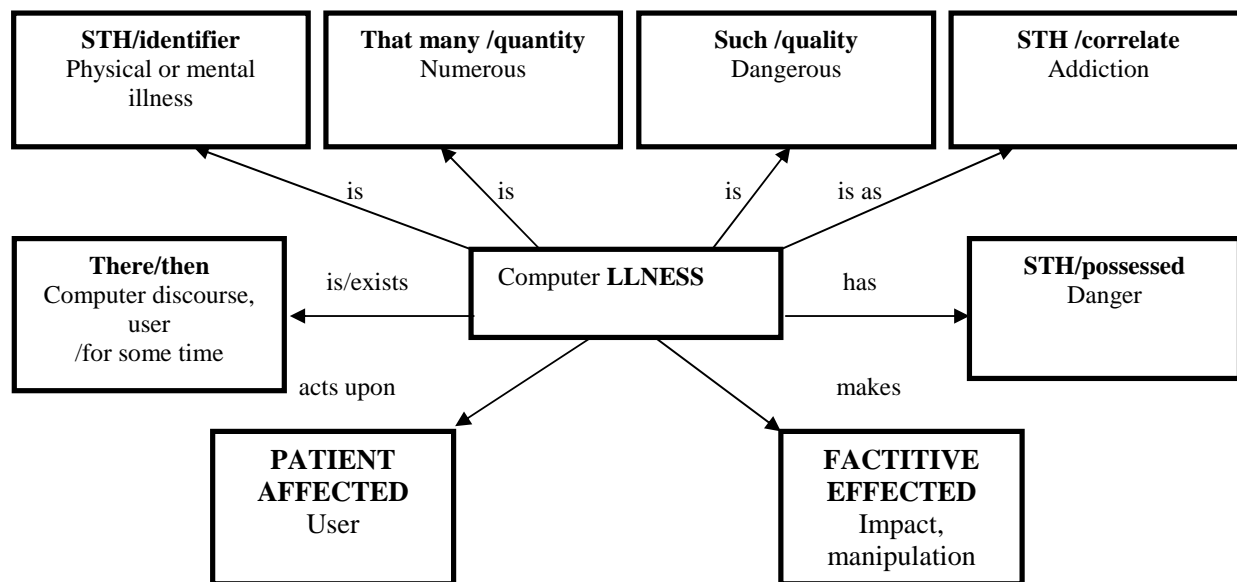

Fig. 2. A frame network of the concept **ILLNESS** in computer discourse

Thus, the semantic and cognitive analyses of neological representation of the concept **ILLNESS**, and also the construction of its frame network give us grounds for concluding about the existence of a general complex semiotic continuum of negative emotional manipulation and physical impact of information technology within the computer discourse, leading to fragmentation of people's mental representations and to colonization of their outlook. The presence of this phenomenon motivates a deeper study of the interaction of computer discourse concepts, which is the prospect of our further research.

REFERENCES

1. Жаботинская С.А. Principles of building conceptual models for thesaurus dictionaries / С.А. Жаботинская // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2010. – № 1. – С. 75–92.
2. Зацний Ю.А. Інновації у словниковому складі англійської мови на початку ХХІ століття : Англо-український словник / Ю.А. Зацний, А.В. Янков. – Вінниця : Нова Книга, 2008. – 360 с.
3. Таценко Н.В. Засоби реалізації мегаконцептів ПРОСТІР, ЧАС, ІНФОРМАЦІЯ в сучасній англійській мові (на матеріалі інновацій віртуальної реальності) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Н.В. Таценко. – Суми, 2009. – 220 с.
4. Collins English Dictionary / Editors : J. Crozier, A. Grandison, C. McKeown, E. Summers, P. Weber. – Glasgow : HarperCollins Publishers, 2008. – 1040 p.

5. G. Fauconnier. *The Way We Think : Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities* / Gilles Fauconnier, Mark Turner. – New York : Basic Books, 2002. – 440 p.
6. McFedries P. Archives [Электронный ресурс] / P. McFedries. – Режим доступа : <http://www.logophilia.com/WordSpy>, 2001–2012.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Advice and Help, August 12, 2006.
2. Associated Press, February 20, 2008.
3. Chicago Tribune, September 8, 2006.
4. Cognitive Behavior Therapist, April 2, 2009.
5. Daily Mail, October 5, 2010.
6. InformationWeek, February 21, 2006.
7. Information Week, July 8, 2006.
8. Journal of School Health, April, 2009.
9. Network World, April 2, 2001.
10. Sun Francisco Chronicle, February 15, 2004.
11. The Globe and Mail, February 16, 2007.
12. The Guardian, April 3, 2003.
13. The Guardian, May 9, 2006.
14. The New York Times, December 1, 2005.
15. The Observer, April 22, 2007.
16. The Wall Street Journal, November 25, 2006.

Таценко Наталья Витальевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской филологии Сумского государственного университета; e-mail: tasnatasha@mail.ru

УДК 811.111'42

**РЕГУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
СТРАТЕГИИ КОНФРОНТАЦИИ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
ИНСТРУМЕНТАРИЙ И ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА
И.Е. Фролова (Харьков, Украина)**

И.Е. Фролова. Регулятивный потенциал стратегии конфронтации в англоязычном диалогическом дискурсе: инструментарий и принципы анализа. Статья имеет целью формулирование общих принципов и описание понятий, касающихся анализа дискурсивной стратегии с их последующим применением для изучения стратегии конфронтации в англоязычном диалогическом дискурсе. Регулятивный потенциал данной стратегии изучен на материале персонажной речи с использованием ряда процедур подбора фрагментов, где реализован стратегический смысл. Глобальная и локальные стратегии конфронтации описаны с учётом их ментальных основ и дискурсообразующих возможностей. Вербальные средства регуляции, предназначенные для конструирования конфронтации, предложено изучать с опорой на понятия речевых стратегий и тактик.

Ключевые слова: англоязычный диалогический дискурс, конфронтация, регулятивный потенциал, глобальная и локальная стратегии, речевые стратегии, тактики.

І.Є. Фролова. Регулятивний потенціал стратегії конфронтації в англomовному діалогічному дискурсі: інструментар та принципи аналізу. Стаття має за мету формулювання загальних принципів і опис понять щодо аналізу дискурсивної стратегії та їх застосування у вивченні стратегії конфронтації в англomовному діалогічному дискурсі. Регулятивний потенціал цієї стратегії вивчено на матеріалі персонажного мовлення із застосуванням процедур підбору фрагментів, де реалізовано стратегічний смисл. Глобальна й локальна стратегії конфронтації описані з урахуванням їх ментальних основ і дискурсотворчих можливостей. Вербальні засоби регуляції, призначені для конструювання конфронтації, запропоновано вивчати з опорою на поняття мовленнєвих стратегій та тактик.

Ключові слова: англomовний діалогічний дискурс, конфронтація, регулятивний потенціал, глобальна й локальна стратегії, мовленнєві стратегії, тактики.

I.Ye. Frolova. Confrontation Strategy Regulative Potential in English Language Dialogical Discourse: Main Notions and Principles of Analysis. The article aims at formulating the general principles and describing the notions necessary for discourse strategy analysis, which are further employed for the study of confrontation strategy in English language dialogical discourse. This strategy regulative potential is analyzed on the material of characters speech fragments collected with the help of procedures that allow to select the strategic sense realizations. Global and local confrontation strategies are described as for their mental base and discourse forming abilities. The verbal means of regulation meant to construct confrontation are subjected to analysis in terms of speech strategies and tactics.

Key words: English language dialogical discourse, confrontation, regulative potential, global and local strategies, speech strategies, tactics.

Введение. Интеграция коммуникативно-функционального и когнитивного направления лингвистического анализа, отражающая фундаментальные представления о неразрывной связи когнитивного и коммуникативного, когнитивного и социального, а также коллективного и индивидуального факторов, возникает в результате приоритетной роли антропофактора, который и выступает объединяющим началом когерентного использования двух главных лингвистических принципов [Приходько 2003: 85].

Органическое соединение актов когниции и актов коммуникации [Кубрякова 1997: 188] лежит в основе современной трактовки дискурса, его понимания как сложной, многоаспектной гештальтной системы, единства когнитивного и социопрагматического аспектов [Шевченко 2005: 116], как объекта, зависящего от позиции наблюдателя и условий наблюдения [Морозова 2008а: 11], как ситуативно обусловленной intersубъектной речемыслительной деятельности, направленной на взаимную ориентацию в жизненном пространстве на основе наполнения языковой формы семиотической значимостью [Мартинюк 2012: 11]. Данная трактовка, уходящая корнями в работы Д. Шиффрин [Schiffirin 1994] и Т. ван Дейка [Дейк 1989], является базовой для нового, активно развивающегося направления лингвистического поиска – дискурсологии.

Актуальность дискурсологических исследований обеспечивается вектором анализа, определенным главенствующей ролью антропофактора: от мышления и коммуникативных потребностей человека – к их вербальным проявлениям.

Аксиоматичность учёта когнитивного и (социо-)коммуникативного аспектов речевой деятельности в дискурсологическом анализе, вместе с тем, не исключает, а предусматривает доминирование одного из этих аспектов [Белова 2002: 17; Штерн 1998: 87].

Таким образом, формируется когнитивно-дискурсивное направление лингвистического анализа, интенсивно и экстенсивно развивающееся в Украине сегодня. В то же время, коммуникативно-дискурсивное направление заметно менее активно, что представляется неоправданным с учётом значительного вклада отечественных учёных в коммуникативную лингвистику, лингвопрагматику и теорию речевых актов [Почепцов 2009; Бацевич 2004; Почепцов (О.Г.) 1986; Карабан 1989а; Приходько 2002; Шевченко 1998 и др.]. Фундаментальные работы, выполненные в русле коммуникативно-функционального анализа дискурса, сегодня представлены исследованиями специфики вербализации в дискурсе имплицитных смыслов [Безугла 2007], лингвистических особенностей аргументации [Белова 1997], этикетизации англоязычного научного дискурса [Гльченко 2002], жанров англоязычной научной коммуникации [Яхонтова 2009], взаимодействия вербального и невербального кода в дискурсе [Солощук 2006].

Однако, в данных работах не получили развитие многие важные идеи и представления, сформированные в рамках прагмалингвистических теорий. В частности, остается невыясненным параметр цели дискурсивной деятельности, который со всей очевидностью не может быть определен с использованием понятий иллокуции высказывания и коммуникативного задания текста. Важность и своевременность изучения данного параметра определяется его основополагающей ролью: дискурсивная деятельность является целенаправленной [ЛЭС: 136].

Настоящее исследование постулирует, что целенаправленность речемыслительной коммуникативной деятельности индивида соотносима с её стратегичностью.

Соответственно, прагматический аспект коммуникации – её целенаправленность [Вацлавик 2000а; Сучкова 2005: 6 и др.] следует изучать с опорой на понятие дискурсивной стратегии.

Стратегия, в нашем понимании, представляет собой инструмент реализации неречевых целей в дискурсивной деятельности [Фролова 2009]. Открытое множество таких целей обуславливает наличие многочисленных стратегий, соотносимых с ними. В частности, индивид может преследовать (единственную либо сопряженную с другими) цель конструирования межличностных отношений определенного типа (гармонических, нейтральных, конфронтационных).

Объектом настоящего исследования является дискурсивная стратегия конфронтации, реализация которой ориентирована на установление / поддержание недружественных отношений между коммуникантами.

Соглашаясь с мнением о том, что базовой функцией дискурсивной деятельности является регулятивная [Рудяков 2004: 85] – синтез когнитивной [Рудяков 2004: 79; Мартинюк 2006а: 13] и коммуникативной [Леонтьев 1968: 32] функций, считаем целесообразным сосредоточить внимание на регулятивном потенциале стратегии конфронтации в англоязычном дискурсе.

В данной статье представлена модель исследования, разработанная для анализа регулятивного потенциала стратегии конфронтации. Непосредственному описанию этой модели предшествует краткое изложение сути понятия дискурсивная стратегия, после чего приведены результаты применения данной модели к стратегии конфронтации в англоязычном дискурсе.

Понятие дискурсивной стратегии и модель её анализа. В лингвистической литературе термин «стратегия» не является новым: в работах ученых содержатся определения обозначаемого им понятия, предлагаются различные классификации стратегий и т.д. Опыт исследований содержит такие важные для настоящего исследования положения:

- речевые действия имеют стратегический характер [Блакар 1987: 133; Иссерс 2003: 21], независимо от осознанности / неосознанности стратегического намерения: «даже когда коммуниканты сознательно

не организуют свои речевые действия в определенную стратегию, высокая степень их социализации обеспечивает стратегичность этих действий и при отсутствии осознанного стратегического намерения» [Вессон 2005: 37];

- стратегия имеет когнитивный план, представляющей собой обобщение существующего опыта в совокупности личностных, локальных, деятельностных и иных измерений, особенным образом организованных в сознании и памяти [Fernando 1996: 110-111];

- стратегия является центральным понятием прагмаориентированного исследования [Макаров 2003: 193], макроинтенцией участников диалога [Лазуткина 1988: 73], инструментом достижения коммуникативной цели [Москальчук 2003: 29];

- стратегия представляет собой социокоммуникативную сущность: она «формируется в соответствии с системой ценностей, убеждений, социальных норм и конвенции» [Сухих 1986: 73], обеспечивая ресурсы для конструирования в коммуникативных практиках культурных и социальных структур [там же: 36].

Следует отметить, что существует и множество других трактовок, где стратегия рассматривается как речевая сущность: технологическая единица речевого воздействия, организации диалога/текста и т.д. При этом авторы нередко оперируют термином «дискурсивная стратегия» (напр., [Meier 1995; Mills 2002 и др.]). Однако, ориентируясь на принципы конверсационного анализа, эти ученые понимают под дискурсом естественный диалог. В других работах речь идет о коммуникативных стратегиях, среди которых вербальные и невербальные [Белова 2004: 14].

Сформировавшееся в настоящем исследовании понимание дискурсивной стратегии основывается на принятой в работе трактовке дискурса, исходя из которой логично предположить наличие у стратегии как речемыслительной социокоммуникативной сущности таких характеристик:

- дискурсивная стратегия имеет социально-интеракциональную природу, выступает инструментом социального взаимодействия;

- дискурсивная стратегия также выступает инструментом реализации внеречевых, коммуникативно значимых целей;

- как речемыслительная сущность дискурсивная стратегия представляет собой единство ментального и вербального планов, соответственно имея ментальный и вербальный коррелят;

- дискурсивная стратегия имеет статическое и динамическое, процессуальное и результативное измерения;

- структура дискурсивной стратегии является сложноорганизованной;

- дискурсивная стратегия выполняет регулятивную функцию, является инструментом регуляции, в частности, ряд дискурсивных стратегий регулируют межличностные отношения коммуникантов.

Как инструмент реализации коммуникативных целей в культурно-социальной вербальной интеракции дискурсивная стратегия имеет ментальный и вербальный ресурс.

Ментальным ресурсом дискурсивной стратегии является стратегически актуальное концептуализированное знание. В основе дискурсивной деятельности, как известно, лежат структуры знания – фиксированные формы ментального опыта [Шевченко 2003: 37], которые в латентном состоянии находятся в свернутом состоянии, а при наличии внешнего воздействия могут активироваться, «разворачиваться» и организовывать ментальные пространства [Холодная 2002: 96; Данилова 2002; Милевская 2002 и др.].

Актуализация данных структур в дискурсе также организует дискурсивную деятельность: для определенного типа или вида этой деятельности характерно наличие опорной ментальной структуры [Дем'янков 1982: 7] – базового концепта [Карасик 2002а; Шейгал 2004], в то время как объем и содержание актуализированного концептуализированного знания (в частности, стратегически актуального знания) определяют когнитивную инфраструктуру дискурса [Тарасова 1999: 175].

На наш взгляд, идея о наличии «опорных» или «базовых» концептов основана на предложении о том, что некоторые элементы концептосферы способны проектироваться не только в плоскость языка, но и в плоскость коммуникации. Однако ни специфика таких концептов, ни их дискурсообразующие возможности на сегодня достаточно не изучены. Исследователи утверждают, что вербализация (базового) концепта формирует «содержательно-тематическое ядро коммуникации» [Шейгал 2006: 27], иными словами, концепты тематизируются, организуя содержательный аспект дискурса [Кудоярова 2007]. Однако остается без ответа вопрос о том, каким образом формируется функциональное ядро коммуникации или как организовывается коммуникативно-функциональный аспект дискурса? Наиболее релевантным нашему исследованию является утверждение о наличии «коммуникативных концептов, образующих коммуникативную концептосферу носителя языка» [Дементьев 2006: 5]. Однако, соглашаясь с данной точкой зрения, полагаем, что такие концепты определяют суть, а их имена – названия дискурсивных стратегий, а не речевых жанров, как утверждает автор (высказанное не означает, что соотнесение коммуникативных концептов и речевых жанров мы считаем неправильным или неуместным, речь идет лишь об использовании сформулированного В. В. Дементьевым предположения в собственных исследовательских целях).

Таким образом, ментальной основой дискурсивной стратегии считаем концепт, а именно ту его часть, которая оказывается необходимой для реализации определенной коммуникативной потребности [Слышкин 2004: 49]. При этом учитываем и мнение о том, то к ментальным структурам, лежащим в основе дискурса помимо концепта относятся прототип и стереотип [Мартинюк 2004: 28-45].

Вербальный ресурс дискурсивной стратегии представлен множеством единиц, посредством которых актуализируется концептуализованное стратегически актуальное знание. Минимальные единицы дискурса – концептуализированные высказывания [Schiffrin 1994: 415] образуют дискурсивные фрагменты, объединенные общим стратегическим смыслом. Из этого следует, что между фрагментом дискурса и фрагментом текста может и не быть однозначного соответствия.

Высказывание как минимальная единица вербального плана дискурса на формальном уровне соотносится с простым либо сложным предложением («предложение выступает основной синтаксической единицей лишь настолько, насколько параллельно существует его зеркальная проекция – высказывание, являющееся единицей речи» [Приходько 2003: 88]). Предложение и высказывания не противопоставлены друг другу, вместе они образуют «гибрид» [Бахтин 1986: 41] и именно этот гибрид – предложение-высказывание является языковой основой минимальной единицы вербальной коммуникации [Шевченко 1998: 33]. Исследователи подчеркивают, что высказывание как минимальная единица речи является коммуникативно значимым; связанным с ситуацией взаимодействия, речевым поведением говорящего и фактором адресата [Гак 1998: 248; Арутюнова 2000: 4, 444; Чахоян 1979: 30 и др.].

Контекстуализированное высказывание – минимальную единицу дискурса, трактуем как интеракциональный акт, понимая интеракцию как не только и не столько вербальное диалогическое взаимодействие [Edmondson 1981a: 4], сколько диалог сознаний, в котором каждая единица взаимодействия наполняется смыслом в совместной деятельности коммуникантов. В частности, мыслительная активность субъекта вербального взаимодействия позволяет ему соотнести условия коммуникации, стратегически актуальное знание и вербальную единицу – высказывание. В случае установления такой связи высказывание становится носителем актуализированного стратегического знания. Совокупность высказываний, репрезентирующих актуализированное стратегическое знание, образует фрагмент дискурса. При этом, каждое высказывание, продуцированное говорящим для реализации стратегической цели и интерпретируемое адресатом именно так, формирует вербальную основу интеракционального акта – акта совместного построения стратегического смысла участниками коммуникаций.

В свете изложенного, представляется непротиворечивым соотнесение дискурсивной стратегии со структурой разработанной Т. ван Дейком, которая представлена иерархией – глобальная, локальная, речевая стратегия [Дейк 1989]. В то же время, акцентирование ментально-вербальной природы дискурсивной стратегии требует уточнения составляющих данной триады. Глобальная стратегия, определенная в концепции Т. ван Дейка как общая стратегия дискурса, которая организует его, по нашему мнению, имеет в качестве ментального коррелята прототип – минимизированное

и типизированное концептуализированное знание («типичный образ» [Мартинюк 2007: 17]), в то время как локальные стратегии, направленные на достижение более конкретных целей, контроль результатов на локальных этапах, основаны на стереотипах. Наличие стереотипов-представлений и стереотипов поведения [Красных 2003: 232-233] обуславливает разделение лежащего в их основе стратегически актуального знания на декларативное (стереотипы-представления) и процедуральное (стереотипы поведения) (оппозиция «знаю, что» – «знаю, как» [Макаров 2003б: 148]). Глобальная стратегия охватывает все вербальные реализации в рамках дискурса, вербальный план локальной стратегии соотносим с теми фрагментами дискурса, где реализуется данная стратегия.

Глобальная и локальные стратегии образуют общую макростратегию управления дискурсом [Дейк 1989: 274], иными словами, стратегия образует определенный тип дискурса.

Речевая стратегия определяется глобальной или локальной задачей, представляя собой функциональную единицу последовательности действий, способствующую достижению глобальной / локальной цели, причем возможности прагматического, семантического или стилистического выбора будут ограничены такой речевой стратегией [Дейк 1989: 277].

Соотнося данную точку зрения с трактовкой высказывания как минимальной речевой единицы, полагаем, что в основу диверсификации речевых стратегий может быть положен параметр речевого контекста, точнее речевых контекстов. В частности, функционирование высказывания является совершением речевого действия, иными словами, высказывание функционирует в контексте речевого акта; высказывание также представляет собой заверченный текстовый элемент [Дресслер 1978: 130], выступает минимальной тематизированной единицей [Зимняя 2001 и др.], функционируя в контексте текста; высказывание соотносится и с минимальной единицей структуры диалога – актом [Henne 1982: 304], функционируя в контексте диалога. Следовательно, речевые стратегии могут быть во-первых, классифицированы на основе их соответствия определенной локальной задаче, а, во-вторых, проанализированы с точки зрения их тактического потенциала, путем рассмотрения по принципу дополнительности различных свойств высказываний в каждом из речевых контекстов. Для каждой из речевых стратегий характерна представленность в языковом сознании носителей лингвокультурного менталитета в виде стереотипов речевого поведения.

Следующим уровнем иерархии являются тактики – действия, способствующие реализации стратегий [Иссерс 2003: 110 и др.], которые, согласно изложенному выше, возможно соотнести с различными свойствами высказывания, проявляющимися в одном из речевых контекстов и, таким образом, сгруппировать в тактики одной из речевых стратегий (прагматические / акторечевые, содержательные и структурно-

интеракциональные). В случае дальнейшей диверсификации характеристик в рамках одной конкретной тактики, можно вести речь о приемах. На низшем уровне иерархической модели дискурсивной стратегии находятся языковые / речевые средства, при помощи которых реализуется тактика либо прием. Исходя из изложенного, модель дискурсивной стратегии в статистическом измерении схематически представляем на рис. 1:

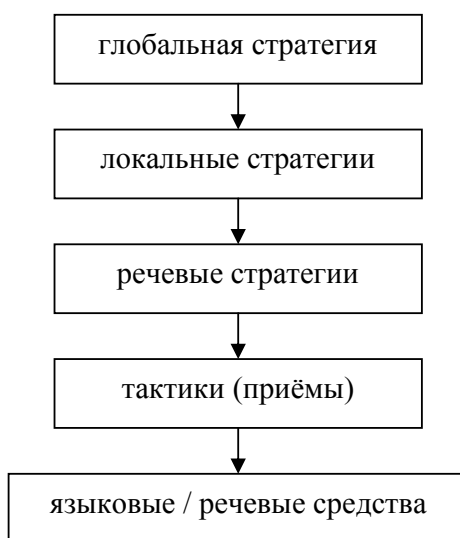

Рис. 1. Статическая модель дискурсивной стратегии

Подчеркивая, что конкретные способы и средства способны к реализации стратегической цели лишь на основе наделения их соответствующим смыслом в процессе речемыслительного взаимодействия коммуникантов, предлагаем также следующую модель дискурсивной стратегии, где последняя показана в динамике:

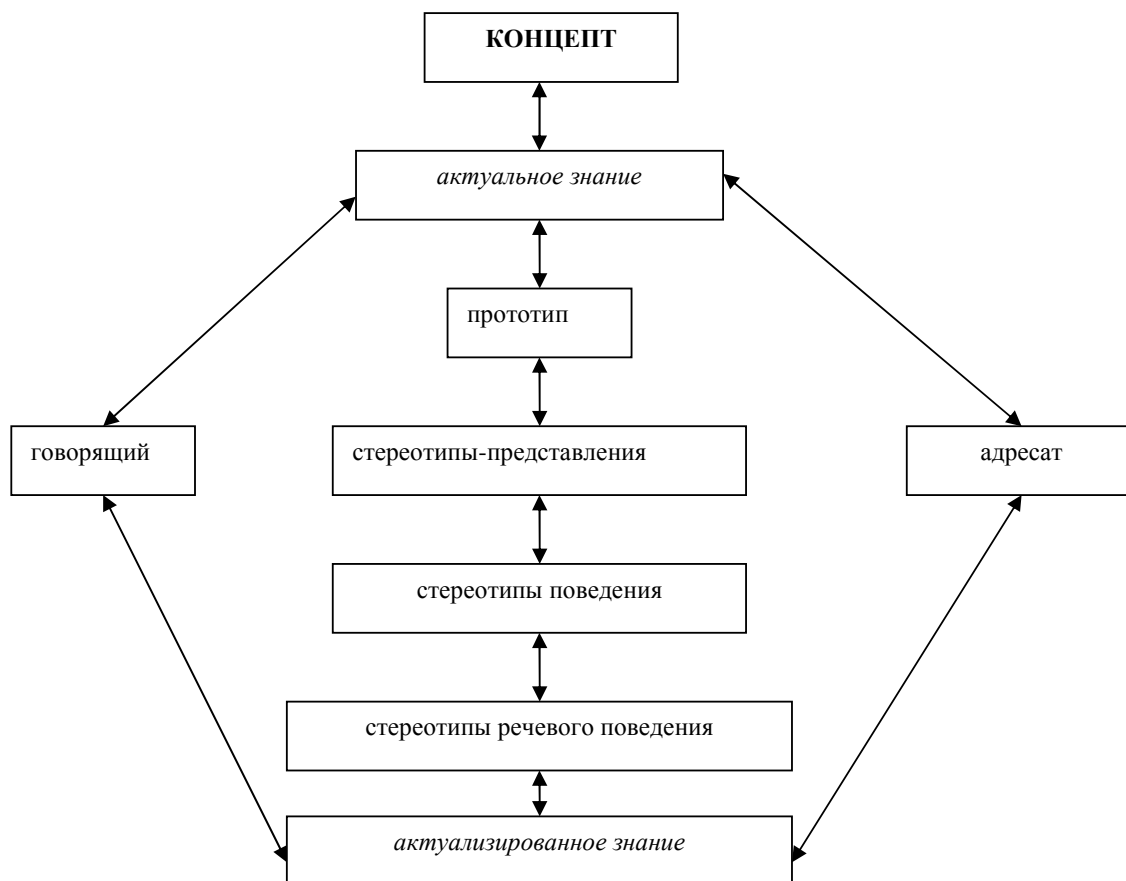

Рис. 2. Динамическая модель дискурсивной стратегии

Как следует из приведенной схемы, являющейся по сути интекакциональным фреймом, движение мысли от абстрактного к конкретному, от актуального – к актуализированному знанию и наоборот, проходит такие этапы:

- НЕЧТО (прототип) есть НЕЧТО₁, НЕЧТО₂ ... НЕЧТО_(n) (стереотипы-представления);
- если НЕЧТО_{1(2...n)} (стереотип представление) следует действовать ТАК₁, ТАК₂ ... ТАК_n (стереотип поведения);
- действовать ТАК_{1(2...n)} (стереотип поведения) можно используя речевые единицы ТАК_а, ТАК_б, ТАК_н (стереотипы речевого поведения).

Необходимо отметить, что концептуализированное знание в совокупности его прототипной и стереотипной составляющих, актуальное стратегическое знание, представляет по сути конструкт коллективного сознания, обобщенный опыт культурно-языкового коллектива, информацию, закрепленную за определенной частью концептосферы носителей языка лингвокультурного менталитета. Данный конструкт является статичным в конкретный период времени и выступает ментальным ресурсом конструирования коммуникативных практик.

Использование данного ресурса – актуализация стратегического знания, в это же время, представляет собой процесс когнитивно-психологической и речевой активности конкретного индивида, отражающий специфику личностного присвоения и интерпретирования актуального стратегического знания, а также специфику адекватной, с точки зрения субъекта, вербализации этого знания. Из этого следует, что актуализированное знание представляет собой конструкт дискурса – спонтанную реализацию фрагмента коллективного опыта в коммуникативном взаимодействии, где значительная роль отводится антропоцентрам – говорящему и адресату, которые являются носителями коллективного стратегического актуального знания, интерпретаторами актуализированного стратегического знания, а в итоге – субъектами регуляций.

Анализ дискурсивной стратегии, соответственно, предполагает наличие ряда этапов и их определенную последовательность.

На первом этапе исследовательская задача состоит в подборе фактического материала, осуществляемом с учетом изучения существующих источников; обзора фоновых знаний, необходимых исследователю для понимания сути изучаемой стратегии; разработки принципов идентификации дискурсивных фрагментов как реализаций данной стратегии и, наконец, формировании корпуса выборки.

Второй этап имеет своей целью выяснения регулятивного потенциала глобальной и локальных стратегий. Для этого, в первую очередь, необходимо определить прототипное и стереотипное знание, составляющее основу конкретной стратегии и представляющее собой её базовый ментальный ресурс. Учитывая, что стратегические намерения формируются и реализуются на фоне всего объема знаний и конкретных потребностей индивида в определенный момент, представляется логичным также исследование влияния общих контекстных и контекстно-ситуативных факторов на реализацию некой стратегии. Общеконтекстные факторы служат ориентирами в оценке данной стратегии в точки зрения культурно-социальных норм и ценностей. Контекстно-ситуационные факторы связывают исследуемую стратегию с определенной типичной ситуацией, которая может быть представлена в сознании в виде набора составляющих, и воплощаться в коммуникативной практике. Из этого вытекает необходимость анализа дискурсивной стратегии (1) с точки зрения вероятностного прогнозирования, или же построения модели типичной конфигурации ситуационных факторов / их характеристик, соответствующих реализации данной дискурсивной стратегии; (2) с точки зрения соответствия реальных реализаций типичному образу ситуации, то есть выяснение прототипического / непрототипического характера реализаций как членов четкой / нечеткой категории. Последнее, фактически, представляет собой описание дискурса, образуемого некой стратегией в терминах его ядерно-периферийной организаций.

На третьем этапе в фокусе исследования оказывается регулятивный потенциал речевых стратегий. В соответствии с предложенной типологией этих

стратегий (которая, несомненно, может быть и иной, учитывая сложную природу дискурсивной стратегии и характерный для дискурсологии принципиально плюралистический подход) представляется необходимым (1) определения роли каждой речевой стратегии в решении глобальных /локальных стратегических заданий; (2) анализ реализаций определенной стратегии в терминах прагмалингвистики / теории речевых актов, лингвистики текста, конверсационного анализа; (3) выявление для каждой из речевых стратегий набора тактик, приемов и средств, предназначенных для реализации глобальной и локальных стратегических целей.

Регулятивный потенциал дискурсивной стратегии конфронтации. Исследование регулятивного потенциала стратегии конфронтации проведено на материале англоязычного дискурса, охватывающем общение на британском и американском вариантах английского языка. Языковые и культурно-социальные различия, на наш взгляд, не играют столь существенную роль при описании общих тенденций стратегического использования вербальных средств с целью конфронтации.

Для понимания сути конфронтации и выяснения регулятивной роли соответствующей дискурсивной стратегии необходимо прежде всего выяснить ряд проблемных моментов. Первым из них является соотношение конфликта и конфронтации, поскольку данное соотношение на настоящий момент не получило достаточно четкого определения в конфликтологических [Анцупов 2008; Бандурка 1997; Гришина 2002 и др.] и лингвистических [Antaki 1994; Leung www; Nelson 2001 и др.] исследованиях. Анализ опыта конфликтологических (в том числе и лингвоконфликтологических) работ позволяет утверждать, что конфликт и конфронтация связаны гиперогипонимическими отношениями: конфронтация принадлежит к массиву конфликтных явлений и характеризуется наличием ряда интегральных характеристик, в частности:

- наличием противоречия – основной категориальной черты любого конфликтного явления, которое обуславливает стадии конфликта [Петровская 2002], на основе взаимодействия объективных и субъективных факторов [Орлова 2001] в формировании образа конфликтной ситуации, включающем ряд составляющих [Емельянов 2003: 26–29; Петровская 2002];

- системности конфликта как социально-психологической сущности, структурные и динамические свойства которой возможно представить как совокупность структурной, вероятностной и динамической моделей [Светлов 2001: 18; 30–31];

- ценности межличностных отношений как основного фактора, определяющего стратегию поведения личности в конфликтной ситуации [Емельянов 2003: 95].

Последняя характеристика является основой для определения дифференциальной черты конфронтации, которая позволяет отличать ее от иных конфликтных явлений: ценность межличностных отношений

оценивается субъектом конфронтации как менее важная в сравнении с той целью, которую он преследует [Grimshaw 1990].

Таким образом, конфронтация ориентирована на «дисгармонизацию межличностных отношений» [Бандурка 1997: 42 и др.], что и определяет регулятивные свойства соответствующей дискурсивной стратегии.

Рамки англоязычного дискурса ограничены в исследовании диалогической формой взаимодействия, являющейся, с нашей точки зрения, оптимальной для анализа объекта исследования: в диалоге регуляция сознания и поведения происходит тут и сейчас, в режиме on-line, а реакция на конфронтацию следует немедленно и непосредственно.

Корпус выборки сформирован из фрагментов художественных произведений (художественной литературы, скриптов кинофильмов и телесериалов). Использование персональной речи в качестве примеров реализации стратегии конфронтации в англоязычном дискурсе обусловлено рядом причин, в частности:

- литературный диалог представляет собой модель естественного диалога [Головин 1969: 355; Tannen 1994 и др.], причем данная модель является достаточно достоверной для лингвистического анализа и используется многими авторами, в то время как запись реальных образцов общения является, по-первых, не полным аналогом последнего [Макаров 2003: 107; Perez Hernandez 2001: 21 и др.], а во-вторых, проблемной для фиксации конфронтационных ситуаций;

- образцы персональной речи легче интерпретировать как реализации стратегии конфронтации с учетом контекста произведения, а в литературных произведениях также с учетом речи автора.

Исходя из изложенного, выбор дискурсивных фрагментов производился с учетом контекстов образцов персональной речи. Интерпретация данных образцов как реализаций стратегии конфронтации основывалась на показателях, включающих три группы.

Первичными показателями считаем маркеры стратегии *конфронтации*, а именно: номинацию *confrontation* и семантически сопряженные с нею единицы, например:

*Then Tom had hold of his boss and was pulling at him. Tomkin allowed himself to be drawn away from the **confrontation** but lifted a finger, swung it in the air in Croaker's direction. "I'm warning you," he cried, "this is harassment. I don't want you near me."* (Lustbader, The Ninja, p. 242)

*"Well, you're doing your job badly." Thomas Dunne continued to **attack** me.*

(Patterson, Along Came a Spider, p. 345)

Вторичными показателями, по нашему мнению, являются индикаторы стратегического смысла (вербальные средства, которые описывают негативное психоэмоциональное состояние субъекта, его негативное отношение к собеседнику и т.п.), например:

There was a malicious grin on his face now, his skin alternately lighter and darker yellow, with the wash of passing headlights from the traffic flow. "My God, I won't be saddled with you again!" (Lustbader, *The Ninja*, p. 240)

Monica's anger was rising in her face. "It was Lloyd with his arm round her," she said. "I saw them. I'm sorry I ever told you. Rose is the only one that believes me." (Spark, *The Prime of Miss Jean Brodie*, p. 55)

"You bastard," hissed Leamas with rage, "You knew I wouldn't turn myself to your rotten service." (La Carré, *The Spy Who Came In From The Cold*, p. 110)

Нулевые показатели конфронтации не представлены вербальными средствами – маркерами или индикаторами, в этом случае стратегический смысл выводится из знания о контексте, в котором реализуется речевой вклад. Так, в следующем примере показное равнодушие девочки является проявлением обиды: она привыкла к тому, что мать сосредотачивает все свое внимание на семье, детях, и не может смириться с тем, что теперь работа матери в другом городе лишила ее этого. Хотя слова Мэган не являются грубыми или невежливыми, они не соответствуют по полноте и теплоте общения тем образцам, которые до этого имели место в этой семье:

"I'll be home on weekends, Meg," Tanya reminded her again.

"Yeah, right. Whatever," Megan said to her mother and then walked away.

(Steel, *Bungalow 2*, p. 75)

Таким образом, сформированный корпус примеров персонажной речи представляет собой реализации стратегии конфронтации в англоязычном дискурсе, точнее дискурсах, смоделированных в проанализированных произведениях.

Регулятивный потенциал глобальной стратегии конфронтации основывается на прототипном знании о конфронтации. Этот потенциал предполагает анализ концепта CONFRONTATION, который приведен с опорой на имеющиеся данные концептуального [Ермолаева 2005] и семантического анализа [Жарковская 2007].

Полученные данные дают основания утверждать, что CONFRONTATION – это коммуникативное событие открытого противостояния участников/сторон конфликтной ситуации. Проекция этого содержания в сферу вербальной коммуникации сужает его, оставляя за рамками субъектно-объектное противостояние, а с другой стороны, расширяет необходимый содержательный минимум, добавляя к нему такой признак как инструмент – *вербальная* форма взаимодействия. Следовательно, стратегически актуальное знание включает такие составляющие как «противопоставление (opposition)», «участники/стороны (persons, groups)», «враждебные (hostile)», «взаимодействие (meeting face to face)». При этом «враждебное» поглощает «противопоставление (*hostile of or relating to an enemy; enemy – one that is antagonistic to another*)» [MW]. Кроме того, «взаимодействие», осуществляемое посредством языка,

соотносится с «общением» (*meeting – an act of coming together, verbal-consisting of words* [MW]) и имплицитно подразумевает наличие субъектов (людей, групп людей).

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что прототипное актуальное знание о конфронтации как враждебном общении представлено в «наивном» сознании англоязычных коммуникантов в виде структуры знания **МЫ ВРАГИ / WE ARE ENEMIES**.

Поскольку антиподом конфронтации является гармоничное «вежливое» общение (в этом случае речь идёт о понимании вежливости именно как «гармонического, неконфликтного общения» [Ларина 2003: 54], демонстрации доброжелательности, кооперативности, позитивного отношения [Карасик 2002: 91]), общетеоретические постулаты теории вежливости [Brown 1987; Lakoff 1973: 302; Leech 1983 и др.] могут послужить отправной точкой определения стереотипов конфронтации.

Стереотипы-представления о конфронтации, профилируясь относительно **ВЛАСТИ** и **ДИСТАНЦИИ**, конкретизируют предметное содержание прототипного знания, сегментируя его в виде двух структур – **Я ВЫСШИЙ – ТЫ НИЗШИЙ**, **Я ХОРОШИЙ – ТЫ ПЛОХОЙ**, которые лежат в основе локальных стратегий *доминирования-дискриминации, самопохвалы-дискредитации*.

Соотносимые с этими стереотипными представлениями стереотипы поведения – стандартизированные модели поведения, в свою очередь, формируют речевые стратегии конфронтации, а именно:

- *демонстрируй власть* (акцентируй свою высшую позицию и/или низшую позицию собеседника) – речевая стратегия демонстрации власти;
- *борись за власть* (пытайся повысить собственную позицию и/или понизить позицию собеседника) – речевая стратегия борьбы за власть;
- *принуждай* (приказывай, навязывай, не давай выбора собеседнику) – речевая стратегия принуждения;
- *завоёвывай пространство* (расширяй рамки собственного пространства, вторгайся в пространство собеседника) – речевая стратегия завоевания пространства;
- *не одобряй* (акцентируй положительную самооценку и/или негативную оценку собеседника) – речевая стратегия неодобрения;
- *демонстрируй неуважение* (акцентируй собственные потребности, желания, интересы; игнорируй потребности, желания, интересы собеседника) – речевая стратегия неуважения.

Следует отметить, что между стереотипами-представлениями и стереотипами поведения отсутствуют четкие и однозначные коррелятивные связи: если, например, стереотип представление **Я ХОРОШИЙ – ТЫ ПЛОХОЙ** соотносится со стереотипом поведения *не одобряй*, то стереотип поведения *демонстрируй неуважение* базируется на обоих стереотипных представлениях о конфронтации: субъект, с одной стороны положительно оценивает собственные потребности, а, с другой стороны, игнорируя желания и интересы другого субъекта, приписывает ему низшую позицию.

Также необходимо подчеркнуть тот факт, что каждая из речевых стратегий конфронтации может быть реализована в дискурсе полностью или частично. Например, в следующем фрагменте полностью реализована речевая стратегия принуждения

RUTH: *You are not to see that boy again, do you understand me, Rose? I forbid it!* (Titanic)

В то же время в другом фрагменте имеет место частичная объективация речевой стратегии борьбы за власть: коммуникант пытается повысить собственную позицию, не претендуя при этом на понижение позиции собеседника:

"Excuse me," I said in a demanding tone, "I have repeatedly requested a phone, and I'm beginning to feel like I'm in prison." (Cornwell, *Unnatural Exposure*, p. 209)

Речевые стратегии конфронтации основываются на тактиках, подразделяющихся на три группы (акто-речевые, содержательные, интеракциональные); каждая из тактик, в свою очередь, представлена набором приёмов/средств, имеющих либо приобретающих конфликтогенный потенциал. Речь идет о том, что некоторые языковые/речевые единицы ассоциируются в сознании англоязычных коммуникантов с конфронтацией, однако их способность к объективации стратегического смысла может быть установлена в конкретной реализации лишь с учетом контекста дискурса. В то же время, контекст позволяет выявить способность к реализации конфронтационных смыслов и иных вербальных средств, не соотносимых в языковом сознании с конфронтацией. Следовательно, анализ конкретных приёмов/средств реализации стратегии конфронтации в англоязычном дискурсе следует проводить исходя из того, что такие способы и средства представляют собой открытое множество и организованы по принципу нечёткой категории (практически каждое из них в одной позиции принадлежит данной категории, а в другой – не принадлежит).

Кроме того, представляется необходимым учет роли каждого конкретного средства, приёма или же тактики в целом в реализации конфронтационного смысла: очевидная возможность реализации одновременно нескольких из них предполагает наличие основных и второстепенных.

Исходя из изложенного, можно сделать ряд выводов, а именно:

- постулаты и принципы дискурсологии ориентируют на использование разнообразного инструментария в исследовании стратегии конфронтации, соединения новых и достаточно традиционных понятий, а, соответственно, и различных методов анализа;

- интеграция принципов коммуникативно-функциональных и дискурсологических исследований позволяет наиболее полно и комплексно изучить стратегический потенциал конфронтации;

- регулятивный потенциал стратегии конфронтации может быть изучен с точки зрения дискурсообразующей роли данной стратегии (глобальной

и локальных стратегий конфронтации), а также с позиции выяснения общих тенденций выбора вербальных средств реализации стратегических целей англоязычными коммуникантами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцупов А.Я. Конфликтология : [учебник для вузов] / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – [3-е изд.]. – СПб.; М.; Х.; Минск : Питер, 2008. – 490 с.
2. Бандурка А.М. Конфликтология / А.М. Бандурка, В.А. Друзь. – Харьков : Фортуна-пресс, 1997. – 356 с.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества : сб. избр. тр. / М.М. Бахтин. – [2-е изд.]. – М. : Искусство, 1986. – 444 с.
4. Бацевич Ф.С. Основи комунікативної лінгвістики / Ф.С. Бацевич. – К. : Видавничий центр «Академія», 2004. – 344 с.
5. Безугла Л.Р. Вербалізація імпліцитних смислів у німецькомовному діалогічному дискурсі : [монографія] / Л.Р. Безугла. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2007. – 332 с.
6. Белова А.Д. Лингвистические аспекты аргументации : [монография] / А.Д. Белова. – К. : Киев. ун-т им. Тараса Шевченко, ИИА «Астрея», 1997. – 310 с.
7. Белова А.Д. Поняття «стиль», «жанр», «дискурс», «текст» у сучасній лінгвістиці / А.Д. Белова // Іноземна філологія. – К. : КНУ імені Т. Шевченка, 2002. – Вип. 32. – С. 11–14.
8. Белова А.Д. Комунікативні стратегії і тактики: проблеми систематики / А.Д. Белова // Мовні і концептуальні картини світу : зб. наук. пр. – К. : КНУ імені Тараса Шевченка, 2004. – С. 11–16.
9. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия : сб. науч. тр. – М. : Наука, 1987. – С. 88–125.
10. Вацлавик П. Психология межличностных коммуникаций / П. Вацлавик, Дж. Бивин, Д. Джексон ; [пер. с англ.]. – СПб. : Речь, 2000. – 300 с.
11. Вессон К. Двойственная роль языка в организациях (модель Януса) // Организационная коммуникация ; [сост. А.П. Мюллер, А. Кизер ; пер. и науч. ред. А.А. Киселевой]. – Харьков : Изд-во Гуманитарный центр, 2005. – С. 28–69.
12. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
13. Головин Б.Н. Вопросы социальной дифференциации языка / Б.Н. Головин // Вопросы социальной лингвистики. – Л. : Наука, 1969. – С. 343–355.
14. Гришина Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. – СПб.; М.; Х.; Минск : Питер, 2002. – 464 с.
15. Данилова Н.К. Субъективные позиции повествовательного дискурса / Н.К. Данилова // Текст: восприятие, информация, интерпретация.

- Актуальные проблемы перевода. Чтение как феномен культуры. Текст в системе обучения: проблемы восприятия и методики. Имиджелогия и PR : I Междунар. науч. конф. Российского нового ун-та, 27–28 мая 2002 г. : тезисы докл. – М. : Росноу, 2002. – С. 124–137.
16. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Дейк ван Т.А. ; [пер. с англ. ; сост. Петров В.В. ; под ред. В.И. Герасимова]. – М. : Прогресс, 1989. – 310 с.
 17. Дементьев В.В. Варьирование коммуникативных концептов / В.В. Дементьев // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Парадигма, 2006. – С. 5–24.
 18. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста / В.З. Демьянков // Всесоюзный Центр переводов. Тетради новых терминов, 39. – М., 1982. – Вып. 2. Методы анализа текста. – 288 с.
 19. Дресслер В. Синтаксис текста / В. Дресслер // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 111–137.
 20. Емельянов С.М. Практикум по конфликтологии / С.М. Емельянов. – СПб. : Питер, 2003. – 400 с.
 21. Ермолаева Е.Н. Концепт CONFLICT и его объективация в лексико-семантическом пространстве современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ермолаева Елена Николаевна. – Иркутск, 2005. – 212 с.
 22. Жарковская И.В. Семантические и функциональные особенности англоязычных номинаций конфликта : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Жарковская Инна Валерьевна. – Харьков, 2007. – 249 с.
 23. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – [2-е изд., стереотип.]. – М. : USSR, 2003. – 284 с.
 24. Ильченко О.М. Этикет англоязычного научного дискурса : [монография] / Ильченко О.М. – К. : ІВЦ «Політехніка», 2002. – 288 с.
 25. Карабан В.И. Сложные речевые единицы: прагматика английских асиндетических полипредикативных образований : [монография] / В.И. Карабан. – К. : Вища школа, 1989. – 131 с.
 26. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
 27. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 374 с.
 28. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1997. – 331 с.
 29. Кудоярова О.В. Дискурсотворча роль теми у професійному конфліктному спілкуванні англоязычних медиків (на матеріалі персонажного мовлення) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Кудоярова Ольга Вікторівна. – Харків, 2007. – 238 с.

30. Лазуткина Е.М. Коммуникативные цели, речевые стратегии, тактики и приёмы / Е.М. Лазуткина // Культура русской речи : [учеб. для вузов] / [Виноградов С.И., Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. (ред.) и др. ; РОС. АН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова]. – М. : Изд. группа «Норма ИНФРА М», 1998. – С. 72–82.
31. Ларина Т.В. Вежливость как национально-специфическая категория / Т.В. Ларина // Коммуникативное поведение. Вежливость как коммуникативная категория ; [научн. ред. И. А. Стернин]. – Воронеж : «Истоки». – 2003. – Вып. 17. – С. 48–57.
32. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А.А. Леонтьев. – М. : Наука, 1968. – 306 с.
33. ЛЭС = Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В.Н. Ярцева]. – М. : Сов. энциклопедия, 1991. – 685 с.
34. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
35. Мартинюк А.П. Конструювання гендеру в англomовному дискурсі : [монографія] / А.П. Мартинюк. – Харків : Константа, 2004. – 292 с.
36. Мартинюк А.П. Регулятивна функція гендерно маркованих одиниць мови (на матеріалі сучасного англomовного публіцистичного дискурсу) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня докт. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / А.П. Мартинюк. – К., 2006. – 40 с.
37. Мартинюк А.П. Прототип як операційна одиниця перекладу / А.П. Мартинюк // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – 2007. – № 772. – С. 15–18.
38. Мартинюк А.П. Словник основних термінів когнітивно-дискурсивної лінгвістики / А.П. Мартинюк. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. – 196 с.
39. Милевская Т.В. Дискурс и текст: проблема дефиниции [Электронный ресурс] / Т.В. Милевская. – 2002. – Режим доступа : www.teneta.ru/rus/me/milevskat-discourseandtextdfn.htm.
40. Морозова О.І. Лінгвальні аспекти неправди як когнітивно-комунікативного утворення (на матеріалі сучасної англійської мови) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / О.І. Морозова. – К., 2008. – 32 с.
41. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс / Г.Г. Москальчук. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.
42. Орлова Э.А. Взаимодействие в конфликтной ситуации / Э.А. Орлова, Л.Б. Филонов // Психология конфликта : [хрестоматия] ; [сост. и общ. ред. Н.В. Гришиной]. – СПб. : Питер, 2001. – С. 380–403.
43. Петровская Л.А. О понятийной схеме социально-психологического анализа конфликта / Л.А. Петровская // Психология конфликта : [хрестоматия] ; [сост. и общ. ред. Н.В. Гришиной]. – СПб. : Питер, 2002. – С. 298–309.

44. Почепцов Г.Г. Избранные труды по лингвистике : монография / Г.Г. Почепцов ; [сост., общ. ред. и вступ. статья И.С. Шевченко]. – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2009. – 556 с.
45. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения : [монография] / О.Г. Почепцов. – К. : Вища школа, 1986. – 116 с.
46. Приходько А.М. Складносурядне речення в сучасній німецькій мові : [монографія] / А.М. Приходько. – Запоріжжя : ЗДУ, 2002. – 292 с.
47. Приходько А.Н. Синтаксис естественного языка в фокусе когнитивно-дискурсивной парадигмы / А.Н. Приходько // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – 2003. – № 609. – С. 84–89.
48. Рудяков А.Н. Язык или почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка) / А.Н. Рудяков. – К. : Грамота, 2004. – 224 с.
49. Светлов В.А. Аналитика конфликта : [учеб. пособие] / В.А. Светлов. – СПб. : ООО «Росток», 2001. – 512 с.
50. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г.Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 339 с.
51. Солощук Л.В. Вербальні і невербальні компоненти комунікації в англомовному дискурсі : [монографія] / Л.В. Солощук. – Харків : Константа, 2006. – 300 с.
52. Сухих С.А. Речевые интеракции и стратегии / С.А. Сухих // Языковое общение и его единицы : сб. ст. – Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1986. – С. 71–77.
53. Сучкова Г.М. Прагматика межличностного взаимодействия / Г.М. Сучкова. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 240 с.
54. Тарасова Е.В. Когнитивные основания системной организации речи / Е.В. Тарасова // Вісник Харківського державного університету. – 1999. – Вип. 424. – С. 174–183.
55. Фролова І.Є. Стратегія конфронтації в англомовному дискурсі : [монографія] / І.Є. Фролова. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2009. – 344 с.
56. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования / М.А. Холодная. – СПб. : Питер, 2002. – 272 с.
57. Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка / Л.П. Чахоян. – М. : Высшая школа, 1979. – 168 с.
58. Шевченко И.С. Дискурс как мыслекоммуникативное образование / И.С. Шевченко, Е.И. Морозова // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – 2003. – № 586. – С. 33–38.
59. Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения. Английское вопросительное предложение 16–20 вв. : [монография] / И.С. Шевченко. – Харьков : Константа, 1998. – 168 с.
60. Шевченко І.С. Когнітивно-прагматичні дослідження дискурсу / І.С. Шевченко // Дискурс как когнітивно-комунікативний феномен :

- [кол. монографія] / [під загальн. ред. І.С. Шевченко]. – Харків : Константа, 2005. – С. 105–117.
61. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
 62. Шейгал Е.И. Концепты и категории дискурса / Е.И. Шейгал // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Парадигма, 2006. – С. 24–39.
 63. Штерн І.Б. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики : енциклопедичний словник для фахівців з теоретич. гуманіт. дисциплін та гуманіт. інф-ки / І.Б. Штерн. – К. : «АртЕк», 1998. – 336 с
 64. Яхонтова Т.В. Лінгвістична генологія наукової комунікації : [монографія] / Т.В. Яхонтова. – Львів : ЛНУ ім. І. Франка, 2009. – 420 с.
 65. Antaki C. Explaining and arguing: The social organization of accounts / C. Antaki. – London, etc. : Sage Publ., 1994. – 283 p.
 66. Edmondson W. Spoken Discourse: a Model for Analysis / W. Edmondson. – London, New York: Longman, 1981. – 217 p.
 67. Fernando C. Idioms and Idiomaticity / C. Fernando. – Oxford : OUP, 1996. – 150 p.
 68. Grimshaw A.D. Conflict talk: Sociolinguistic investigations in conversations / A.D. Grimshaw. – Cambridge, UK : CUP, 1990. – 354 p.
 69. Henne H. Einführung in die Gesprächsanalyse / H. Henne, H. Rehbock. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1982. – 330 S.
 70. Leung S. Conflict Talk: A Discourse Analytical Perspective Working [Electronic resource] / S. Leung // Papers in TESOL & Applied Linguistics. – 2004. – Access : www.tc.columbia.edu/tesolawebjournal.
 71. Meier A. J. Passages of politeness / A. J. Meier // Journal of Pragmatics. – 1995. – № 24. – P. 381–392.
 72. Mills S. Rethinking Politeness, Impoliteness and Gender Identity [Electronic resource] / S. Mills. – 2002. – Access : <http://www.lboro.ac.uk/departments/ea/politeness/GenderandPoliteness.htm>.
 73. MW = Merriam Webster's Collegiate Dictionary – [tenth edition]. – Springfield, Mass., 1993. – 1559 p.
 74. Nelson C. K. If it sounds too good to be true, it is: A Wittgensteinian approach to the conflict literature / C. K. Nelson // Language and Communication. – 2001. – № 21. – P. 1–22.
 75. Schiffrin D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Oxford : Blackwell, 1994. – 470 p.
 76. Tannen D. Gender and Discourse / D. Tannen. – New York, Oxford : OUP, 1994. – 203 p.

Фролова Ирина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода английского языка факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: transengl@univer.kharkov.ua

РЕДАКТОРЫ

Ирина Семеновна Шевченко, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: irina.shevchenko7@gmail.com

Владимир Ильич Карасик, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета; e-mail: vladimir_karasik@mail.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Донка Александрова, доктор философии, профессор кафедры риторики университета Климента Охридского, г. София, Болгария; e-mail: donka_bar@hotmail.com

Алла Дмитриевна Белова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко; www.philolog.univ.kiev.ua

Лилия Ростиславовна Безуглая, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: bezugla@daad-alumni.de

Дэниэл Вандервекен, доктор философии, профессор факультета философии университета Квебека, г. Труа-Ривьер, Канада, e-mail: daniel.vanderveken@uqtr.ca

Светлана Анатольевна Жаботинская, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: saz9@ukr.net

Евгения Анатольевна Карпиловская, доктор филологических наук, профессор, зав. отделом структурно-математической лингвистики Института украинского языка Национальной академии наук Украины; e-mail: karpilovska@gmail.com

Герхард Коллер, доктор философии, директор лингвистического центра университета имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия; e-mail: Gerhard.Koller@sz.uni-erlangen.de

Геннадий Николаевич Манаенко, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Ставропольского государственного

педагогического института, зав. проблемной научно-исследовательской лабораторией «Личность. Информация. Дискурс» ("ЛИД"); e-mail: manaenko@list.ru

Алла Петровна Мартынюк, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода английского языка Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: allamart@list.ru

Франциско Домингес Матито, доктор философии, профессор университета Ла Риоха, г. Мадрид, Испания; e-mail: fd.matito@unirioja.es

Лев Михайлович Минкин, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды; e-mail: lev.minkin@gmail.com

София Ахметовна Моисеева, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Белгородского государственного университета, Россия; e-mail: moisseeva@bsu.edu.ru

Елена Ивановна Морозова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: elena.i.morozova@gmail.com

Валентина Григорьевна Пасынок, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой методики и практики английского языка, декан факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: inyaz@univer.kharkov.ua

Анатолий Николаевич Приходько, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой германской филологии Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара; e-mail: aprykhod@rambler.ru

Виктория Афанасьевна Самохина, доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: englishphilology.karazin@yahoo.com

Елена Александровна Селиванова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и практики перевода Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: oselivanova@ukr.net

Геннадий Геннадьевич Слышкин, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Российской академии

народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия); e-mail: ggsl@yandex.ru

Людмила Васильевна Солощук, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: lsolo@ukr.net

Маргарет Фриман, доктор философии, почетный профессор Вэлли Колледжа (г. Лос-Анжелес), со-директор Мэрифилд института когниции и гуманитарных наук (г. Хит, США); e-mail: freemamh@lavc.edu

Наталья Чабан, доктор философии, доцент, зам директора национального центра европейских студий университета Кентербери, г. Крайстчерч, Новая Зеландия, e-mail: natalia.chaban@canterbury.ac.nz

Валерия Евгеньевна Чернявская, доктор филологических наук, профессор, научный директор института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; e-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Евгения Валериевна Бондаренко, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: ybond7@gmail.com

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Материалы принимаются в объеме не менее 10 страниц текста в текстовом редакторе Microsoft Word, версия 6.0 и выше, шрифт Times New Roman Cyr, размер шрифта 14, интервал 1. Текст форматируется по ширине. Отступ для абзаца 1,25 см, поля: слева – 2 см., справа – 2 см., сверху и внизу – 2,5 см. В левом углу указывается УДК. По центру заглавными буквами жирным шрифтом пишется название статьи. На следующей строке по центру указываются сначала инициалы, затем фамилия автора, в скобках пишется город, страна; например:

ПРОБЛЕМА ВТОРИЧНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ

Н.И. Иванова (Киев, Украина)

2. Аннотации (около 500 знаков каждая, включая пробелы; ключевые слова расположить в алфавитном порядке) на трех языках: украинском, русском, английском) подаются шрифтом 12 Times New Roman, в начале каждой аннотации указать инициалы, фамилию автора и название статьи на соответствующем языке.

3. В начале каждой статьи ВАК Украины рекомендует указывать **актуальность, объект, предмет, цель и материал** статьи. Приветствуется структурирование статьи на подразделы (нумерованные), названия которых печатаются с отступом строки от предыдущего текста и выделяются жирным шрифтом.

4. Примеры и их перевод выделяются *курсивом*, нужное подчеркивается. Подразделы, важнейшие понятия даются жирным шрифтом; авторы могут использовать подчеркивание. Растяжка шрифта, постраничные сноски в электронных изданиях не допускаются. При необходимости возможны примечания после текста статьи перед списком литературы.

5. Ссылки на литературу оформляются в квадратных скобках по образцу [Арутюнова 1976: 15; Гумбольдт 1985: 373]. Библиография оформляется по требованиям ВАК Украины. После слова **ЛИТЕРАТУРА** (заглавными буквами жирным шрифтом без двоеточия в конце) приводится нумерованный алфавитный список. Тире и дефис различаются. В случае цитирования работ одного автора, изданных в один год, после года ставится буква (2001a; 2001б).
Пример:

1. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
2. Карпова Е.В. Стратегии вежливости в современном английском языке (на материале малоформатных текстов) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / Е.В. Карпова. – СПб, 2002. – 20 с.
3. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова – М. : АСТ: „Восток – Запад“, 2007. – 314 с.

6. После списка литературы подается информация о месте работы (полное название), степени и звании, приводится электронный адрес, который автор желает указать для читателей журнала.

7. Все статьи проходят анонимное рецензирование. Авторам могут быть предложены изменения, которые желательно внести в течение месяца.

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

КОГНІЦЯ, КОМУНІКАЦІЯ, ДИСКУРС

Міжнародний електронний збірник наукових праць. 2013, № 7

Напрямок “Філологія”

Російською, англійською, німецькою мовами

Комп’ютерне верстання

Л.П. Зябченко

Комп’ютерна підтримка сайту

В.О. Шевченко

61022, м. Харків, майдан Свободи, 4
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Надруковано: ХНУ імені В. Н. Каразіна
61022, м. Харків, майдан Свободи, 4,
тел.: 362-01-52
Свідоцтво суб’єкта видавничої справи ДК № 3367 від 13.01.09.